XIX

За несколько дней до отъезда нашего из Бомбея мы прочитали в одной местной газете объявление о двух свадьбах: свадьба богатой наследницы, браманки; другая – в семействе огнепоклонников.[794]

Объявление о первой гласило так:

«В семейства Бимбая Мавланкара и прочее готовятся к радостному событию. Наш почетный член, не в пример другим менее счастливым браманам его касты, нашел жениха для своей внучки в богатом семействе однокастников в Гуджерате. Маленькой Рамабае уже исполнилось *пять лет*, а ее жениху *семь*. Свадьба назначена чрез два месяца и обещает быть блестящею».

Второе объявление касалось совершившегося факта и появилось в одной парсийской газете, весьма сильно напирающей на *реформу* и жестоко бичующей своих соотчичей за их «отвратительные, устарелые обычаи» и, между прочим, за ранний брак. Она справедливо осмеивала какой-то *Гуджератский листок*, в напыщенных выражениях описывавший брачную церемонию в Пуне… Там счастливый жених (которому уже минул *пятый* год) «прижимал к сердцу вручаемую ему тещей *краснеющую* невесту *двух с половиной лет*»!.. Обычные ответы брачной пары оказались до того неясными, что священнику гебров (мобеду) вместо жениха и невесты пришлось обращаться уже к родителям с обычными при церемонии вопросами: «Берешь ли ты его себе законным мужем, о дщерь Заратушты (Зороастра)! И готов ли ты быть ее супругом, о сын Ормазда!..» «Брачные приготовления оказались вполне успешными, – говорит сатирическая газета, – жених был выведен за руку во всей молодцеватости своей toga virilis[795] и высокого, в виде сахарной головы тюрбана, а невеста, вынесенная на руках, угощала присутствующих вместо улыбок страшнейшим ревом, среди которого она совершенно забывала о носовом платке и вспоминала, по-видимому, лишь о соске, требуя ее себе среди неистового крика и почти задыхаясь под тяжестью фамильных бриллиантов…» То был парсийский брак, «с барометрическою верностью характеризующий ход прогресса нашего быстро развивающегося народа», добавляет газета.

Прочитав это, мы, конечно, много смеялись, хотя не совсем веря, чтобы даже в Индии могли совершаться столь ранние браки. Мы слыхивали о *десятилетних супругах*, но о *двухлетних невестах* приходилось слышать впервые. В Багхе мы убедились, как неизмерима браманская изобретательность: недаром они в древности постановили закон о запрещении кому бы то ни было, за исключением священнодействующих браманов, изучать санскритский язык и особенно читать Веды. *Шудра* и даже высококастный *ваизия*[796] предавались во времена оны позорной смерти за таковое преступление. Весь секрет в том, что Веды запрещают вступать в брак женщинам ранее 15–20 лет, а мужчинам до 25 или даже 30-летнего возраста. Распорядившись, чтобы всякая религиозная церемония прежде всего наполняла карманы браманов, эти тунеядцы перековеркали свое древнее писание на собственный лад и, обременив постепенно индусов бесконечным каталогом обрядов, постановлений, несуществующих праздников и глупейших церемоний и дабы притом не быть пойманными в лживом толковании священных книг, хитро придумали вменить в кощунство чтение оных всякому, кто только не принадлежал к их лагерю. Между прочими «преступными выдумками» (как их называет суами Дайананд) вот одно из постановлений, извлеченное из браманских книг, идущих диаметрально вразрез с Ведами. По всей Центральной Индии празднуется так называемый «брачный сезон» Kudwa Kunbis[797], земледельческой касты, к коей принадлежат все *земиндары*. Сезон этот празднуется лишь один раз в двенадцать лет, но зато он является полем обильнейшей жатвы для господ браманов. Все матери как взрослых (то есть десятилетних) ребят, так и младенцев еще в пеленках, и даже еще *не родившихся* детей, обязаны совещаться с богиней *Матой*, хранительницей новобрачных, конечно, чрез ее оракулов, браманов. *Мата* – покровительница всех четырех родов брака между индусами:

[794] В «Московских ведомостях» далее: Передаю в виде курьеза описание обеих.
[795] тоги зрелости (*лат.*) – одежда римлянина по достижении им совершеннолетия.
[796] Вайшья.
[797] Kunbi Kadwa.

«брака отроков, брака детей, брака младенцев и брака *в чреве*». Последний самый занимательный, хотя бы в силу своей азартности и полной зависимости от слепой судьбы.

Вместо *будущих* плодов *венчаются между собою матери*, то есть те, которые находятся в интересном положении. Много поэтому любопытных эпизодов является среди этих матримониальных пародий, но национальный инстинкт индусов не смущается никаким необыкновенным казусом. Они остаются безмятежно и спокойно верующими, выказывая лишь изредка и то при самых исключительных случаях открытый антагонизм против браманских учреждений. Их вера – скорее, вековой страх пред непогрешимостью «избранников богов» – нечто внушающее к ним среди невольного смеха и невольное уважение. А браман, как давно известно, не ударит лицом в грязь ни пред каким афронтом[798] насмешливой и слепой судьбы. Если, например, у обеих *обвенчанных одна с другою матерей* родятся мальчики или оба новорожденные окажутся девочками – на то воля *Маты*: богиня, значит, пожелала, чтобы вместо супругов родились два брата или две сестры, и эти дети, если они вырастут, признаются законными наследниками *обеих* матерей. В таких случаях, по приказанию богини, браман расторгает брачные узы, ему снова платят и конец делу. Но если дети родятся двух полов, то уже брака расторгнуть ничто и никто не может: ни уродство, ни хронические болезни, ни даже полное юродство одного из супругов…

Чтобы не возвращаться к этому предмету, заметим здесь, кстати, о некоторых господствующих в Индии обычаях. Кроме случаев посвящения младенца с первых же дней его рождения в один из классов монашествующей братии или же посвящения ребенка одному из богов Тримурти еще в утробе матери, ни один индус не имеет права оставаться холостым. Религия предписывает ему брак ради сына, на котором лежит обязанность вводить покойного отца, посредством некоторых *необходимых* заклинательных молитв, в *сваргу* (рай). Даже каста *брамачарий*[799], – члены коей дают обет безбрачия, хотя и остаются в миру и вращаются в мирских делах, представляя единственный в стране экземпляр *светских* холостяков, – обязана усыновлять себе мальчиков. Все же остальные индусы пребывают в браке до *сорокалетнего* возраста, после чего получают право, с согласия жены и семейства, удаляться в джонгли и ради спасения души делаться аскетами. Если в семье родится урод, то и это не препятствует ему жениться; он только должен подобрать себе такую же калеку-жену. Если выбор его падет на девушку из собственной касты, то она непременно должна быть калекой под условием представлять увечье другого рода. Если жених, например, слепой, то невеста обязана быть или горбатою, или хромою и т.д., лишь бы не слепою и наоборот. Но если кандидат в мужья имеет предрассудки и предпочитает здоровую и красивую жену, то он должен совершить mésalliance[800]: в этом случае он не может добыть себе невесту в собственной касте, а обязан в иерархии каст спуститься одною ступенью ниже и искать себе пары вне своего круга; его же круг и не признает, и не примет несчастную parvenu[801]. Все такие исключения, впрочем, зависят от вдохновляемого богами семейного брамана (гуру). Это по части мужчин. Но что̀ за странная, невероятно несправедливая участь выпала во всех жизненных условиях на долю несчастной женщины Индии! Жизнь *честной* и особенно богомольной, верующей женщины не что̀ иное, как длинный ряд роковых для нее событий. Чем выше она стоит по рождению и своему общественному положению, тем горше ее судьба. Одни *нотчи* – танцорки, посвященные богам и служащие при храмах (должность наследственная), – свободны, счастливы и живут в великом почете. Они *весталки* и *дочери* весталок, как ни странно последнее выражение. Взгляд индусов, особенно в вопросах о нравственности, самобытный и, во всяком случае, «антизападный», если можно так выразиться. Никто не относится строже этого народа к женской чести и целомудрию, но их браманы перехитрили даже римских верховных жрецов и авгуров[802]. У древних римлян Реа Сильвия[803], например, мать Ромула и Рема[804], несмотря на то, что в ее faux

[798] Афронт (*устар., фр.* affront) – неудача, посрамление.

[799] Брахмача́рья (*санскр.* brahmacaṛya, букв. – ученик брахмана) – слово санскрита, имеет различные переводы: от одной из четырех ступеней духовного развития в индуизме до значения «ученик брахмана».

[800] неравный брак (*фр.* мезальянс).

[801] выскочку (*фр.* парвеню).

[802] Авгур – жрец, прорицатель у древних римлян.

[803] Рея Сильвия (*лат.* Rhea Silvia).

pas[805] участвовал бог Марс, была, по обычаю весталок, погребена за этот проступок живою, и Нума с Тиверием[806], как известно, тщательно позаботились, дабы целомудрие их жриц не сделалось чисто номинальным. Но «весталки» берегов Индуса и Ганга понимают дело иначе, нежели его понимали на Тибре. Одно тесное знакомство *нотчей* с богами (коих браманы заменяют по прокуратуре[807]) очищает *нотчей* от всех плотских грехов, соделывая их в одно и то же время безукоризненными и беспорочными. *Нотча не может* быть «падшею женщиной», как другие смертные, несмотря на кучу «божественных музыкантов», снующих в пагодах в виде маленьких весталок и их братцев. Никакая, между тем, римская матрона, даже сама целомудренная Лукреция[808], не была в таком почете за свои добродетели, как осыпанная драгоценностями красавица-*нотча*. Это уважение к «любимцам богов» особенно проявляется в чисто туземных центральных городах Индии, где народ сохранил всю свою слепую веру в непогрешимость браманов.

Не такова участь бедной *честной* женщины в Индостане. *Нотчи* все грамотные и получают самое высокое, по туземным понятиям, образование. Они читают и пишут по-санскритски, изучили лучшую литературу Древней Индии и ее шесть главных философий, из коих в особенности музыку, пение и танцы. Но кроме этих «богорожденных» храмовых жриц, есть еще *публичные нотчи*, профессиональные танцорки, которые, как египетские альмеи[809], доступны и не одним богам; и эти тоже более или менее все грамотные. Поэтому замужние женщины, боясь малейшего приравнения к последним, не желают учиться ничему такому, чему учатся эти презираемые, незнакомые с богами существа. Если браманка богата, она проводит в одуряющем бездействии всю свою жизнь; если бедна – еще хуже: все ее земное существование сосредоточивается в однообразнейшем соблюдении механически совершаемых обрядов. Нет для нее ни прошлого, ни будущего; одно по часам заведенное, веками установленное, монотонное настоящее. И это еще при счастии, пока жизнь ее идет гладко и без семейных утрат. О замужестве же по любви или по свободному выбору не может быть и речи. Выбор для нее жениха, ограниченный собственною кастой, иногда чрезвычайно затруднителен и, во всяком случае, разорителен, потому что здесь жену не продают, а покупают ей право выйти замуж. Вследствие этого рождение девочки не радость, а горе, особенно в небогатом семействе. Она *должна* быть выдана замуж не позже семи-восьми лет, потому что девятилетняя девочка считается здесь уже «старою девкой» и, принося лишь бесчестие родным, навлекает на себя насмешки всех своих более счастливых сверстниц.

Если когда-либо англичане сделали чтò хорошее в Индии, то это, без сомнения, в те дни, когда они успели подавить, если не совершенно искоренить, ужасный обычай *детоубийства*. Убиение девочек почти во всеобщем употреблении в этой стране; оно особенно практиковалось в Центральной Индии и более всего свирепствовало между племенем джадеджа[810], некогда столь могущественным в Синдхе, а ныне сделавшимся разбойничьим племенем. По всем вероятиям, они первые и ввели его. В древности этот зверский обычай – отделываться от дочерей из-за страха обязательного выдавания их замуж – не был известен арийцам. Даже в старинной браманской литературе мы видим, что во времена преобладания чистокровных арийцев женщина пользовалась одинаковыми с мужчиной правами. Она имела голос в государственных советах, была свободна в выборе супруга, как и властна предпочесть безбрачие замужней жизни. Много знаменитых женских имен играют первенствующие роли в хрониках древней земли арийцев и перешли в потомство как имена женщин-поэтов, астрономов, философов и даже мудрецов и законников.

---

[804] Ромул и Рем – легендарные братья-основатели Рима. По преданию, были детьми весталки Реи Сильвии и бога Марса. Согласно Титу Ливию, Ромул был первым царем Древнего Рима (753–716 до н.э.).

[805] опрометчивом поступке (*фр.*).

[806] Нума Помпилий – полулегендарный второй царь Древнего Рима, правил с 715 по 673/672 гг. до н.э.

Тиберий (42 до н.э. – 37) – второй римский император (с 14 г.) из династии Юлиев-Клавдиев.

[807] по управлению (от *лат.* prōcūrātio заботиться, управлять).

[808] Лукреция (ок. 500 до н.э.) – по преданию, римская женщина, славившаяся своей красотой и добродетелью.

[809] Альмея (*фр.* almée, *англ.* almeh) – танцовщица, певица и женщина-музыкант высокого ранга, которая должна была в гаремах развлекать женщин богатых и знатных господ в арабском Египте.

[810] Jadeja – клан раджпутов.

Но с набегом персов в VII столетии нашей эры, а затем фанатических, разбойничьих магометан все изменилось: женщина стала рабой, и браманы воспользовались этим, дабы еще более закрепостить ее. В городах доля женщин-индианок еще печальнее, нежели судьба поселянки. Взглянем на одну такую бесконечную канитель церемоний и обрядов.

Церемонии, предшествующие предложению и свадьбе, чрезвычайно многочисленны и сложны. Их разделяют на три главные группы: церемонии *до* свадьбы, *во время* бракосочетания и *после* брака. В одной первой группе одиннадцать необходимых обрядов: сватовство, сравнение двух гороскопов, жертвоприношение козла, назначение счастливого по звездам дня, приглашение гостей, постройка алтаря, закупка священных горшков для хозяйства, жертвоприношение семейным богам и, наконец, взаимные подарки. Все это совершается с разными обрядами и религиозными церемониями. Как только дочь достигла четырехлетнего возраста, отец и мать посылают за домашним *гуру*-браманом, вручают ему только что снятый астрологом касты (должность весьма важная) гороскоп девочки и посылают к такому-то, у кого есть сын в летах. Предупрежденный заранее отец мальчика берет гороскоп и, положив его пред семейными богами в кумирне, отвечает: «Соглашаюсь на *пáниграхан*[811]… Да поможет нам Рудра (Всевышний)!» Затем, спросив: «Когда же *лагна* (соединение)?», сват откланивается. Чрез несколько дней отец вручает своему семейному жрецу гороскопы невесты и жениха-сына, которые относятся к главному астрологу. Найдет он оба благоприятными – ладно; скажет, что нет, и сватовству конец; отец жениха отсылает тогда резолюцию астролога к родителям девочки и дело предается забвению. В благоприятном же случае отец и браман тут же кончают сделку. Браман подает отцу кокосовый орех и пригоршню сахара, и после этого уже нельзя изменить обещания, иначе vendetta[812] индусов затянется на целые поколения. Приносится в жертву козел, и молодые обручены, а затем астрологом назначается день свадьбы.

Все эти церемонии были уже давно совершены в семействе, к которому мы в Багхе отправились на свадьбу. Эти обряды считаются особенно священными, и нас, вероятно, не допустили бы присутствовать при совершении их. Но мы их увидели позднее в Бенерасе, благодаря ходатайству бабȕ. Принесение в жертву бедного козла чрезвычайно интересно; передаю его в подробности.

Ребенок мужского пола посылается приглашать несколько замужних женщин, «старух» (от 20 до 25 лет), пожаловать на поклонение домашним *ларам* (богине-покровительнице того дома)[813] и духам. Каждое семейство выбирает себе свою особую богиню, чтò при 333 миллионах богов и богинь не составляет особенного затруднения. Вечером приносят юного козла, и все ложатся вокруг него спать. Рано утром приемная зала в нижнем этаже посыпается коровьим навозом, любимейшим индусскими богинями фимиамом, а посредине комнаты начертывается мелом квадрат, в который на высоком алтаре становится идол богини. Затем приводят козла, и старейший в доме мужчина, взяв животное за рога, заставляет его кланяться идолу. После этого со свадебными гимнами «старые» и молодые женщины начинают обмывать козлу ноги, осыпают ему затем голову красным порошком (причем будущая жертва сильно бодается), дымят ему зажженною лампой вокруг носа для отогнания от него злых духов и, наконец, отходят в сторону. Тогда старейший старец берет бамбуковую веялку, посыпает в нее рис и предательски ставит ее пред козлом. Взяв, между тем, в руки обнаженный меч, старец становится по правую его сторону, и в то время как ничего не подозревающая жертва с большим аппетитом принимается за рис, он ловким ударом меча отсекает козлу голову и, держа ее в правой руке, орошает богиню горячею капающею из нее кровью… Все принимаются петь хором, и обручение совершено.

Церемонии с астрологами, обмена подарков и т.д. слишком длинны, чтоб их описывать. Довольно заметить, что астролог играет в них двойную роль авгура и нотариуса. После общего воззвания к *Ганеше* (богу с хоботом) контракты пишутся на изнанке гороскопов; к ним прикладываются печати, записываются счастливые созвездия жениха и невесты и преподается

---

[811] «Пàниграхан» – санскритское слово, означающее: «рука в руку»[*]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Pāṇigraha (*маратхи*).

[812] Вендетта (*ит.*) – кровная месть.

[813] Лары (*лат.* lares) – домашние божества римлян, покровители очага и всего дома.

общее благословение. Перехожу прямо к брачной церемонии, которой мы были очевидцами в Багхе.

Невесте было на вид лет десять, жениху не более четырнадцати. Невеста сидела на высоком месте в бархатной, шитой золотом юбке, вся в цветах и золотых украшениях. В ее маленьком носу было продето огромное золотое кольцо с каким-то сияющим камнем, который совсем ей оттягивал ноздрю. Физиономия у нее была очень плачевной; по временам она косилась на нас исподлобья. Жених, здоровый, толстый мальчик в парчовом кафтане и шапке Индры (т.е. тюрбане, сделанном наподобие многоярусной пагоды), сидел на коне верхом, окруженный целою кучей родственников. Сооружаемый для этого случая пред ступенями дома алтарь уже был готов. Он строится по размеру и длине руки невесты, считая три раза от плеча до среднего пальца, и сделан из выбеленного глиной кирпича. Сорок шесть глиняных горшков, выбеленных и выкрашенных красными, желтыми и зелеными полосами (цвета Тримурти), возвышались двумя пирамидами по обеим сторонам посаженного на алтарь «бога браков», а целая толпа замужних девочек толкла в семи больших ступках желтый имбирь. Когда он был готов, то вся эта партия амазонок бросилась на жениха, стащила его с лошади и, раздев донага, стала обмазывать его размоченным в воде имбирем; лишь только он обсох на солнце, его снова стали одевать с песнями. Пока одни его одевали, другие девочки, вооружась каждая листом свернутого в трубку лотоса, капали ему на голову воду – приношение водяным богам.

Нам объяснили, что в продолжение всей прошлой ночи совершались в домах жениха и невесты последние обряды церемоний, начатых еще за несколько недель до свадьбы: воззвание к *Ганеше*, к брачному богу, к стихийным божествам – богу огня, воды, воздуха, земли; к богине оспы и других немочей; к духам прадедов и планет; к злым духам, добрым духам и к духам домашним… Но вдруг раздалась музыка… О боги! чтò это за адская симфония! Раздирающие слух звуки там-тама, тибетские барабаны, сингалезские дудки, китайские трубы, литавры, гонги оглушали нас со всех сторон, пробуждая в душе ненависть к человечеству и его дьявольским изобретениям. «De tous les bruits du monde celui de la musique est le plus désagréable»[814]… – вспомнилось мне. К счастию, агония длилась недолго, и на выручку нам явилось оригинальное и все-таки более сносное пение браманов и *нотчей*. Свадьба была богатая, и «весталки» явились в полной форме. Минута затишья, сдержанного шепота… и вот одна из них, высокая, красивая девушка, с глазами, занимающими половину лба, стала молча перебегать от одного к другому гостю и каждого поочередно мазать рукой по лицу, оставляя на нем следы сандального и шафранного порошка. Она подскользнула и к нам, бесшумно порхая по пыльной дороге своими босыми, разукрашенными золотыми кольцами ногами. Прежде чем мы успели опомниться, она уже мазнула и меня, и полковника, и мисс Б*** по носу, заставив последнюю громко чихнуть и затем на целые десять минут обтираться и брюзгливо ворчать…

Бабу́ и Мульджи[815] с улыбками великодушия на лицах любезно подставили свои физиономии к полной шафрана ручке. Один лишь Нараян, в ту самую минуту как поводившая на него все время своими огненными очами весталка, став на самые кончики своих проворных ног, собиралась совершить над ним *гулал-пекне*[816], – быстро отшатнулся и, нахмурясь, полуобернулся к ней спиной, получив всю дозу порошка в плечо. Весталка, в свою очередь, грозно нахмурилась, но, затаив досаду, только сверкнула на него глазами и подлетела к Рам-Рунджит-Дасу. Но с этой стороны ей еще менее посчастливилось: оскорбленный в своем монотеизме и целомудрии, «божий воин» так бесцеремонно оттолкнул весталку, что она отлетела на посуду брачного бога, чуть не перебив ее всю. В толпе послышался сильный ропот, и мы уже приготовлялись было на изгнание за грехи буйного сикка, когда разом грянули опять все барабаны и процессия тронулась. Впереди всех ехали на позолоченной повозке и на украшенных от рогов до хвоста цветами волах трубачи и барабанщики; за ними следовал другой оркестр пеших дудочников; за этими третий – верховых,

[814] «Среди всех звуков в мире самый неприятный – это звук музыки» (*фр.*) – возможно, отсылка к словам французского поэта и критика Т.Готье (1811–1872): «La musique est le plus cher, mais le plus désagréable des bruits» («Из всех шумов, какие только известны человечеству, музыка – шум самый дорогой»).

[815] Mooljee Thackersey.

[816] Гулал – цветной порошок, используемый во время индуистских праздников и религиозных ритуалов; phenkna – бросать.

дующих вовсю мочь в *гонги*[817]. За ними по две в ряд шли разукрашенные перьями и цветами в богатых попонах лошади с родственниками молодых. Далее отряд *бхиллей* в полном обезоружении, так как англичане только что отняли у них все боевые снаряды, кроме лука и стрел. Все они словно страдали флюсом, подвязанные до самого носа своими белыми *пёггри*. За ними шли духовные браманы с курительными свечами в руках, окруженные своим летучим батальоном весталок, выделывавших во всю дорогу глиссады[818] и па; за этими – светские браманы, «дваждырожденные», и, наконец, юный жених верхом на красивом коне, по обе стороны коего шли по два воина с хвостами *яка* (тибетский бык) в руках для отмахивания мух, а за их спинами еще по два человека с серебряными веерами; группа жениха замыкалась голым браманом на осле, державшим над женихом огромный из красного шелка китайский зонтик. За всем этим повозка на волах, нагруженная считанною тысячью кокосов и сотнею бамбуковых, нанизанных на красной веревке корзинок. Покровительствующий бракам бог ехал в грустном одиночестве на спине слона, которого *махут* вел за украшенную гирляндами цепь. За хвостом слона скромно шла наша партия, которая и замыкала процессию…

Бесконечно длились обряды по дороге; невыразимо странными казались нам торжественные «мантры», распеваемые пред каждым деревом, возле пагод, пред танками, кустами и, наконец, пред священною коровой. Когда мы вернулись к дому невесты, было уже около четырех часов пополудни, а мы пришли в шесть утра… Мисс Б*** спала от усталости и жары на всем ходу; пылкий сикк давно ушел домой, захватив с собою У*** и Мульджи, которого полковник, в воспоминание своего угрюмого президента Гранта[819], прозвал «молчаливым генералом». Наш уважаемый предводитель обливался в два ручья по́том, и даже невозмутимый Нараян, позевывая, обмахивался веером. Один бабу́, после десятичасовой прогулки с непокрытою головой под палящим апрельским солнцем Индии, казался свежее, чем когда-либо: ни одной капельки испарины на темно-бронзовом, гладком как атлас лице! Он скалил свои белые зубы и балагурил, декламируя стихи из *Бриллиантовой свадьбы* Стедмана[820]…

Началась последняя брачная церемония, после которой для женщины закрывается весь мир, но пред которою мы открыли глаза и уши и принялись наблюдать внимательнее прежнего. Вот поставили жениха и невесту у алтаря. Соединив им руки длинною травой *кус-кус*[821], браман обвел их три раза вокруг алтаря. Затем им развязали руки, и жрец снова прогнусил мантру. Когда он кончил, жених-мальчик, схватив свою миниатюрную невесту на руки, снова трижды обошел с нею вокруг алтаря, а потом еще три раза, идя на этот раз впереди невесты, которая следовала за ним как покорная жена. Когда все совершилось, юного мужа посадили на высокое сиденье у дверей дома, а новобрачная, взяв в руки таз с водою, простерлась у ног будущего повелителя, разула его и, обмыв ему обе ноги, *обтерла их распущенными своими волосами*. Обычай, как мы заметили, действительно древний. По правую руку жениха сидела его мать; поклонясь ей низко в ноги, невеста совершила ту же операцию и над свекровью, после чего удалилась в дом; за нею вышла из толпы ее мать и повторила над зятем и его матерью такое же омовение, но уже без обтирания волосами. Брак свершился. Загремели снова барабаны да там-тамы, и полуоглохшие мы, наконец, уехали домой.

В палатке мы нашли *акали*, проповедовавшего У*** и молчаливому генералу религию «Нанака» и все душеспасительные выгоды «сиккаизма» в сравнении с религией «чертопоклонников» (как он называл браманов). Наш приятель был прав: сам сатана в свои гениальнейшие минуты не мог бы придумать ничего более несправедливого, более утонченно-жестокого чем то, что̀ придумали эти «дваждырожденные» адские плуты в отношении к женщине.

---

[817] Скорее всего, речь идет о конхе, ритуальном духовом музыкальном инструменте, изготовленном из крупной раковины морского брюхоногого моллюска. Во многих странах мира он являлся сигнальным инструментом.

[818] Глиссада (*фр.* glissade) – буквально «скольжение»; устаревшее *глиссад* применялось также в значении «скользящее па в танце».

[819] Улисс Симпсон Грант (1822–1885) – американский политический и военный деятель, генерал армии, полководец северян в годы Гражданской войны в США, 18-й президент США (1869–1877).

[820] Эдмунд Кларенс Стедман (1833–1908) – американский поэт, критик, эссеист, ученый и банкир.

[821] Ветивер (кус-кус) – растение семейства Злаки, происходящее из Индии и культивируемое в других странах ради получаемого из его корней эфирного ветиверового масла. Ветиверовое масло очень плотное и тяжелое, является хорошим эмоционально расслабляющим средством.

Полная, безусловная гражданская смерть ожидает последнюю в случае ее вдовства, овдовей она хотя пятилетнею, даже двухлетнею девочкой, наконец, и в том случае, если она только прошла чрез обряд обручения, при котором, как мы видели, она и не присутствует, а фигурирует жертвой один козел. Мужчина же не только по праву может иметь несколько жен, хотя, будь сказано к чести индусов, – за исключением распутных, приученных резидентами и опекунами-англичанами к пьянству и другим прелестям западной цивилизации принцев и махараджей, – мы еще не слыхивали о таком примере, чтоб у индуса было *более одной* жены. В случае же вдовства мужчина обязан вступить во второй и третий брак. Но для женщины нет такого закона. Для нее вторичный брак считается величайшим грехом, неслыханным позором. В то самое время, когда я пишу эти строки, затеянная агитаторами и противниками браманов реформа в Бомбее, брак вдов, потрясет всю ортодоксальную Индию до самого ее основания. Вот уж слишком десять лет как этот вопрос был поднят Мульджи Такерсингом и другими реформаторами, и до сих пор, однако же, им воспользовались всего три, четыре человека[822]. Борьба между ними идет не на живот, а на смерть, борьба глухая, подземная, тем не менее, свирепая и упорная. А пока вот чтò ожидает всякую вдову: тотчас же по сожжении трупа мужа вдове бреют голову навсегда. Ей не дозволено носить ни одного украшения; ее браслеты, перстни, ожерелья – все это ломается в куски и вместе с волосами сожигается с трупом мужа. Всю жизнь она должна ходить с ног до головы в *белом*, если она осталась вдовою до 25-тилетнего возраста, или же в *красном*, если она старее. Храмы, религиозные церемонии, общество закрываются пред нею навсегда. Она не смеет говорить ни с кем из родных и даже есть с ними. Она спит, ест и работает отдельно; соприкосновение с нею считается нечистым в продолжение семи лет. Если вдова встретится первою на дороге человеку, выходящему утром из дома по делу, то он возвращается домой и откладывает дело до другого дня, так как встреча с вдовой самая дурная примета. Уличенные в лживом истолковании Вед с преступною целью жечь вдов, дабы завладеть их имуществом, поставленные в невозможность продолжать этот жестокий обычай, браманы возобновили редко приводимое в исполнение древнее постановление, – и то касающееся лишь *богатых* вдов, отказывающихся от самосожжения в последнюю роковую минуту, – и применили оное ко всем вдовам поголовно. Бессильные против британского закона, они мстят невинным и постигнутым несчастием женщинам.

Любопытна история уличения браманов профессором Уильсоном в фальсификации текста Вед и подлоге. В продолжение долгих веков браманы жестоко сожигали злополучных вдов, слагая всю ответственность на некий *гимн* Риг-Веды и опираясь на строгое исполнение законов Ману – истолкователя их откровения. Ману считается «непогрешимым» толкователем Вед. И вот, когда впервые британское правительство пожелало восстать против сожжения вдов, вся страна, от Гималая до Коморина, под влиянием браманов поднялась и грозно протестовала. Англичане, говорили они, «обещали свято сохранять систему невмешательства в дела их религии и обязаны сдержать слово». Никогда Индия не была так близка к революции, как в те дни. Увидев, что дело плохо, британцы спасовали, но Уильсон, лучший санскритист того времени, не считал еще дело проигранным. Он рылся в самых древних рукописях, пока не убедился, что нигде в гимнах Вед нет такого постановления, хотя в законе Ману, непогрешимого толкователя «откровения», оно будто бы находилось во всей ясности, и так и было переведено Кольбруком[823] и другими ориенталистами. Дело становилось затруднительным. Стараться доказать, что истолкование Ману неправильно – равнялось, ввиду народного фанатизма, толчению воды. Уильсон стал изучать Ману, сравнивая текст Вед с текстом законодателя. И вот чтò он нашел, наконец: *Риг-Веда* повелевает браману класть вдову *до* зажжения костра рядом с трупом мужа, а по совершении некоторых обрядов *свести с костра* и громко пропеть над нею следующий стих из *Грихья-сутры*[824]:

Вставай, о женщина! вернись в мир живых;

[822] Закон о повторном браке индуистских вдов был принят в 1856 г.

[823] См.: *Colebrooke H.T.* On the Duties of a Faithful Hindu Widow // Asiatic Researches, Vol. IV, 1799. P. 211, 219 (*Колбрук Г.Т.* Об обязанностях верной индусской вдовы // Asiatic Researches, 1799, т. IV. С. 211, 219).

[824] Грихья-сутры (*санскр.* Gṛhyasûtra – «Домострой», руководство к домашнему культу) содержат объяснения бытовых ритуалов (свадьбы, рождения ребенка и т.п.).

Заснув у трупа, просыпайся снова;
Довольно времени была ты верною женой
Тому, кто сделал тебя матерью его детей.

Затем присутствовавшие при сожжении покойника женщины мазали себе глаза «коллирием»[825], и браман обращался опять к ним со следующим стихом:

Приблизьтесь женщины замужние, не вдовы,
С мужьями добрыми несите *ги*[826] и масло.
Пусть *первыми все матери восходят на алтарь*
В одеждах праздничных и ценных украшеньях, и т.д.[827]

Именно предпоследний стих и был искажен браманами самым тонким, хитрым образом. В оригинале стих читается так: «А роханту ганайо ионим *агре*[828]…», буквально: «Первыми матери ступайте в утробу алтаря» (yonim agre, то есть *внутрь* алтаря). Изменив лишь одну букву последнего слова «агре», которое они переделали в *«агне»* (огонь), браманы получили право посылать в продолжение долгих веков несчастных малабарских вдовиц в *yonim agneh* – «в утробу огня», на костер. Трудно бы найти на белом свете подобную адскую подделку.

И не только Веды никогда не дозволяли сожигания вдов, но есть даже место в *Таитрии-Арнукне* (Яжур-Веда[829]), где меньший брат покойника – его ученик или даже, за неимением родственников, доверенный друг – в то время как готовятся зажечь огонь на костре, обращается к вдове и говорит ей следующее: «Встань, женщина, не ложись более возле безжизненного трупа; возвратись в мир живых, подальше от умершего супруга, и сделайся женой того, кто держит тебя за руку и желает вступить с тобою в брак»[830]. Этот стих доказывает, что во времена ведического периода существовал для вдов *вторичный* брак, тем более что в нескольких местах древних рукописей, врученных нам суами Дайанандом, мы нашли повеление вдовам «собирать кости и

---

[825] Collirio (*итал.*) – глазная мазь.

[826] Ги – растопленное масло. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

В тексте речь идет о «мази» («unguent»).

[827] *Wilson H.H.* On the Supposed Vaidik Authority for the Burning of Hindu Widows, and on the Funeral Ceremonies of the Hindus // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, Vol. XVI, 1856. P. 202 (*Уилсон Х.Х.* О мнимом ведическом основании сожжения индусских вдов и похоронных обрядах индусов // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1856, т. XVI. С. 202).

См.: «Эти жены, не вдовые, счастливые в браке,
Пусть натрутся маслом как притиранием!
Без слез, без болезней, в красивых драгоценностях
Пусть взойдут сначала женщины на (супружеское) ложе!
Восстань, о женщина, к миру живых!
Ты лежишь рядом с этим бездыханным, иди сюда!
Ты вступила в этот брак с мужем,
Взявшим (тебя) за руку (и) жаждущим тебя» (Ригведа, X, 18, 7–8).

[828] См. профессора Уильсона *Burning of the Hindu Widows*[*] и Макса Мюллера *Comparative Mythology*, 1856[**]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] См.: *Wilson H.H.* On the Supposed Vaidik Authority for the Burning of Hindu Widows, and on the Funeral Ceremonies of the Hindus // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, Vol. XVI, 1856. P. 201–214.

[**] См.: *Müller M.* Comparative Mythology // *Müller M.* Chips from a German Work Shop. Vol. II. London, 1867. P. 34–37 (*Мюллер М.* Сравнительная мифология // *Мюллер М.* Стружки из немецкой мастерской. Т. II. Лондон, 1867. С. 34–37).

[829] «Тайттирия-араньяка» – священный текст индуизма на санскрите, одна из Араньяк, принадлежит к Тайттирия-шакхе «Кришна-Яджурведы».

Аранья́ки (*санскр.* āraṇyaka «лесные [книги]») – священные писания индуизма, относятся к категории богооткровенных писаний шрути и являются частью литературы Вед.

«Яджурведа» (*санскр.* yajurveda) – одна из четырех индуистских Вед, состоит из двух основных Самхит: Шукла («белая») и Кришна («черная»).

[830] См.: *Müller M.* Comparative Mythology // *Müller M.* Chips from a German Work Shop. Vol. II. London, 1867. P. 37.

золу мужа в продолжение нескольких месяцев по его смерти и в заключение исполнять над покойником известные обряды»…

Невзирая, однако, на полную улику, на произведенный открытием Уильсона скандал и на то, что браманы пред двойным авторитетом Вед и Ману принуждены были, в свою очередь, спасовать, вековой обычай оказался столь сильным, что некоторые *супра* (набожные индуски) до сих пор сожигают себя, когда могут. Не далее как в позапрошлом году по смерти главного министра в Непале Юнга Бахадура[831] четыре его жены настояли на самосожжении. Непал – неподвластен Британии, и англо-индийское правительство не имело права вмешаться.

[831] Джанг Бахадур Рана (Jung Bahadur Rana, 1816–1877) – непальский государственный деятель, премьер-министр и фактический правитель страны в 1846–1877 гг.

XX

В четыре часа утра мы уже переезжали Вагрею и Гирну, или правильнее (comme couleur locale[832]) Шиву и Парвати. Вероятно, по примеру смертных супругов «боги» в это утро ссорились, так как очень уж они вдвоем бурлили, и наш паром, зацепившись за что-то на дне реки, чуть не перевернул нас всех в холодные объятия Махадео и его сварливой половины.

Подобно всем пещерным храмам в Индии, вырытым, как я подозреваю, аскетами с целью искушать человеческое терпение, и эти кельи находятся на вершине почти отвесной горы. Принимая в соображение, что такая неприступность их нисколько не мешает даже простым тиграм, не говоря уже об «оборотнях», залезать туда и даже селиться в них, остается думать, что подобный род архитектуры был действительно избран лишь с целью вводить слабых смертных в грех. Семьдесят две высеченные в скале ступени, заросшие мхом и колючками, с глубокими выбоинами, которые громко свидетельствовали о несметных миллионах ног пилигримов, выбивавших их в продолжение двух тысяч лет, – таков для начала парадный вход в Багхские пещеры. Прибавьте к прелестям подобного подъема множество просачивающихся сквозь ступени горных ручьев, и никто не удивится, что мы в то утро положительно изнемогали под бременем жизни и археологических затруднений. Бабу́, который, сняв туфли, скакал по колючкам с такою же легкостью, как если б у него вместо человеческих подошв были копыта, посмеивался над «слабыми европейцами» и только еще более бесил нас…

Но взобравшись на вершину горы, мы перестали роптать, почувствовав с первого взгляда, что будем вполне вознаграждены за всю нашу усталость. Едва мы взошли на небольшую, расстилавшуюся под далеко нависшею над ней бурою скалой площадку, как пред нами открылась чрез прямоугольное отверстие футов в шесть[833] шириной целая анфилада темных пещер. Мы были поражены мрачным величием этого давно покинутого храма. Не теряя времени на подробный осмотр потолка над площадкой, очевидно, служившею когда-то верандой над портиком с его торчащими сверху, как большие черные зубы, отломками того, что̀ некогда было колоннами, и не останавливаясь даже осмотреть две комнаты по обеим сторонам древней веранды, одну с разбитым идолом какой-то плосконосой богини, другую с Ганешей, мы приказали зажечь факелы и вошли внутрь первой залы… На нас пахнуло могильною сыростью. При первом слове все понизили голос до едва слышного шепота: глухо завывшее, протяжное и долго замиравшее потом эхо заставило нас всех неприятно вздрогнуть. С робким гортанным восклицанием: «Деви!.. Деви!..» – наши факельщики мгновенно бросились лицом на землю и, несмотря на сердитый протест Нараяна и особенно «божьего воина», тут же начали творить *пуджу*[834] голосу невидимой, обитавшей в этих пещерах богини… Единственный проникавший в храм свет входил в отверстие двери, погружая в еще более глубокий мрак почти две трети залы. Эта зала, или средний храм, очень велика – 84 квадр[атных] фута[835] и 16 футов[836] высоты. Двадцать четыре массивные колонны составляют квадрат, по шести возле каждой стены, включая угольные столбы и четыре средние, которые поддерживают в центре потолок скалы, слишком переслоенный, чтобы, как в Карли и Элефанте, выдержать на таком большом пространстве чрезмерную тяжесть горы. Базы колонн состоят каждая из плинтуса и двух полукруглых фризов. У четырех средних столбов круглые стержни со спиральными кряжами, которые, суживаясь кверху, постепенно изменяются из 16-ти в 8-угольные полосы, переходя под подставками в квадратные и представляя, таким образом, нечто чрезвычайно оригинальное и изящное. Другие колонны – две передние и две задние – почти квадратные до первой трети своей высоты. Затем и эти начинают постепенно округляться, переходя в 8- и 12-угольные полосы со спиральными кряжами, а еще выше – в 12- и 24-угольные, оканчиваясь под карнизом пышными орнаментациями, напоминающими коринфский стиль[837]. У***, известный архитектор по профессии и опытный художник, уверял нас,

[832] в соответствии с местным колоритом (*фр.*).
[833] 1,8 м.
[834] Церемония поклонения. – *Примечание Е.П.Блаватской.*
[835] 25,6 м.
[836] 4,9 м.
[837] См.: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 373.

что оригинальнее этих колонн он ничего не видел. Какие употреблялись инструменты туземными зодчими на созидание подобных в цельных скалах работ он и ума приложить не мог. Как и все пещерные храмы Индии, история которых теряется во мраке неизвестности, и эти приписаны ориенталистом Эрскиным[838] буддистам[839], хотя и здесь предание относит их к работам мифических братьев Панду.

Но, не говоря уже о том, что вся индийская палеография в каждой новооткрываемой древней надписи своей протестует против такого самовольного заключения, есть еще много других причин сомневаться в правильности воззрений на этот счет большей части английских ориенталистов. Мы выскажем пока одну. Положим, что показания браманов неправильны и что буддисты, как то желали доказать Стивенсон и другие, проповедовали свою религию, строили вихары и пользовались одинаковыми правами с другими сектантами в Индии еще в начале VI века нашей эры. Но с другой стороны, эти же члены Азиатского общества давно решили, что религия Будды, затеявшего свою реформу именно *против идолопоклонства*, совратилась «не ранее V столетия». До того времени не было и не могло быть ни одного браманского идола в чисто буддистских храмах, как это уже и доказано. Каким же образом, спрашивается, в пещерных храмах Карли, Насика, Канери и т.д. (Карли построен, по единодушному мнению антикваріев, между III и I веком *до*-христианской эры, никак не позже 95 года до Р.Х., а пещеры Насика в первом или во втором веке нашей эры) находится такая бездна браманских идолов, вышедших из-под резца зодчих *одновременно* со стенами зданий? Почти все они иссечены в стенах и составляют существенную часть самих пещерных храмов. Разве в первые два века *до* и *после* нашей эры буддист осмелился бы изображать столь противных духу учения Будды идолов? «Найденные в Насике надписи (отвечают нам антикварии) доказывают, например, что славный монарх Андхры, Готамипутра[840], покорив царя Цейлонского, выгнав скифов, греков и персов, основал в одно и то же время госпиталь для больных и немощных, школу для стрельбы из лука, коллегию для изучения буддизма и другую коллегию для браманов, представляя, таким образом, интереснейшую картину человеколюбивого, отличавшегося веротерпимостью и либерального правителя. Эта надпись вместе с тем доказывает: 1) что буддисты жили с браманами в *дружбе* (!?)[841] до своего изгнания из Индии и пользовались одинаковыми с ними правами, и 2) что, постепенно переняв у браманов их политические воззрения, они снова вернулись к бывшей своей вере, только прибавив Будду к идолам, и проч.». – «Но ведь это же случилось не ранее V столетия?» – говорите вы. – «Никак не ранее». – «А пещерные храмы, наполненные сверху донизу браманскими идолами, строились, по вашему же определению, между III веком *до* Р.Х. и II по Р.Х.?» – «Конечно, в этом мы единодушно соглашаемся». – «Но как же вы *соглашаете* такое противоречие между двумя *фактами*?» – «А мы (говорят они) даже и труда такого на себя не берем: мы авторитеты, определяющие и постановляющие *безапелляционно*, а объяснять какие-либо кажущиеся несообразности предоставляем другим»…

Cum grano salis[842], однако. Объяснять себе или другим они дают нам право, но если объяснения хоть немного разойдутся с их «непогрешимыми» заключениями, на объясняющего тотчас же кладется клеймо невежества и критика его выставляется на позор всему свету как оскорбляющего науку игноранта[843]. *Et c'est ainsi qu'on écrit l'histoire!*[844] (Особенно в Индии). Вероятно, так же будет поступлено и с этими скромными заметками. Некоторые русские археологи восстанут против приводимого нами мнения (т.е. мнения туземных археологов), ибо оно диаметрально расходится с мнением Фергюсона и других великих европейских оракулов о

[838] Уильям Эрскин (1773–1852) – шотландский востоковед и историк.

[839] См., например: *Erskine W.* Observations on the remains of the Buddhists in India // Transactions of the Literary Society of Bombay, Vol. III, 1823. P. 494–537 (*Эрскин У.* Замечания о буддистских развалинах в Индии // Труды литературного общества Бомбея, т. III, 1823. С. 494–537).

[840] Готамипутра Сатакарни (112–136) – царь Андхры.

[841] *Ctevenson J.* Násik Cave Inscriptions // Journal of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society, Vol. V, 1857. P. 39, 41 (*Стивенсон Дж.* Надписи пещеры Насика // Journal of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society, 1857, т. V. С. 39, 41).

[842] С известной оговоркой (*лат.*).

[843] невежды (*англ.* ignorant).

[844] И так мы пишем историю! (*фр.*).

циклопских постройках архаических времен. Но чтобы разом доказать, чего сто́ит мнение хоть Фергюсона, этого блестящего маяка британских архитекторов, приведу еще один пример. Этот великий зодчий, но очень посредственный археолог, объявлял в начале своей ученой карьеры, как объявляет и теперь, что «пещерные храмы Канери выстроены *все до одного* от V до X столетия»[845]. Так и порешили было. Но вдруг Dr. Бёрд во время своих раскопок в этих пещерах находит в одном из памятников, сооружаемых буддистами в их храмах, известных под названием *tope*, медную доску с надписью[846]. На затертость надписи нельзя было пожаловаться: в ней на санскритском языке говорилось яснее дня, что этот *топ* был приношением, сделанным *старому* храму в начале 245 года (по астрономической эре индусов). Это летосчисление, говорят Принсеп[847] и Dr. Стивенсон[848], совпадает со 189 годом христианской эры и неопровержимо решает вопрос если не о годе самой постройки, то о годе приношения, когда эта пещера уже считалась *старым храмом*, по выражению надписи. На это Фергюсон, нисколько не конфузясь, отвечает, что *для него* древние надписи в вопросах о хронологии ровно *ничего не доказывают*, ибо могут и *врать*, и что он, Фергюсон, «основывает свои соображения и определение древности развалин *не на надписях*, а на известных, им самим открытых архитектурных канонах или уставах».

В настоящее время между им и доктором права, известным бабу Раджендралалом Митрой[849] из Калькутты, признанным в Лондоне ученейшим археологом и антикварием в Индии[850], идет война[851]. Раджендралал отвечает ему, что «каноны», извлеченные почтенным английским архитектором из глубины его умозрительного знания, никак не могут применяться к таким древним и часто *неизвестного* стиля архитектуры храмам, как так называемые «пещерные храмы» Индии. После этого даже и мой малозначащий голос имеет некоторое право заявить, что и к голосу некоторых «авторитетов» можно применить пословицу: *vox, et praeterea nihil*[852]. А теперь, подкрепившись этим слабым поражением противников, замечу от себя, что теория, гласящая, будто буддисты вернулись к идолопоклонству и поэтому все храмы – буддистские, противоречит истории обеих сторон – буддистов, как и браманов. Последние именно потому и стали притеснять и выгонять из Индии первых, что те шли *против идолопоклонства*. Как уже показано выше, те из них, которые отпали от реформации чистого, хотя быть может на первый взгляд и атеистического учения Гаутамы Сиддарты, остались в Индии, но они мало-помалу смешались с джайнами, а затем и совсем присоединились к ним. И не эти раскольники V века, конечно, строили храмы за 300 и 200 лет до Р.Х., не буддисты переходили в браманизм, а последние следовали сотнями тысяч за Буддой. Так почему же не предложить скорее, что если среди сотней браманских богов мы находим изредка между ними в одном и том же храме фигуру Будды[853], что храм этот не буддистский, а древний браманский, к которому полуобращенные в буддизм строители прибавили статую Будды – одного лишнего бога, а не наоборот, что̀ совершенно не логично? К тому же, хотя

---

[845] См.: *Fergusson J.* Illustrations of the Rock-Cut Temples of India. London, 1845. P. 35–39.

Цит. по: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 306.

[846] См.: *Bied J.* Historical Researches on the Origin and Principles of the Bauddha and Jaina Religions. Bombay, 1847. P. 64 (*Бёрд Дж.* Исторические исследования о происхождении и источниках буддийской и джайнской религий. Бомбей, 1847. С. 64).

Цит. по: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 308–309.

[847] См.: Journal of the Asiatic Society of Bengal, Vol. VI–VII, 1837–1838.

[848] См.: *Ctevenson J.* Historical Names and Facts contained in the Kanheri (Kenery) Inscriptions // Journal of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society, Vol. V, 1857. P. 12–13 (*Стивенсон Дж.* Исторические имена и факты, содержащиеся в надписях Канхери (Кенери) // Journal of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society, 1857, т. V. С. 12–13).

[849] Раджендралал Митра (1822–1891) – индийский историк и исследователь культуры, президент Азиатского общества (1885).

[850] Член-корреспондент Азиатского общества, член Теософического Общества восточной секции и пр., пр. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[851] См.: *Mitra R.* The Antiquities of Orissa. Vol. I–II. Calcutta. 1875–1880 (*Митра Р.* Древности Ориссы. Т. I–II. Калькутта, 1875–1880).

[852] голос и больше ничего (*лат.*).

[853] Все фигуры Гаутамы Будды резко отличаются от идолов своим неизменяемым положением: правая рука поднята и обращена ладонью наружу, представляя Будду благословляющего двумя пальцами народ. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

мы многократно осматривали почти все главные так называемые буддистские «вихары» Индии, мы не встречали еще ни одного изображения Будды, которое не могло бы быть прибавлено позднее, все равно – год или тысячу лет после построения самого храма. Мало доверяя собственным заключениям, мы ездили с У***, известным и опытным архитектором, и всюду, в каком бы то ни было из храмов, находили браманских идолов, составляющих одно целое с зданием, а статуи Будды почти всегда *приделанные*, как, например, в *чайтья-грихе*[854] канерийских храмов. Из тридцати или сорока пещер Эллоры, наполненных идолами, есть только одна – храм *Трех Лок*, или «трех миров», которая вместо идолов содержит в себе статуи Будды и Ананды, его любимого ученика. Тут есть прямой повод предположить, что то буддистская вихара. Интересно будет узнать мнение профессора Минаева об этих пещерах после его поездки в Индию[855].

А теперь вернусь к рассказу.

Прямо против входа дверь ведет в другую залу, продолговатую, с двумя шестиугольными колоннами и с нишами по бокам, в которых стоят довольно хорошо сохранившиеся статуи: богини в 10 футов[856] вышины и несколько богов в 9 футов[857]. За этою – вход в комнату с алтарем. Это правильный шестиугольник в три фута[858] между углами под высеченным из цельной скалы куполом. Сюда не впускался, как и ныне не впускается, никто, кроме посвященных в таинства *адитума*[859]. Кругом – кельи бывших жрецов; их около двадцати[860]. Осмотрев алтарь, мы было уже собирались идти далее, как полковник, взяв из рук одного из слуг факел, отправился с двумя другими осматривать эти боковые комнаты. Чрез несколько минут раздался его голос, громко звавший нас из второй кельи налево. Он нашел секретный ход, и кричал он нам: «Пойдемте далее… Надо увериться, куда он ведет!..»

– В берлогу одного из «оборотней»… Смотрите в оба, полковник… берегитесь тигров!.. – прокричал за нас в ответ бабу́.

Но по дороге к «открытиям» нашего президента было нелегко остановить. Мы пошли на его зов.

Он действительно сделал открытие; и мы, войдя в келью, увидали самое неожиданное зрелище… У противоположной входу стены стояли неподвижно, словно превратясь в каменные кариатиды, два факельщика, а из самой стены невысокой комнаты и футов пять над полом торчали две ноги, одетые в белые панталоны. Туловища не было, оно исчезло, и если бы не сильное дрягание[861] вышесказанных ног, то можно было бы подумать, что обитающая в пещере злая «дева», разрубив туловище полковника пополам, мгновенно испарила верхнюю часть, а ноги приклеила как трофей своего могущества под потолок!..

– Куда это вы залезли, господин президент? – завопили мы все в один голос.

Вместо ответа ноги задрягали еще сильнее прежнего и затем исчезли в стене; после чего снова раздался голос, долетающий до нас словно из трубы.

– Комната… потаенная келья!.. Лезьте все за мною… целый ряд комнат!.. Мой факел потух!.. Несите спички… факелы!..

Но лезть за ним и нести факелы оказывалось легче на словах, нежели на деле. Факельщики наотрез отказались лезть, и чуть было не разбежались со страха. Мисс Б*** брезгливо посматривала на закопченную стену и на свой туалет, а У*** поместился на отвалившемся куске колонны и решил, что не пойдет, а закурит сигару и, окруженный отрядом трусливых факельщиков, станет нас ожидать. В стене было несколько выступов, очевидно, высеченных позднее пещеры, а на полу валялся большой, как бы нарочно высеченный в неправильную форму

---

[854] Чайтья-гриха (*санскр.* chaitya-griha) – зал общих собраний верующих, в котором установлен священный объект поклонения.

[855] Имеется в виду путешествие И.П.Минаева в Индию в 1880 г.

[856] 3 м.

[857] 2,7 м.

[858] 0,9 м.

[859] Адитум – Святая Святых в языческих храмах; наименование тайной и священной огороженной территории или внутреннего помещения, в которое не позволялось заходить ни одному непосвященному; соответствует святилищу алтарей христианских церквей.

[860] См.: *Eastwick E.* Handbook of India. Part II. Bombay. London, 1859. P. 373–374.

[861] Дрягать (*прост.*) – дрыгать.

камень, соответствующий своею формой дыре в стене. Бабу́ на своем живописном языке тотчас же указал нам на него как на бывшую «затычку» потаенного хода. При тщательном осмотре мы убедились в очевидном намерении каменщика-строителя сделать его похожим и даже ничем не отличающимся от прочих неровностей грубо обтесанной стены. К тому же, мы нашли на нем нечто вроде стержня, на котором его, вероятно, и поворачивали, когда являлась надобность открывать этот вход.

Первым полез в дыру, продолговатую, фута в три вышины, но не более двух в ширину, наш мускулистый «воин божий», а так как дыра, когда он стал на кусок колонны, приходилась почти на средине груди этого пенджабского Еруслана Лазаревича[862], то он и влез довольно легко. За ним с ловкостью обезьяны спрыгнул бабу́ и, втащив факел, осветил всю комнату. Затем с помощью акали, который втаскивал меня сверху за руки, и Нараяна, помогавшего снизу, меня благополучно, хотя и с усилием, перегрузили через отверстие, в котором я, впрочем, изрядно застряла, сильно оцарапав при этом о стены руки. Как ни тяжелы археологические расследования при пяти пудах[863] бренного тела, я, однако же, чувствовала, что с двумя такими геркулесами, как Рам-Рунджит-Дас и Нараян, смело могла бы отправиться хоть на самые вершины Гималаев. Последними полезли мисс Б***, которая чуть было не проглотила горсть свалившихся ей в вечно открытый рот пыли и камешков, а за нею Мульджи. Но У***, который предпочел на этот раз чистоту своих белых панталон осмотру святынь незапамятной древности, остался внизу с людьми…

Тайная келья оказалась комнатой в двенадцать квадратных футов[864], а прямо против зиявшей на полу дыры на противоположной стене, только тоже под потолком, находилось другое точно такое же отверстие, хотя «затычки» от оного мы не нашли. Келья была совершенно пустая, если не считать черных пауков, похожих по величине на крабов. При нашем появлении и особенно при ослепляющем их, вероятно, свете между ними произошла паника: они забегали сотнями по стенам, висли на воздухе и падали нам на головы. Первым движением мисс Б*** было убивать их, но на этот раз все четыре индуса сильно и единодушно протестовали против такого намерения. Англичанка обиделась и вскипятилась.

– Я думала, что вы реформатор, – презрительно заметила она Мульджи, – а вы выказываете предрассудки не хуже идолопоклонника…

– Я, прежде всего, индус, – гордо ответил «молчаливый генерал». – А индусы испокон века считают грехом пред природой и собственною совестью лишать жизни инстинктивно убегающее пред силой человека даже и опасное животное, не только что такое безвредное насекомое, как паук.

– Уж не боитесь ли вы будущего переселения в черного паука? – фыркнула она.

– Нет… Но в случае необходимости все-таки желал бы лучше трансмигрировать в паука, нежели в англичанина, – обрезал он.

Мы все расхохотались, все, кроме патриотической старой девы. На этот раз она сильно рассердилась и тотчас же под предлогом головокружения спустилась назад в дыру. Все наше общество начинало ею тяготиться, и ее никто не удерживал.

Что касается нас, то мы полезли во второе отверстие под водительством на этот раз Нараяна. Он бывал здесь и прежде и по этому поводу рассказал нам весьма странную историю. Он уверял, и весьма серьезно, будто такие комнаты тянутся одна за другою до самой вершины горы. Затем они повертывают в сторону, спускаясь вниз до огромного подземного жилища – целый пещерный дворец, где по временам живут радж-йоги. Желая удалиться на время от света и провести несколько дней в уединении, радж-йоги находят его там, в подземном жилище. Наш президент как-то сбоку странно покосился чрез очки на Нараяна, но промолчал. Индусы не противоречили.

Вторая келья была во всем подобна первой и имела такое же отверстие. Чрез него мы пролезли в третью, где и сели отдохнуть. Здесь я почувствовала, что мне становится трудно дышать, но, приняв это просто за одышку, действие усталости, ничего не сказала товарищам, и мы полезли в четвертую келью. Только отверстие в эту было до двух третей завалено мелкими

[862] Еруслан Лазаревич – богатырь, герой древнерусской книжной сказочной повести и фольклора.
[863] 82 кг.
[864] 3,6 м.

камнями и землей, и нам пришлось минут двадцать откапывать его прежде, чем мы могли пролезть далее. Как нам сказал Нараян, комнаты все шли в гору; пол одной находился на уровне с потолком предыдущей. Четвертая келья была в развалинах, но две повалившиеся колонки составляли как бы ступени к отверстию пятой кельи и, казалось, представляли менее затруднения. Но тут полковник, остановив занесшего уже было ногу Нараяна, лаконически заметил, что теперь пришло время держать совет. «Выкурить трубку совещания», – сказал он, употребляя выражение краснокожих индейцев[865].

– Если Нараян говорит правду, то ведь этак мы можем путешествовать из одного отверстия в другое до завтрашнего дня?

– Я сказал правду, – как-то торжественно отвечал Нараян, – но с тех пор как я был здесь, мне говорили, будто несколько отверстий уже завалено, а именно в следующей за этою келье.

– Ну, стало быть, нечего и думать идти далее. Но кто же завалил их? Или просто они от времени обрушились?..

– Нет… их завалили нарочно… *они*…

– Кто они? Оборотни, что ли?..

– Полковник, – промолвил с усилием индус, и даже при постепенно слабеющем свете факелов можно было заметить, как задрожали у него губы, а он сам побледнел, – полковник… Я говорю серьезно и не шучу!

– Да и я не шучу. Кто же это *они*?

– *Братья… Радж-йоги*; некоторые из них живут недалеко отсюда...

Полковник откашлялся, поправил очки и, помолчав немного, с заметным неудовольствием в голосе, наконец, проговорил:

– Послушайте, мой милый Нараян, не думаю, чтобы вашею целью могло быть желание морочить нас… Но неужели вы хотите нас заставить поверить или сами верите, чтобы кто-либо в мире, даже спасающийся в джонглях аскет, мог жить в местах, куда не залезают даже тигры и откуда сами летучие мыши ретируются за недостатком воздуха? Посмотрите на огонь факелов… Еще такие две комнаты – и мы задохнемся!

Действительно, наши факелы совсем потухали, и мне становилось чрезвычайно трудно дышать. Мужчины тяжело переводили дух, а акали громко сопел.

– И, однако же, я говорю святую истину, далее живут *они*… Я сам был там.

Полковник задумался и стоял в видимой нерешимости пред входом.

– Вернемтесь назад! – неожиданно заорал акали. – У меня кровь идет из носа.

В эту самую минуту со мной произошло нечто столь же неожиданное, как и странное, для меня тогда: я почувствовала, как вдруг у меня сильно закружилась голова, и я почти в беспамятстве скорее упала, нежели опустилась, на обломок колонны прямо под отверстием в пятую келью. Еще секунда и, несмотря на тупую, но сильную, как удары молота, боль в висках, мною стало овладевать невыразимое чувство отрадного, чудного спокойствия; я смутно сознавала, что то был уже не грозящий, а действительный обморок; что чрез несколько секунд, если меня не вынесут на воздух, я должна буду умереть. И однако же, хотя я не могла уже пошевельнуть ни одним пальцем, не произнести ни одного звука, я не испытывала ни малейшей агонии, ни искры страха в душе: одно только апатичное, но невыразимо приятное чувство успокоения, полное затишье всех чувств, кроме слуха. На минуту я, должно быть, совсем потеряла сознание, но помню, как пред тем глупо-внимательно прислушивалась к мертвенному вокруг меня молчанию. «Неужто это смерть?» – раз неясно мелькнуло у меня в голове. Затем мне показалось, будто меня стали обвевать сверху чьи-то мощные крылья: «Добрые, добрые крылья, ласковые, добрые крылья…» – словно выбиваемые маятником отчеканивались у меня эти слова в мозгу, и я идиотически внутренне засмеялась им. Потом я стала отделяться от колонны и *знала* скорее, чем *чувствовала*, что падаю в какую-то бездну, все ниже и ниже и ниже среди глухого отдаленного грома. Но вдруг раздался громкий голос: я его не слухом услыхала, а словно почувствовала… В нем было что-то осязательное, что-то разом задержавшее меня в моем беспомощном падении и остановившее его. То был давно известный, хорошо знакомый мне голос, признать который в эту

[865] В тексте: индийцев.

минуту я не имела сил. Среди грома голос этот сердито раздался издалека, как будто из самого поднебесья, и, прокричав на языке хинди: *«Диува́на́*[866]*! Тумере у ане́ка кья ка́ма тха?»* (Безумцы! Какая нужда была вам сюда заходить?), замолк…

Как меня протащили затем через пять узких отверстий, останется для меня навеки тайной… Я пришла в себя уже внизу на веранде, где дул со всех сторон ветер, так же скоро, как и повалилась наверху в наполненной гнилым воздухом келье. Когда я совсем оправилась, то, прежде всего, мне бросилась в глаза нагибавшаяся надо мною высокая, мощная фигура, вся с головы до ног в белом, и черная как смоль раджпутская борода. Но лишь только я узнала обладателя бороды, как разом изъявила свою искреннюю радость, спросив его тут же: «Откуда *вы* взялись?» То был наш друг, Такур Гулаб-Лал-Синг, который, обещав встретить нас в Северо-Западных провинциях, теперь являлся нам как будто спадший с неба или выросший из-под земли – в Багхе!

Действительно, можно было полюбопытствовать и спросить у него, откуда и как это он пожаловал к нам, тем более что не меня одну поразило его присутствие. Но мой несчастный обморок и плачевное состояние прочих исследователей подземелья делали всякие расспросы на первое время почти невозможными. С одной стороны, мисс Б*** насильно закупоривала моим носом свою стклянку с нашатырным спиртом; с другой, «божий воин» – весь в крови, как будто и на самом деле только что сражался с афганами; далее Мульджи с сильною головною болью. Один полковник да Нараян отделались легким головокружением. Что же касается бабу́, то его никакие углекислые газы, кажется, не в состоянии были доконать, а также как и свирепые солнечные лучи, убивавшие других наповал, безвредно скользили по этой неуязвимой бенгальской оболочке. Ему только очень хотелось есть… Наконец, из запутанных восклицаний, междометий и объяснений мне удалось узнать следующее:

Когда Нараян, первым заметив, что я в обмороке, бросился ко мне и мигом оттащил назад к отверстию, из верхней кельи раздался вдруг неожиданно голос Такура и как громом поразил их на месте. Прежде чем они могли прийти в себя от изумления, Гулаб-Синг выпрыгнул из верхнего отверстия с фонарем в руках и, соскочив вниз, из следующего кричал им, чтоб они поскорее «подавали» ему «бай» (сестру[867]). Это «подавание» такого грузного предмета, как моя тучная особа, и представившаяся моему воображению вся эта картина чрезвычайно рассмешили меня тогда. Но мисс Б*** сочла священным долгом своим обидеться за меня, хотя на нее никто и не обратил внимания. Сдав с рук на руки полумертвую поклажу, они поспешно последовали за Такуром, но Гулаб-Синг, по их рассказам, все как-то умудрялся, несмотря на затруднение, причиняемое ему подобным багажом, действовать и без их помощи. По мере того как они пролезали чрез верхнее отверстие, он был уже у другого, нижнего, и, сходя в одну келью, они только успевали видеть мельком его развевающуюся белую *садру*[868], исчезающую из одного хода в следующий, нижний. Аккуратный до педантизма, точный во всех своих исследованиях, полковник никак не мог сообразить, каким это образом Такур мог препровождать так ловко почти бездыханное тело из одного конца отверстия в другой! «Не мог же он выбрасывать ее пред собою из прохода вниз, иначе она разбилась бы… – рассуждал он. – Еще менее возможно думать, чтобы, сойдя вниз первым, он затем протаскивал ее за собою. Непостижимо!..» Мысль эта долго преследовала полковника, пока не стала чем-то вроде задачи: чтò появилось первым – птица или яйцо? А Такур на все вопросы только пожимал плечами, отвечая, что не помнит, что он просто выносил меня из келий как можно скорее и поступал как только умел; что ведь они все шли вслед за ним и должны были видеть; и наконец, что в подобные минуты, когда всякое мгновение дорого, «люди не думают, а действуют», и тому подобное.

Но все эти соображения и трудность объяснить процедуру загадочного передвижения явились лишь впоследствии, когда нашлось время думать и размышлять о случившемся. Теперь же никто ничего еще не знал о том, как и откуда явился в такую минуту наш Гулаб-Синг. Сойдя вниз, они нашли меня, лежащую на ковре на веранде, и Такура, отдающего приказания двум слугам, подъехавшим из-за горы верхами, а мисс Б*** в «грациозном отчаянии» с открытым ртом,

---

[866] Divānā (*хинди*) – безумный, сумасшедший.

[867] Все наши друзья – индусы, как и буддисты – называют нас здесь «братьями» и «сестрами». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[868] Чадра́ (*перс.* «палатка») – легкое женское покрывало белого, синего или черного цвета.

таращившую изо всей мочи глаза на Гулаб-Синга, которого она, кажется, серьезно принимала за «материализованного духа».

Между тем, объяснение нашего друга было на первый взгляд и просто, и весьма естественно. Он был в Хардваре с суами, когда тот послал нам письмо, чтоб отложить наш приезд к нему на время. Приехав из Джабельпура в Кандву[869] по Индорской железной дороге, он побывал у Холькара по делам и, узнав, что мы здесь, решил присоединиться к нам ранее, чем предполагал. Достигнув Багха поздно вечером накануне и не желая тревожить нас ночью, узнав, наконец, что мы будем в пещерах утром, он заранее приехал встретить нас. Вот и вся тайна…

– Вся?.. – воскликнул полковник. – Разве вы знали, что мы залезем в кельи, когда забрались туда ожидать нас?..

Нараян едва дышал и смотрел на Такура глазами лунатика. Тот даже и бровью не повел.

– Нет, не знал. А в ожидании вашего приезда зашел посмотреть на кельи, которые давно не видал. А там замешкался и пропустил время…

– Такур-саиб, вероятно, вдыхал в себя свежий воздух в кельях… – ввернул словцо бабу́, скаля зубы.

Наш президент ударил себя по лбу и даже привскочил.

– И в самом деле!.. Как же вы могли выдержать так долго?.. Да!.. Но откуда же вы прошли в пятую келью, когда ход был завален в четвертую и нам пришлось самим откапывать его?

– Есть и другие хода. Я прошел внутренним, давно известным мне путем, – спокойно отвечал Гулаб-Синг, раскуривая *гургури*[870]. – Не все следуют по одной и той же дороге, – добавил он медленно и как-то странно и пристально взглянул в глаза Нараяну, который согнулся и почти припал к земле под этим огненным взглядом. – Но пойдемте завтракать в соседнюю пещеру, где все должно быть готово. Свежий воздух вас всех поставит на ноги…

Выйдя из главной пещеры в 20 или 30 шагах на юг от веранды, мы наткнулись на другую такую же пещеру, к которой надо идти по узкому карнизу скалы. В эту *вихару* нас Такур не пустил, боясь после нашего несчастного опыта с кельями, что у нас сделается головокружение. Мы сошли по раз уже пройденным ступеням на берег реки и, повернув по направлению к югу, обогнули гору шагов на 200 от лестницы и оттуда поднялись в «столовую», по выражению бабу́. В качестве «интересной больной» меня *понесли* по крутой тропинке в собственном складном стуле, привезенном мною из Америки, никогда меня не покидавшем на дороге, и благополучно высадили у портика третьей пещеры.

Этот храм, такой же величины, как и первый, имеет, несмотря на сильное разрушение, гораздо менее мрачный вид. На потолке его сохранились еще бóльшие куски превосходной живописи водяными красками. Стены, попàдавшие колонны, потолок и даже все внутренние комнаты, которые более или менее освещены прорезанными в гору вентиляторами, были некогда покрыты тою глянцевитою штукатуркой, секрет которой знают одни мадрасцы и которая придает стенам вид самого чистого мрамора. Когда мы вошли, пред нами простерлись на землю четыре знакомые нам еще с Карли телохранителя Такура. Ковры были разостланы и завтрак готов. Всякий след угара исчез, и мы уселись за стол в самом веселом расположении духа. Разговор, конечно, тотчас же зашел о Хардварской *мелле*[871], о которой часто упоминалось в прошлом году даже в русских газетах и откуда наш неожиданный приятель только что приехал. Сведения, сообщенные

---

[869] Кхандва (*англ.* Khandwa).

[870] См.: «Gurgurī – разновидность курительной трубки» (*Shakespear J.* A Dictionary, Hindūstānī and English, and English and Hindūstānī. London, 1849. P. 1703).

См.: «Конечно, никто из Вел[ких] Уч[ителей] *никогда не курит*, и легенда о трубке Вл[адыки] М. пошла с легкой руки Е.П.Блав[атской]. В одном из своих писем к Синнетту, описывая свое свидание с В[еликим] Уч[ителем] в Сиккиме, она упоминает индусскую трубку, из которой курил Вел[икий] Уч[итель], но при этом забыла добавить, чем была наполнена эта трубка. Дело в том, что, спускаясь с Высот, Вел[икий] Уч[итель], конечно, испытывал всю тяжесть и давление атмосферы долин и потому для облегчения курил или вдыхал особый препарат *из озона*. Отсюда и легенда о трубке и курении» (*Рерих Е.И.* Письма. В 9 т. Т. IV (1936). М., 2017. С. 313–314).

[871] Ку́мбха Ме́ла («праздник кувшина») – обряды массового паломничества индусов к святыням индуизма, проводящиеся с периодом в несколько лет. Целью паломников по очереди становятся города Аллахабад, Харидвар, Уджайн и Нашик. Кульминация празднества приходится на массовое омовение в водах Ганга (в Харидваре), Сипры (в Уджайне), Годавари (в Нашике) либо Сангама (в Праяге), символизирующее очищение души и тела.

нам Гулаб-Лал-Сингом, оказались чрезвычайно интересными, так как он только за пять дней до того уехал с этой гигантской религиозной ярмарки, подробности коей, переданные им же, тотчас были записаны мною. Но чрез несколько недель мы сами посетили Хардвар.

Одно воспоминание об этой чудной местности (Хардваре) вызывает в моем воображении картину первобытного земного рая. Пишу о ней как очевидец.

Каждый двенадцатый год, называемый индусами *кумбхой* (планета Юпитер входит в то время в созвездие Водолея)[872], приносит с собою особенно благоприятный день, который и назначается главными состоящими при пагодах астрологами днем открытия ярмарки. Сюда собираются богословы всех сект и пилигримы со всей Индии, от принцев и махараджей до последнего факира включительно. Первые ведут диспуты; каждый представитель и оратор старается доказать превосходство своей религии или философии над другими. Последние стекаются, чтоб окунуться в Гангес у самого его источника; для этой операции также назначается благоприятный по звездам час. Говоря о Гангесе, следует исправить здесь маленькую ошибку: имя священнейшей реки индийцев немного перековеркано европейскими географами. Это обстоятельство еще раз доказывает, как мало наши ученые (почти до прошлого десятилетия) понимали характер религии индусов и их традиций; победители же страны – неученые англо-индийцы – так и до сих пор ничем подобным не интересуются, находя малейшее внимание к «неграм» и shocking, и not respectable[873].

Этой реке следовало бы называться или *Гангеса*, или же *Ганга*, как ее зовут туземцы, а никак уж не «Гангес» (в мужском роде). «Ганга» священна в глазах индуса, ибо она величайшая у них богиня-кормилица всей страны и дочь старого *Гимавата*[874] (Гималая), из сердца коего она вытекает для спасения народов. Поэтому ее и боготворят; построенный у ее источников город Хардвар считается туземцами не менее священным.

Хардвар (пишется *Гери-двара* – ворота бога-солнца или Кришны) часто называется *Гангадварой*, или воротами Ганги, и столь же известен под именем *Купела*, в воспоминание аскета Купелы (скорее, Капилы?)[875], который долго жил здесь и спасался, оставив по себе множество чудесных традиций. Город расположен в прелестнейшей, цветущей долине у южного подножия Севаликского[876] хребта между двумя почти сталкивающимися горными цепями. В этой долине, возвышающейся на 1024 фута[877] над уровнем моря, северная природа Гималая борется с тропическою растительностью долины, и в этих усилиях превзойти друг друга они совокупно создали один из самых восхитительных уголков Индии. Сам городок – собрание древних, невозможно-фантастической архитектуры замкообразных башенок, вихар, маленьких, ярко расписанных, похожих на игрушки деревянных крепостей, пагод с бойницами и висячими резными балкончиками; и все это при таком изобилии алоэ, роз, далий[878] и пышных кактусов в цвету, что с первого взгляда не отличишь окна от дверей. Гранитные фундаменты многих домов стоят на самом русле реки и четыре месяца в году находятся до половины под водой, а за этою горстью разбросанных строений, выше, на скате холма, скучились белоснежные высокие храмы. Некоторые из них приземистые и толстые с широкими боками и раззолоченными куполами; другие с величественными, многоярусными башнями; третьи с высокими, стройными, острыми крышами, которые скорее походят на шпицы колоколен, чем на купол. Странной, прихотливой, нигде невиданной архитектуры, храмы эти, словно нечаянно свалившиеся со снежных вершин ледяной обители горных духов (которыми так полны гималайские предания), пугливо заглядывают, приютившись под родною сенью горы, через голову маленького городка в чистые холодные струи Ганги. Здесь река еще не осквернена грязью и грехами миллионов ее поклонников. Подержав их в своих ледяных объятиях, чистая дева гор уносит свои светлые,

---

[872] Кумбха (*санскр.* кувшин) – в индийской астрологии созвездие и зодиакальный знак Водолея.

[873] и шокирующим, и неприличным (*англ.*).

[874] Химават (*англ.* Himavat).

[875] «Капила риши (санскр.). Великий мудрец, величественный адепт древности; создатель философии санкхья» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 196).

[876] Сивалик (*англ.* Sivalik).

[877] 312 м.

[878] Георгин многолетний.

прозрачные как хрусталь волны через пылающие равнины Индостана, и только за 348 миль оттуда, возле Каунпура, ее воды мутятся и темнеют, пока, наконец, у Бенареса не превращаются в какой-то гороховый с перцем суп…

– Почему же, – спрашивали мы раз в этом городе брамана, уверявшего нас, что индусы самый чистоплотный в мире народ, – почему же в полях, где никто или не моется, или моются мало, вода Ганги чистая и прозрачная, а в Бенаресе, особенно к вечеру, река катит волны жидкой грязи вместо воды?

– О, саабы, саабы, – с грустью отвечал нам старик, – то не грязь с тел благочестивых ее поклонников уносит богиня (*деви*), как вы думаете; то даже не великие смываемые ею прегрешения… То, – шепнул он нам, осторожно понижая голос и оглядываясь во все стороны, – веками затаенные страдания, жгучая боль унижения и угнетения, а главное, чувство отчаяния и постыдного бессилия против узурпаторов родины так мутят священные волны… Все эти чувства, ежедневно изливаясь из переполненных ими миллионов сердец индийцев, давно изменили воду, превратив ее в черную желчь. Они отравили ее!.. Да и как же нашей богине не жалеть о нас?.. Конечно, она вся почернела, но это от горя за детей ее. Неужели же вы еще не поняли этого?..

Да!.. «Великою скорбью народною переполнилась ваша земля…»[879] – могли бы мы согласиться с бедным браманом, но эта скорбь, как мы ей ни симпатизируем, видно, улетучивается у источников Ганги. Тихо журча с прибрежными камышами о чудесах, виденных ею на своем пути через родные Гималаи к лиману Бенгальского залива, Ганга пробегает у ног Хардвара и безмятежно катит свои аквамаринового цвета волны, чистая и незапятнанная…

Недаром индусы видят в красавице-реке самую великую и беспорочную из своих богинь, особенно в посвященном богу Кришне *Геридваре*. Там у них, кроме повторяющейся чрез каждые двенадцать лет «меллы», толпятся ежегодно пилигримы у «Харика-Паири»[880] (лестницы Вишну) в продолжение целого месяца. Кто первый бросился в воду в назначенный день, час и минуту, тот не только смыл все свои грехи, но и исцелил все недуги тела. Это первенство, вследствие дурно устроенной узкой лестницы, пилигримы до 1819 года покупали ценой многих жизней, пока, наконец, Ост-Индская компания не сжалилась над ними и не велела сломать *святыни*, заменив ее другою лестницей в шестьдесят ступеней и ста футов[881] ширины[882]. Дело в том, что воды Ганги получают целебное свойство лишь в продолжение одного месяца, да и то в первую минуту известного, назначаемого астрологами благоприятного часа, который иногда приходится в полночь[883]. Можно себе вообразить, что̀ происходит в объявленный час купанья при стечении слишком двухмиллионной толпы! В 1819 году 430 человек были задавлены до смерти. Но много раз и после сооружения нынешней лестницы Ост-Индскою компанией богиня Ганга уносила на девственной груди своей изувеченные трупы ее обожателей. О них никто не жалел, все, напротив, завидовали им: убитый во время подобного очищения индус всегда отправляется прямо в *сваргу* (рай). В 1760 году, в последний день ярмарки, в священный день *Пурби*, две враждующие секты нищенствующих монахов (*саньязи* и *байраги*), поссорившись, дали друг другу «регулярное сражение», в котором последние были побеждены, а убитых оказалось 18000 человек! «А в 1796

---

[879] Слова из стихотворения Н.А.Некрасова «Размышления у парадного подъезда» (1858).

[880] Хар-ки-Паури (*англ.* Har Ki Pauri).

[881] 30 м.

[882] Как, несмотря на Уоренов Гастингсов* и других грабителей, должна быть дорога покойная «Компания» сердцу индуса в сравнение с настоящим правительством, можно видеть из следующего: Ост-Индская компания давала огромные субсидии главным храмам браманов и, всячески любезничая с индусами, старалась подделаться к ним. А имперское правительство не только прекратило все субсидии, но даже затеяло в этом году, под предлогом уменьшить толпу в Хардваре, взимать с нищих пилигримов плату у входа в город, как в Элефанте. Только оно очень сконфузилось. Народа нахлынуло не менее *двух с половиною миллионов*, а входной платы оно получило от 290000 пилигримов (см.: *Pioneer*, «Официальный отчет о Хардварской мелле», 19 февраля 1880). – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Уоррен Гастингс (Warren Hastings, 1732–1818) – первый английский генерал-губернатор Индии (1773–1785).

[883] Этот месяц приходится по исчислению браманской хронологии между днями 12 марта и 10 апреля и называется месяцем *чайтра**. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Ча́йтра – месяц индуистского календаря, в едином национальном календаре Индии является первым месяцем года, начинается 21/22 марта и оканчивается 20 апреля.

году, – гордо вспоминал воинственный *акали*, – пилигримы из Пенджаба, сикки, желая наказать за дерзость *госсейнов*, убили около 500 этих язычников: мой родной дед участвовал при этом».

Так как эти цифры подтверждены в официальных донесениях (см.: *Gazetteer of India*, 1862)[884], то мы и не нашли нужным заподозрить нашего приятеля-сикка в преувеличении.

В 1879 году не было ни задавленных, ни убитых людей, зато явилась страшная холера[885], которая, к счастию, не распространилась далее половины дороги до Сахарампура. Мы проклинали ее, так как она нам мешала ехать тотчас же в Хардвар. Но делать было нечего и нам оставалось лишь смириться пред необходимостью. До счастливого дня, когда мы увидим старого Гимавата, мы довольствовались расспросами о нем.

После завтрака мы простились с «божьим воином», который отправлялся по дороге в Бомбей. Почтенный сикк крепко пожал нам всем руки и, приподняв правую руку ладонью вперед, с серьезным и важным видом давал нам всем поочередно свое пастырское благословение по обычаю последователей Нанака. Но когда он дошел до полулежавшего на земле Такура, облокотившегося на седло вместо подушки, с ним произошла резкая перемена. Она была до того резка и очевидна, что всем нам бросилась в глаза: до того времени он быстро переходил от одного к другому, пожимая каждому руки и затем благословляя, но когда его взгляд опустился на рассеянно глядевшего на приготовления к отъезду Гулаб-Синга, то он внезапно остановился и важное, немного горделивое выражение его лица мигом перешло во что-то словно униженное и сконфуженное. Затем вместо обычного «намасте» (кланяюсь вам) наш *акали* совершенно неожиданно для нас простерся пред Такуром на землю. Благоговейно, словно пред своим амритсарским гуру отчетливо прошептал он: *«Апли аднья, садду саиб, аширват…»*[886] – и так и замер на земле…

Мы были так поражены этою выходкой, что сами как будто чего-то сконфузились, но ни один мускул не дрогнул на спокойном и бесстрастном лице таинственного раджпута. Он медленно отвел глаза от реки и перевел их на лежащего пред ним акали, а затем просто, не проронив ни одного слова, слегка дотронулся до его головы указательным пальцем и, встав, заметил, что и нам пора ехать…

Во всю дорогу он следовал за нашим, тихо ехавшим по глубокому песку экипажем верхом и рассказывал о местных преданиях Хардвара и Раджистана, сложившихся с незапамятных времен в народе эпических легендах и о великих деяниях *гери-кул*[887], принцев-богатырей расы *гери* (Солнца). Это имя «Гери-Кула» заставляет серьезно предполагать многих ориенталистов, что кто-нибудь из этой фамилии эмигрировал в Египет в темные доисторические времена первых фараоновских династий, откуда древние греки и переняли вместе с именем и предания, сложив, таким образом, свои легенды о боге-солнце *Гер-Кулесе*. Древние египтяне боготворили Сфинкса под именем «Гери-мукха» – или *Солнца на небосклоне*[888]. На той горной цепи, что̀ обрамляет Кашмир, к северу находится, как известно, громадная, похожая на голову вершина (13000 футов[889]

---

[884] См.: Hurdwar // *Thornton E.* A Gazetteer of the Territories Under the Government of the East-India Company, and of the Native States on the Continent of India. London, 1862. P. 398–399 (Хардвар // *Торнтон Э.* Географический справочник территорий, находящихся под управлением Ост-Индской компании, и коренных штатов на индийском континенте. Лондон, 1862. С. 398–399).

Эдвард Торнтон (1799–1875) – сотрудник Ост-Индской компании (1814–1857), глава статистического департамента (1846–1857) и морского министерства (1847–1857), пионер в сборе и публикации статистических сведений, касающихся Индии.

[885] См., например: Индийское богомолье // Одесский вестник, 1879, №97, 4 мая.

[886] «Повелевай слугою… святый* саиб… благослови раба». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* святой (*церк., устар.*).

[887] «Гери-кула»* буквально: из фамилии или семейства Солнца. *Кула* по-санкритски: фамилия, прозвище. Раджпутские принцы, особенно махараны Уйдепурские, чрезвычайно гордятся своим астрономическим происхождением. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Хари-кула (*англ.* Hari-kula).

Хари – одно из имен Вишну и Кришны в индуизме. На санскрите «хари» означает желтый или желто-коричневый цвет (цвет Солнца и сомы).

[888] См.: *Gordon Cumming C.* From the Hebrides to the Himalayas. Vol. II. London, 1876. P. 308.

См.: *Tod J.* Annals and Antiquities of Rajast'han. Vol. I. Madras, 1873. P. 28.

[889] 3962 м.

над уровнем моря) и называется *Геримукх*[890]. Имя это встречается в древнейших Пуранах. Почему гг. филологи не позаймутся этим странным совпадением имен и легенд? Кажется, почва богатая… На гималайском «Геримукхе» находится священное озеро «Ганга-баль» (место Ганги)[891], и народное поверье указывает на гигантскую голову как на голову «Гери» – бога *солнца на закате*. Неужели это простая случайность? Смею думать, что в этом совпадении имен найдется не более игры случая, чем в том факте, что Египет, как и Индия, отдавал божественные почести *корове* и *быку*, что в земле фараонов древние египтяне выказывали такое же отвращение и религиозный ужас к убиению скота, то есть коров и быков, как и современные индусы...

Вечером нас завезли в какую-то кругом обрамленную лесом глухую лощину, из которой мы выехали на берег огромного озера. Здесь снова приключилось с нами нечто на первый взгляд совсем обыкновенное, но, в сущности, весьма загадочное. Мы вышли из экипажей; у берега, густо заросшего тростником (не по нашим русским понятиям «тростником», а тростником, скорее, соответствующим гюлливеровским описаниям бробдингнагской[892] природы) стоял большой, новый, привязанный к тростнику паром. Около парома не было никого, и берег казался совершенно пустынным. Оставалось еще часа полтора-два до солнечного заката. В то время как наши люди с телохранителями и слугами Такура выкладывали из таратайки наши узелки и поклажу и переносили их на паром, мы уселись на какой-то развалине у самой воды, любуясь великолепным озером. У*** собирался срисовать вид, который был действительно прелестен.

– Не торопитесь снимать эту местность, – остановил его Гулаб-Синг. – Чрез полчаса мы будем на островке, где виды гораздо красивее этого. Там мы можем провести ночь и даже все завтрашнее утро.

– Боюсь, темно будет чрез час… А завтра нам придется рано выехать, – говорил У***, открывая ящик с красками.

– Нет… можем оставаться и до трех часов пополудни… До станции железной дороги всего три часа, а поезд в Джабельпур отходит только в восемь часов вечера. К тому же, сегодня вечером вы увидите и услышите на острове странный и чрезвычайно интересный натуральный феномен: я угощу вас концертом… – добавил он с привычною ему загадочною улыбкой.

Мы все навострили уши.

– Да на какой же это мы едем остров? – полюбопытствовал полковник. – Разве мы ночуем не здесь у берега, где так прохладно и где…

– Лес так полон игривыми леопардами, а тростник скрывает змей, хотели вы сказать, – перебил его, осклабляясь, бабу́. – Вон взгляните направо, возле мисс Б***, под тростником! Полюбуйтесь счастливым семейством в пустыне: отец, мать, дяди, тетки, дети, – начал он громко считать, – я даже подозреваю в этой компании тещу…

Мисс Б*** взглянула по направлению тростника и, заголосив так, что весь лес застонал ей в ответ, опрометью бросилась как к спасительному ковчегу – к *тонге*. В трех шагах от нее, сверкая блестящею чешуей в лучах заходящего солнца, играло штук сорок змей и змеенышей. Они кувыркались, свивались, развивались, переплетаясь хвостами, представляя картину полного и невинного счастия. Такур присел было на камень возле У***, который уже собирался начинать рисунок, но тут бросил его и стал смотреть на опасную группу змей, хладнокровно покуривая свой неугасимый *гургури* (раджпутский кальян).

– Криком вы только заранее привлечете сюда из леса уже собирающихся на ночной водопой зверей, – немного насмешливо заметил он мисс Б***, которая пугливо высовывала из *тонги* свое бледное, искаженное ужасом лицо. – Бояться никому из нас решительно нечего. Не троньте зверя, и он вас оставит в покое и даже убежит от вас скорее, чем вы от него…

---

[890] Гора Хармукх (*англ.* Harmukh) имеет высоту 5142 метра (16870 футов).

[891] См.: Haramuk // *Thornton E.* A Gazetteer of the Territories Under the Government of the East-India Company, and of the Native States on the Continent of India. London, 1862. P. 377–378.

[892] Отсылка к сатирико-фантастическому роману писателя и философа Джонатана Свифта (1667–1745) «Путешествия Гулливера» (*англ.* «Gulliver's Travels»). Бробдингнег (*англ.* Brobdingnag) – страна великанов в этом романе.

С этими словами он слегка махнул чубуком по направлению семейной группы. Как громом пораженная, вся эта живая масса мгновенно осталась недвижимою, а в следующую затем секунду исчезла с громким шипеньем и шуршаньем в тростнике.

– Да это чистый месмеризм!.. – воскликнул полковник, не проронивший ни одного жеста раджпута и сверкая глазами из-под очков. – Как вы это сделали, Гулаб-Синг? Как научиться этому искусству?..

– Как сделал? Просто спугнул их движением чубука, как вы видели. Что же касается «искусства», то в этом действии решительно нет никакого «месмеризма», если под этим современным и довольно модным, кажется, словом вы подразумеваете то, что̀ мы, дикие индусы, называем *вашикарана видьей*[893], то есть наукой очаровывать людей и зверей силою воли. Змеи убежали потому, что испугались направленного против них движения…

– Но ведь вы не отвергаете, что изучали это древнее *искусство* и имеете этот дар?

– Нет, не отвергаю. Всякий индус моей секты обязан изучать вместе с другими тайнами, переданными нам нашими предками, тайны физиологии и психологии. Но что̀ ж в этом? Боюсь, мой дорогой полковник, что вы вообще слишком склонны смотреть на мои малейшие действия сквозь призму мистицизма, – добавил он, улыбаясь. – Это вам Нараян, видно, наговорил про меня, не так ли?..

И он ласково, хотя с таким же загадочным выражением опустил взор на сидевшего у его ног и редко спускавшего с него глаза декканца. Колосс потупился и молчал.

– Да, – тихо, но весьма иронически ответил за него принявшийся за рисовальный аппарат У***. – Нараян видит в вас нечто более своего бывшего бога Шивы и весьма немногим менее Парабрамы… Поверите ли?.. Он нас серьезно уверял в Насике, будто «радж-йоги», в том числе и вы (хотя, признаюсь, еще до сих пор я не понимаю, что̀ такое именно «радж-йог»), могут кого и что̀ угодно и одною силою воли *заставить*, например, видеть не то, что̀ у тех действительно пред глазами и что̀ видят и все другие, а то, чего совсем нет и не было, и что́ находится лишь в воображении магнетизера или «радж-йога»… Ха, ха, ха!.. Он называл это, сколько помню, *майей*, иллюзией.

– И что̀ ж?.. Вы, конечно, довольно посмеялись над нашим Нараяном? – также спокойно осведомился Такур, смотря в темно-зеленую глубь озера.

– Гм! Да… немножко, – рассеянно признался У***, который, очинив карандаш и разложив на коленях папку, внимательно начал всматриваться вдаль, выбирая самое эффектное для рисунка место. – Я, признаюсь, скептик в подобных делах, – добавил он.

– А зная У***, – вмешался полковник, – я скажу, что, как Dr. Карпентер[894], он не поверил бы такому феномену, даже если б испытал его на самом себе…

– Нет… Да, впрочем, правда. Я, действительно, кажется, и тогда не поверил бы и скажу почему. Если б я увидал пред собою не существующее или скорее существующее лишь для одного меня, то, как бы эти предметы ни были для меня лично объективны, прежде, чем принять галлюцинацию за нечто вещественное, кажется, уж в силу одной простой логики, я был бы, прежде всего, обязан скорее заподозрить самого себя, увериться, что я еще не сошел с ума, чем позволять себе верить, что то, что̀ я один вижу, не только есть действительность, но что эти картины суть рефлексия мысли, управляемой волей другого человека, – человека, который, таким образом, временно управляет и моим оптическим нервом и мозгом… Что̀ за чепуха!.. Неужели кто-нибудь в состоянии меня уверить, что есть на свете такой магнетизер или радж-йог, который бы заставил… ну хоть бы *меня* видеть то, что̀ ему заблагорассудится, а не то, что̀ я сам вижу и знаю, что и другие видят?

– И однако же есть люди вполне верующие, ибо они убедились, что такой дар возможен, – небрежно заметил Такур.

– Что̀ ж, что есть?.. Есть кроме таких еще и двадцать миллионов спиритов, верующих в материализацию *духов*! Только не включайте *меня* в их число.

---

[893] Вашикарана (*санскр.* вашья – подчинение, приручение; карана – действие) – подчинение воли живого существа. «Видья (санскр.). Знание, оккультная наука» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 108).

[894] Вильям Бенджамин Карпентер (1813–1885) – английский естествоиспытатель, медик, зоолог и физиолог; критиковал психические исследования и спиритуализм.

– Но вы верите, однако, в существование животного магнетизма?

– Конечно, верю… до известной степени. Если человек в оспе или другой прилипчивой болезни может заразить здорового человека, то, стало быть, и здоровый может передать больному избыток своего здоровья и вылечить его. Но между чисто физиологическим магнетизмом и влиянием одной особы на другую – бездна; переступать же эту бездну в силу одной слепой веры не считаю нужным…

– Но разве так трудно убедиться в том, что то, что̀ вы видите или, по крайней мере, думаете, что видите в минуту галлюцинации, есть только отражение картины, созданной с этою целью в мысли того, кто испытывает над вами свою власть?..

– Позволяю себе думать, что для удостоверения в подобном явлении необходимо, прежде всего, получить дар распознавать чужие мысли и, вследствие этого, получить возможность безошибочной проверки оных. Я не обладаю таким даром…

– Могут найтись и другие средства убедиться в возможности явления. Например, если пред вами предстанет картина местности действительно существующей, но отдаленной и вам совершенно незнакомой, хотя не только известной магнетизеру, но даже той самой, о которой он заранее условился со скептиками, – что именно *эту*, а *не другую* местность вы увидите и опишете. Затем вы ее действительно и аккуратно описываете… Разве это не доказательство?

– Быть может, во время транса, припадка эпилепсии или сомнамбулизма подобная передача впечатлений и возможна. Не спорю, хотя сам сильно сомневаюсь. Но в одном, по крайней мере, я вполне уверен и всегда поручусь за это: на совершенно здорового человека в вполне нормальных условиях магнетизм не способен иметь ни малейшего влияния. Медиумы и ясновидящие провербиально[895] болезненны. Желал бы я посмотреть, какой магнетизер или «радж-йог» повлиял бы на *меня*?

– Ну, У***, мой милый, не хвастайте! – вмешался дотоле молчавший полковник.

– Никакого тут нет хвастовства. Я просто ручаюсь за себя, потому что лучшие европейские магнетизеры пробовали свою власть надо мною и каждый раз проваливались. Поэтому вызываю всех магнетизеров, живых и мертвых, как и всех индусских радж-йогов в прибавку, попробовать чары своих токов надо *мною*… Все сказки…

У*** начинал горячиться, а Такур замял разговор, перейдя на другие предметы.

Но тут позволю себе необходимое отступление.

Кроме мисс Б***, никто из нашего общества туристов не был ни спиритом, ни спиритуалистом, менее всех У***. Мы давно перестали верить в проказы духов усопших, хотя и допускали многие из медиумических явлений, только совсем на других основаниях, чем то делают спириты. Отвергая вмешательство и даже всякое присутствие «духов» при известных *столоверчениях* и других явлениях, мы, однако – особенно с тех пор как живем в Индии – веруем в «дух» живого человека, в его могущество и прирожденные ему, хотя до сих пор и *тайные* (за весьма редкими исключениями), *заглохшие* способности; веруем, что в плоти при известном образе жизни дух – божественная искра – как бы потухает в человеке, если он ее не раздувает; наоборот, человек может развить в себе силу духа, совершая затем гораздо более удивительные для непосвященного зрителя феномены, нежели разоблаченные кикиморы спиритов. Если гимнастика способна не только удесятерять силу мускулов, придавая им чуть ли не сверхъестественную упругость и гибкость (как это мы видим в знаменитых акробатах), то почему же при известном упражнении не развиваться так и «духу»? Мы верим также, ибо убедились, что эта *тайна* – неизведанная и отвергаемая нашими западными физиологами и даже психологами – хранится в Индии, где она наследственна и доверяется весьма немногим.

У*** был новичком в Обществе и отвергал возможность таких явлений даже в деле месмеризма. Воспитанник Королевского института британских архитекторов, где он и кончил с золотою медалью курс, он вышел оттуда скептиком, отвергающим все en dehors des mathématiques pures[896]; поэтому и неудивительно, что он озлился за это приставание к нему со «сказками»…

Возвращаюсь к рассказу.

---

[895] Провербиальный (*лат.* proverbium – поговорка) – вошедший в поговорку.

[896] за исключением чистой математики (*фр.*).

Бабу́ и Мульджи ушли торопить людей нагружать паром: все приутихли, и над нами, как говорится, «тихий ангел пролетел»[897]. Мисс Б*** со страха и духоты уснула в *тонге* и безмятежно похрапывала; полковник, лежа спиной вверх на самом берегу, кидал камешки в воду; Нараян, погруженный по обыкновению в созерцание Гулаб-Синга, сидел на песке неподвижно, обхватив колена руками, и молчал. У*** прилежно и торопливо рисовал, лишь изредка подымая голову, и как-то странно хмурился, вглядываясь в другой берег, весь погруженный в свою работу… Такур продолжал покуривать, а я, усевшись на своем складном стуле, внимательно наблюдая за всем, не могла теперь оторвать глаз от Гулаб-Синга…

«Кто и что̀ такое, наконец, этот загадочный индус? – думалось мне. – Кто такой этот человек, соединяющий в себе как бы две совершенно отличные одна от другой личности: одну – внешнюю, для глаз, света и англичан, другую – внутреннюю, духовную, для близких друзей? Но даже эти самые друзья его, разве они многим более других людей знают что̀ о нем? И что̀ они знают, наконец? Они видят в нем мало отличающегося от других образованных туземцев индуса, разве только наружностью, да тем, что он еще более, чем они, презирает все общественные условия и требования западной цивилизации… Вот и все. За исключением еще разве того, что он хорошо известен всем в Центральной Индии; что его знают за довольно богатого человека, за такура, то есть за феодального начальника *раджа* – одного из сотни других подобных ему в Индии *радж*, или уездов. Затем он вполне преданный нам друг, который сделался нашим покровителем в дороге и посредником между нами и подозрительными, несообщительными индийцами. Но кроме этого мы ровно ничего более о нем не знаем. Правда, нечто более, нежели другим, известно мне. Но я клялась молчать и молчу; да и то, что́ даже знаю я, до такой степени странно, что все это скорее походит на сон, нежели на действительность…

Давно, очень давно, двадцать семь слишком лет тому назад, мы встретились с ним в чужом доме в Англии, куда он приезжал с одним туземным, развенчанным принцем[898], и наше знакомство ограничилось двумя разговорами, которые хотя тогда и произвели на меня сильное впечатление своею неожиданною странностью, даже суровостью, но как и многое другое все это кануло с годами в Лету… Около семи лет тому назад он написал мне письмо в Америку, припоминая разговор и данное обещание; и вот мы опять свиделись на его родине – в Индии! И что̀ ж? Изменился он в эти долгие годы, постарел?.. Нисколько. Я была молода тогда и давно успела сделаться старухой. Он же, явившись мне впервые человеком лет 30, как бы застыл на этих годах… Тогда его поразительная красота, особенно рост и сложение, были до того необычайны, что заставили даже чопорную, сдержанную лондонскую печать заговорить о нем. Журналисты, заразясь отходящею байроновскою поэзией, наперерыв воспевали “дикого раджпута” даже тогда, когда на него сильно негодовали за то, что он напрямик отказался предстать пред королевины очи, побрезгав великою честью, для которой являлись из Индии все его соотечественники… Его прозвали тогда “Раджей-Мизантропом”, а салонная болтовня – “принцем Джальмой-Самсоном”[899], сочиняя о нем всевозможные сказки до самого дня его отъезда».

Все это, взятое вместе, разжигало во мне мучительное любопытство, не давая мне покоя и заставляя забывать все остальное.

Вот почему я теперь сидела пред ним, вперив в него глаза не хуже Нараяна. Я вглядывалась в это замечательное лицо с чувством не то страха, не то необъяснимо благоговейного уважения. Вспоминалось мне и про таинственную смерть тигра в Карли, и про спасенье собственной моей жизни за несколько часов до того в Багхе, и про многое другое. Он явился к нам только в утро того самого дня, а сколько дум расшевелило его присутствие во мне, сколько загадочного он уже принес с собою. «Да что̀ же это такое, наконец? – чуть не вскрикнула я. – Что̀ это за существо, которое я встретила столько лет тому назад молодым и полным жизни, и вот опять встречаю таким же молодым и полным жизни, но еще суровее, еще непонятнее? Неужели это брат его, а

[897] Слова из поэмы поэта В.А.Жуковского (1783–1852) «Две были и еще одна» (1831).

[898] Возможно, речь идет о Далипе Сингхе, который в 1854 г. прибыл в Англию и встречался с королевой Викторией.

[899] Индийский принц Джальма – один из героев романа французского писателя Э.Сю (1804–1857) «Вечный жид» (в русских переводах «Агасфер», 1844–1845). Самсон – ветхозаветный Судья-герой, прославившийся своими подвигами в борьбе с филистимлянами. Подвиги Самсона описаны в библейской Книге Судей (гл. 13–16).

может и сын? – вдруг мелькнуло в голове. – Нет, это он сам: тот же старый шрам на левом виске, то же самое лицо. Но как и за четверть века назад ни одной морщинки на этих правильных, прекрасных чертах, ни одного седого волоса в черной как вороново крыло густой гриве; то же выражение окаменелого спокойствия в минуты молчания на темном, словно вылитом из желтой меди лице… Чтò за странное выражение; какое спокойное, сфинксообразное лицо!..»

– Сравнение не совсем удачное, мой старый друг, – вдруг как бы в ответ на мою последнюю мысль раздался тихий, добродушно-насмешливый голос Такура, заставив меня страшно вздрогнуть. – Оно уже потому неправильно, – продолжал он, – что вдвойне грешит против исторической точности. Во-первых, хотя Сфинкс и крылатый лев, но он в то же время и женщина, а раджпутские Синги[900] хотя и львы, но никогда еще не имели чего-либо женственного в своей природе. К тому же Сфинкс – дочь Химеры[901], а иногда и Ехидны[902], и вы могли бы выбрать менее обидное, хотя и неверное сравнение.

Словно пойманная на месте преступления, я ужасно сконфузилась, а он весело расхохотался. Но мне от этого не легче.

– Знаете чтò? – продолжал Гулаб-Синг, уже серьезнее и вставая. – Не ломайте себе головы понапрасну: хотя в тот день, как загадка будет разгадана, раджпутский Сфинкс не бросится в море, но, поверьте, и русскому Эдипу[903] от этого ничего не прибавится. Все то, чтò вы когда-нибудь можете узнать, вы уже знаете. А остальное – предоставьте судьбе…

– Паром готов! Идите!.. – кричали нам с берега Мульджи и бабу́.

– Я кончил, – вздохнул У***, торопливо собирая папку и краски.

– Дайте посмотреть, – лезли к нему проснувшаяся Б*** и подошедший полковник.

Мы взглянули на свежий, еще мокрый рисунок и остолбенели; вместо озера с его синеющим в бархатистой дали вечернего тумана лесистым берегом пред нами являлось прелестное изображение морского вида. Густые оазисы стройных пальм, разбросанные по изжелта-белому взморью, заслоняли приземистый, похожий на крепость туземный бёнглоу с каменными балконами и плоскою крышей. У дверей бёнглоу – слон, а на гребне пенящейся белой волны – привязанная к берегу туземная лодка.

– Да где же вы взяли *этот* вид? – недоумевал полковник. – Для того чтобы рисовать виды из головы, не стоило и сидеть на солнце…

– Как из головы? – отозвался возившийся с папкой У***. – Разве озеро непохоже?

– Какое тут озеро! Вы рисовали, видно, во сне.

В это время вокруг полковника столпились все наши спутники, и рисунок переходил из рук в руки. И вот Нараян, в свою очередь, ахнул и остановился в полном изумлении.

– Да это «Дайри-боль», поместье Такур-саиба! – провозгласил он. – Я узнаю его. В прошлом году во время голода я жил там два месяца.

Я первая поняла, в чем дело, но молчала. Уложив вещи, У*** подошел, наконец, по-своему обыкновению, вяло и не торопясь, как будто сердясь на глупость зрителей, не узнававших в море озера:

– Полноте шутить и выдумывать; пора ехать. Отдайте мне эскиз… – говорил он нам.

Но получив его, он при первом взгляде страшно побледнел. Жаль было смотреть на его глупо-растерянную физиономию. Он поворачивал злополучный кусок бристоля[904] во все стороны: вверх, вниз, наизнанку, и не мог придти в себя от изумления. Затем он бросился как угорелый к уложенной уже папке и, сорвав завязки, разметал в одну секунду сотню эскизов и бумаг, как бы

---

[900] Синг – лев на языке Пенджаба. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[901] Химера (*др.-греч.* Χίμαιρα, букв. «коза») – в греческой мифологии огнедышащее чудовище с головой и шеей льва, туловищем козы и хвостом в виде змеи; порождение Тифона и Ехидны.

[902] Ехидна, Эхидна (*др.-греч.* Ἔχιδνα, буквально «гадюка») – в древнегреческой мифологии богиня, представлявшаяся в виде исполинской полуженщины-полузмеи (дракайна).

[903] Эдип – в древнегреческой мифологии царь Фив. Эдип разгадал загадку Сфинкса, крылатого чудовища с львиным телом и женской головой, и освободил от него Фивы.

[904] Бристольская бумага (по имени английского города Бристоль) – плотная проклеенная бумага для рисования большого формата.

ища чего-то… Не найдя желаемого, он снова принялся за рисунок, и вдруг, закрыв лицо руками, обессиленный и точно сраженный опустился на песок.

Мы все молчали, изредка переглядываясь и даже забывая отвечать Такуру, стоявшему уже на парóме и звавшему нас ехать.

– Послушайте, У***, – ласково заговорил с ним добродушный полковник, словно обращаясь к больному ребенку. – Скажите, вы помните, что *вы* рисовали этот вид?..

Англичанин долго молчал; наконец произнес хриплым, дрожащим от волнения голосом:

– Да, помню все. Конечно, я его рисовал, но рисовал с натуры, *рисовал то, чтò видел во все время пред своими глазами*. Вот это-то и есть самое ужасное[905]!

– Но почему же такое «ужасное»? Просто временное влияние одной могучей воли над другою, менее мощною. Вы просто находились под «биологическим влиянием», как говорят Dr. Карпентер и Крукс[906].

– Вот это именно и страшит меня. Теперь припоминаю все. Более часа я рисовал этот вид: я его увидал с первой минуты на противоположном берегу озера и, видя его *во все время,* не находил в этом ничего странного. Я вполне сознавал или, скорее, воображал, что рисую то, чтò все видят пред собою. Я совершенно утратил воспоминание о береге, как я его видел за минуту до того и как я его снова вижу. Но как объяснить это? Великий Боже! неужели эти проклятые индусы действительно обладают тайной такого могущества? Полковник, я сойду с ума, если бы мне пришлось верить всему этому!..

– Но зато, – шепнул ему Нараян с блеском торжества в пылающих глазах, – вы теперь не в состоянии более отвергать великую, древнюю науку *йог-видьи* моей родины!..

У*** не отвечал. Шатаясь словно пьяный, он взошел на паром и, избегая взгляда Такура, сел спиной ко всем у края и погрузился в созерцание воды.

– Ma chère, – полугромко шепнул возле меня таинственный голос мисс Б***. – Ma chère, mais Monsieur U*** devient vraiment un medium[907]…

В минуты волнения она всегда обращалась ко мне на французском языке.

– Отстаньте вы, ради Бога, от меня с вашими глупостями. Какой там медиум? Вы знаете, что я не верю в духов…

Получив отпор с моей стороны, она бросилась к бабу́, который к удивлению всех молчал и, прислонясь к борту, рассеянно глядел вдаль.

– Но кто же, кроме отшедших духов (*èsprits désincarnés*[908]), кроме души бывшего артиста, мог нарисовать этот фантастический вид? – вопрошала она, разинув рот.

– Черт! – брякнул ей в ответ бабу́. – Разве ваши соотечественники не давно уже порешили, что мы, индусы, поклоняемся чертям? Ну вот один из наших богов и напустил мистеру У*** тумана…

Если бы в эту самую минуту паром, управляемый людьми Такура (паромщиков вовсе не было) не подъезжал к острову, быть бы тут ссоре между ними. К счастию, мы причалили, и бенгалец выскочил на берег.

– Il est positivement malhonnête, ce Nègre là[909], – прошептала разъяренная дева, пустив ему вслед парфянскою стрелой[910].

– Ну, мать моя, – заметила я ей, выходя за прочими, – такие *негры* сто́ят один *десяти* ваших Джон-Буллей[911]…

---

[905] У*** сохранил этот рисунок, но никогда не намекает на его происхождение. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[906] См.: *Блаватская Е.П.* Разоблаченная Изида. Т. I, гл. II.

Уильям Крукс (1832–1919) – английский химик и физик, спиритуалист.

[907] Голубушка. Голубушка, а господин У*** действительно становится медиумом (*фр.*).

[908] бестелесных духов (*фр.*).

[909] Он, положительно, непорядочный, этот негр (*фр.*).

[910] Парфянская стрела (*шутл.*) – находчивый довод, приберегаемый к концу спора и приводящий собеседника в замешательство.

[911] Джон Булль (*англ.* John Bull, буквально Джон Бык) – собирательный образ типичного англичанина.

XXI

Островок был маленький, весь поросший высокою травой и имел издали вид плавающей среди голубого озера пирамидальной корзинки зелени. За исключением нескольких пучков широких, тенистых *манго* и смоковниц, на которых при нашем появлении страшно засуетилась целая колония обезьян, он был, по-видимому, необитаем. В этом девственном лесу густейшей травы нигде не было заметно и следа ноги человеческой. Читая слово «трава» и здесь не следует забывать, что я говорю об *индийской* траве, а не о европейском подстриженном под гребенку газоне и даже не о *русской* траве; трава, *под* которою мы стояли, как букашки под лопухом, высоко развевала свои перистые, разноцветные вершины не только над нашими головами, но даже и над белыми *пёггри* Такура и Нараяна: первый из коих стоял, по общеупотребительному английскому выражению, «шести с половиною футов[912] в чулках»[913], а второй был разве на вершок[914] ниже. Эта трава показалась нам с парома тихо волнующимся морем черных, белых, желтых, голубых, преимущественно же розовых и зеленых цветов. Выйдя на берег, мы нашли, что то был большею частью обыкновенно растущий отдельными группами бамбук, перемешанный с гигантскою травой *сирки*[915], потрясающею разноцветными перьями своих верхушек почти в уровень с манговыми и другими высокими деревьями.

Невозможно себе представить что-либо красивее и грациознее *сирки* и бамбука. Изолированные букеты бамбуковой травы, колоссальной, но все же не более как травы, начинают при малейшем дуновении ветерка развевать в воздухе свои зеленые головы, словно разукрашенные страусовыми перьями. От пяти, часто до восьми вершков[916] в диаметре у корня, каждый ствол тростника вырастает от 50 до 60 футов[917] в вышину с коленами на расстоянии двух-трех футов одно от другого, каждое с густою бахромой длинных тонких листьев. От времени до времени при каждом порыве ветра слышался легкий металлический шелест в тростнике, но в хлопотах устраивания ночевки мы не обратили на это особого внимания.

Пока наши *кули* и слуги возились, приготовляя нам ужин и палатку, да прочищали кругом дорогу, мы пошли познакомиться с обезьянами. Уморительнее мы еще ничего не встречали. Без преувеличения их было штук до 200. Собираясь на покой, макашки вели себя очень прилично: каждое семейство выбирало себе ветку и защищало ее от нападения других квартирантов на дереве, но защищало без сражения, довольствуясь лишь угрожающими гримасами. Между ними было немало матерей с младенцами на руках; некоторые из них нянчили детеныша нежно и осторожно со всеми свойственными людям приемами; другие, выбирая ветку, перескакивали с одного дерева на другое с ребенком, повисшим на конце материнского хвоста; третьи бегали на четвереньках с прицепленными к животу наследниками, чего-то суетясь, о чем-то толкуя и поминутно останавливаясь для перебранок – картина ссорящихся на базаре кумушек животного царства. Холостяки предавались вечернему увеселению – гимнастике на ветках на самом кончике хвоста. Мы заметили одного, разделявшего забаву между *sauts périlleux*[918] и надоеданием почтенному деду, который важно сидел под деревом, обняв двух маленьких обезьян. Раскачиваясь, он бросался на него со всего размаху, корчил рожи, кусал его за ухо и стрекотал во все горло… Мы переходили от одного дерева к другому осторожно и тихо, боясь их спугнуть. Но видно, что много лет, проведенных с факирами (которые очистили остров только в прошлом году), приучили обезьян к людям. То были священные обезьяны, как мы узнали, и они не проявляли ни малейшего страха при нашем приближении. Они допускали нас совсем близко и, приняв приветствие, а некоторые так и кусочек сахарного тростника, смотрели на нас с высоты своих

[912] 1,98 м.

[913] «Six feet in his stocking feet» («шесть с половиной футов в одних чулках») или «he stands six feet in his stocking feet» («он был ростом шести с половиной футов без обуви»).

[914] 4,45 см.

[915] Сахарный тростник.

[916] 22–35 см.

[917] 15–18 м.

[918] опасными прыжками (*фр.*).

древесных тронов спокойно, чопорно скрестив ручки, и даже с некоторым важным презрением в умных, карих глазках.

Но вот зашло солнце, и все мигом всполошилось на деревьях. Нас стали звать ужинать. *Бабу́*, преобладающею страстью коего было (по понятиям ортодоксальных индусов) «покощунствовать», залез на дерево, откуда, перенимая все позы и жесты своих соседей, к благочестивому ужасу наших *кули*, отвечал на угрожающие гримасы обезьян еще безобразнейшими; затем он спрыгнуть с ветки и заторопил нас «домой».

С последним исчезнувшим за горизонтом золотым лучом вся окрестность будто разом подернулась светло-фиолетовою прозрачною дымкой. С каждою минутой сгущались тропические сумерки: постепенно, но быстро утрачивали они свой мягкий, бархатистый колорит, делались все темнее и темнее. Словно невидимый живописец накладывал на окружающие нас леса и воды одну тень за другою, тихо, но непрерывно работая гигантскою кистью своей по чудным декорациям на фоне нашего островка… Уже слабые фосфорические огоньки зажигались вокруг нас: блистая против черных древесных стволов и величественных бамбуков, они исчезали на ярко-перламутровых, серебристых просветах вечернего неба… Еще минуты две-три и тысячи этих волшебных живых искр, предвестники царицы ночи, запылали, заиграли кругом, то вспыхивая, то потухая, сыплясь огненным дождем на деревья, кружась в воздухе над травой и над темным озером… А вот и сама ночь. Неслышно спустившись на землю, она вступает в свои верховные права. С ее приближением все засыпает, все успокаивается; под ее прохладным дыханием утихает вся деятельность дня. Как нежная мать, она убаюкивает природу, бережно окутывая ее своим легким черным покровом, а усыпив, стоит настороже над усталыми, дремлющими силами до первой зари…

Все спит в природе; не спит в этот торжественный вечерний час один человек. Не спали и мы. Сидя вокруг костра, мы разговаривали почти шепотом, словно боялись пробудить эту уснувшую природу. У*** и мисс Б*** давно улеглись, да их никто и не удерживал. А мы, то есть полковник, четыре индуса да я, забившись под эту пятнадцатисаженную[919] «травку», не могли решиться проспать такую чудную ночь. К тому же мы ожидали обещанного нам Такуром «концерта».

– Имейте терпение, – говорил нам Гулаб-Лал-Синг, – пред восходом луны явятся и наши музыканты…

Месяц всходил поздно, почти в десять часов ночи. Пред самым его появлением, когда уже воды озера стали бледнеть на другом берегу, а небосклон заметно светлел, постепенно переходя в серебристо-молочный цвет, вдруг засвежело и поднялся ветерок. Забурлили было уснувшие волны, заплескались и зашуршали они у подножия бамбуков, и затрепетали кудрявые вершины великанов, зашептали, будто передавая друг другу приказания… Вдруг, среди общего молчания, мы услышали те же самые странные музыкальные звуки, какие подслушали подъезжая к острову на пароме. Словно со всех сторон вокруг нас и даже над головами настраивались незримые духовые инструменты, звякали струны, пробовались флейты. Минуты чрез две, с новым порывом прорывающегося сквозь бамбук ветра, раздались по всему острову звуки как бы сотен Эоловых арф[920]… И вот разом началась дикая, странная, неумолкающая симфония!..

Она гудела по окружающим озеро лесам, наполняла воздух невыразимою мелодией, очаровывала даже наш избалованный европейский слух. Грустны, торжественны были ее протяжные ноты: они то плавно звучали похоронным маршем, то вдруг, перейдя в дрожащую дробь, заливались трелью соловья, гудели словно сказочные гусли-самогуды и, наконец, с

[919] 32 м.

[920] Эолова арфа, также воздушная арфа – инструмент типа цитры, звучащий благодаря колеблющему струны ветру, названа в честь Эола, мифического повелителя ветров. Музыкальным инструментом в строгом смысле слова эолова арфа не является, так как не требует участия музыканта-исполнителя. Состоит из резонатора – узкого деревянного ящика с отверстием, внутри которого натянуты струны. Количество струн (обычно от 4 до 12, иногда 24 или 48) произвольно. Струны одинаковой длины, но различной толщины и степени натяжения обычно настраиваются в унисон; при колебании они издают не только основной тон, но и обертоны, так что общий диапазон эоловой арфы оказывается довольно значительным. Чем сильнее ветер, тем более высокие обертоны слышны. При слабом дуновении ветра звучание эоловой арфы легкое и нежное, при порывах – резкое и громкое.

протяжным вздохом замирали… Здесь они напоминали протяжный вой: заунывный, грустный, как вой осиротевшей волчицы, утратившей детенышей; там они звенели, как турецкие колокольчики, звучали веселою, быстрою тарантеллой; далее раздавалась заунывная песнь будто человеческого голоса, неслись плавные звуки виолончели, заканчиваясь не то рыданием, не то глухим хохотом… А всему этому вторило из лесу со всех четырех сторон насмешливое эхо, будто голос сотни аукающих леших, внезапно разбуженных в своих зеленых дубравах, откликающихся на призыв этого дикого музыкального шабаша!..

Полковник и я переглядывались, обезумев от удивления. «Что̀ за прелесть! Что̀ за чертовщина!..» – раздались, наконец, в унисон наши два восклицания. Индусы посмеивались и молчали; Такур покуривал свой *гургури* так же безмятежно, как если б он внезапно оглох. Но вот после минутного интервала и пока у нас невольно мелькал в голове вопрос: «Уж не волшебство ли опять какое?», невидимый оркестр разыгрался, расходился пуще прежнего и на минуту совершенно нас было оглушил. Полились звуки, понеслись словно неудержимою волной в воздухе и снова приковали наше внимание. Ничего и никогда не слыхали мы подобного этому непонятному для нас диву… Слышите? Будто буря на море, свист ветра в снастях, гул бешеных, опрокидывающих друг друга волн! Снежная в глухой степи метель и вьюга…

То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя![921]

А вот загремели величественные ноты органа… Его могучие звуки то сливаются, то расходятся в пространстве, обрываются, перемешиваются, путаются, как фантастическая мелодия во время лихорадочного сна – музыкальное видение, вызванное завыванием и визгом ветра на дворе.

Но чрез несколько минут эти вначале чарующие слух звуки начинают, будто ножом, резать мозг. И вот нам представляется, будто пальцы незримых артистов бряцают уже не по невидимым струнам, дуют не в заколдованные трубы, а скрипят по нашим собственным нервам, вытягивают жилы и затрудняют дыхание…

– Ради Бога, перестаньте, Такур! Довольно, довольно!.. – вопит полковник, затыкая обеими руками уши. – Гулаб-Синг… прикажите им перестать!..

При этих словах трое индусов покатываются со смеху, и даже сфинксообразное лицо Такура озаряется веселою улыбкой…

– Честное слово, вы меня, кажется, не шутя принимаете, если не за великого Парабраму, то, по крайней мере, за какого-то гения, за Марута[922], владыку ветра и стихий, – говорит он нам, весело смеясь. – Да разве в моей власти остановить ветер или мгновенно вырвать с корнем весь этот бамбуковый лес?.. Просите чего-нибудь полегче!..

– Как остановить ветер? Какой бамбук?.. Разве мы это слышим не под психическим влиянием?..

– Вы скоро помешаетесь на психологии и электро-биологии, мой дорогой полковник. Никакой тут нет психологии, а просто естественный закон акустики… Каждый из окружающих нас бамбуков, – а их ведь несколько тысяч на острове, – скрывает в себе природный инструмент, на котором наш всемирный артист, ветер, прилетает пробовать свое искусство после солнечного заката, особенно в последнюю четверть луны.

– Гм! Ветер?.. Да… Но ведь это начинает переходить в ужасный шум… Очень неприятно… Как бы этому помочь? – осведомляется наш немного сконфуженный президент.

– Уж, право, не знаю… Ничего, чрез пять минут вы к нему привыкнете, отдыхая в те промежутки, когда ветер минутами затихает…

[921] Слова из стихотворения А.С.Пушкина «Зимний вечер».
[922] Маруты – в ведийской и индуистской мифологии божества бури, ветра, грома и молнии.

И вот мы узнаем, что таких природных оркестров много в Индии; что они хорошо известны браманам, которые называют этот тростник *ви́на-деви* (гитарой богов)[923] и, спекулируя народным суеверием, выдают эти звуки за *божественные* оракулы. К этой особенности тростника[924] факиры идолопоклоннических сект прибавили и собственное искусство. Вследствие этого остров, на котором мы находились, считается особенно священным.

– Завтра утром, – говорил нам Такур, – я вам покажу, с каким глубоким знанием всех правил акустики наши факиры просверлили различных величин дыры в тростниках. Смотря по объему ствола, в каждом колене этих пустых трубок они увеличивают выеденные жучками отверстия, придавая им то круглую, то овальную форму. На эти усовершенствованные ими природные инструменты можно по справедливости смотреть как на превосходнейшие образцы применения механики к акустике. Впрочем, удивляться тут нечему: наши древнейшие санскритские книги о музыке подробно описывают эти законы, упоминая о многих ныне не только забытых, но даже совершенно неизвестных нам инструментах… А теперь, если это слишком близкое соседство распевшегося тростника беспокоит ваши нежные уши, я вас, пожалуй, поведу на поляну у берега – подальше от нашего оркестра. После полуночи ветер стихнет и вы уснете спокойно… А пока пойдемте посмотреть, как загораются «священные костры». Как только окрестные жители заслышат далекие голоса «богов» в тростниках, они тотчас же начинают сходиться целыми деревнями на берег, зажигают костры и совершают «пуджу» (поклонение острову).

– Но неужели же браманы в состоянии поддерживать такой очевидный обман? Ведь самый глупый человек и тот должен, наконец, догадаться, кем и как просверлены тростники и отчего происходят звуки!.. – осведомляется удивленный полковник.

– У вас в Америке – быть может, но никак не у нас в Индии. Покажите даже и полуобразованному туземцу, как это сделано, расскажите и объясните… На это он вам ответит, что он и без вас знает, что эти дыры просверлены жуком и увеличены факиром. Но что̀ же из этого? То не простой жучок сверлил, а *воплотившийся в насекомое с этою целью один из богов*, а факир, святой мученик, действовал по приказанию этого бога. Вот все, чего вы от нас добьетесь. Веками въевшийся в массы народа фанатизм и суеверие сделались как бы необходимою частью его физиологических потребностей. Искорените в нем это чувство и у него откроются сами собою глаза, и он узрит истину, но не прежде. Что же касается браманов, то счастлива была бы Индия, если б эти вековые плуты не делали ничего худшего… Пусть себе народ поклоняется музе и духу гармонии, это еще не страшно.

В Дехра-Дене[925] (рассказывал нам *бабу́*) такие бамбуки посажены с обеих сторон центральной улицы и тянутся более чем на милю. За зданиями ветер не может свободно действовать, и потому звуки слышатся лишь в вечера, когда он дует с востока, что̀ бывает чрезвычайно редко. Но в прошлом году, когда наш суами Дайананд прибыл на летнюю кочевку и его осаждала каждый вечер толпа последователей, бамбуки, как раз после его проповеди, в которой он громил суеверие, вздумали распеться. В это самое время утомленный продолжительною проповедью и немного нездоровый суами опустился на ковер и, закрыв глаза, сидел неподвижно. Толпа вообразила тотчас же, что душа суами, покинув тело, вошла в тростники и из них ведет разговор с богами. Многие, желая изъявить тем свое благоговение учителю и, вероятно, доказать, в какой полноте восприяли они его учение, бросились творить пред напевавшим тростником «пуджу»…

– И что̀ ж суами… Что̀ он сказал на это?..

– Ничего не сказал… Вы его, видно, еще не знаете. Не говоря ни слова, он вскочил и, сломав первую бамбуковую трость по дороге, задал ею *пуджникам* такой «европейский *бакшиш*»[926] по

---

[923] Ви́на – старинный индийский щипковый музыкальный инструмент, используемый при исполнении индийской классической музыки. Инструмент имеет вид лютни, и его форма варьируется в зависимости от конкретной конфигурации.

[924] На этот род бамбука постоянно нападает маленький жучок, который пробуравливает в очень скором времени большие дыры в совершенно пустом стволе тростника, где и задерживается ветер. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[925] Дехрадун (*англ.* Dehra Dun).

[926] Удар тростью здесь зовется народом «европейский бакшиш» или «бамбуковый бакшиш»*; последнее слово в повсеместном употреблении в Азии. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

спинам, что толпа мгновенно разбежалась. А суами, беспощадно колотя по чем ни попало, гнался за ними целую милю, затем плюнул и уехал далее. Он ужасный силач наш суами и разговаривать долго не станет, – смеялся *бабу́*.

– Но ведь таким образом вместо того, чтоб обратить их на путь истины, он только разгоняет толпу? – заметил полковник.

– Вот и выходит, что вы наш народ знаете так же мало, как и вашего союзника-суами… Не успел он прибыть в *Патни*[927] (местечко в 35 или 40 милях от Дехра-Дена), как толпа человек в 500 привалила депутацией от города, кланяясь ему в ноги и умоляя вернуться. Между главными просителями были те, у кого вся спина оказалась в синяках. Они привезли суами назад с самыми торжественными церемониями на слоне, усыпая всю дорогу цветами… Он тотчас же устроил *самадж* (общество), и в этом «Ариа-самадже» Дехра-Дена теперь двести членов, которые навсегда отказались от идолопоклонства и суеверия.

– А при мне, – рассказывал Мульджи, – он в Бенаресе два года тому назад разбил палкой до ста идолов на базаре и поколотил брамана. Последнего он вытащил из-за просверленной спины огромного идола Шивы, из-за которой тот вел разговор за своего бога, требуя денег на новую одежду для Шивы…

– И не поплатился он за это?

– Браман потребовал его в суд, но явилось столько заступников за него, что судья был принужден его оправдать, присудив лишь заплатить штраф за разбитых идолов. Одно нехорошо: браман в ту же ночь умер от холеры, и противники суами громко кричали, что он умер вследствие *джаду* (колдовства)[928] Дайананда Сарасвати.

– А вы, Нараян, знаете что̀ про суамиджи?.. Принимаете ли вы его за своего «гуру»? – спросила я.

– У меня один *гуру* и один бог на земле, как и на небе, – нехотя ответил Нараян, – и никогда не будет другого…

– Кто же этот *гуру* и кто ваш бог?.. Тайна разве?..

– Такур-саиб, конечно!.. – огорошил его баб́у. – Оба у него сливаются воедино…

– Ты говоришь глупости, баб́у, – холодно заметил Гулаб-Синг. – Я не признаю себя достойным быть чьим бы то ни было гуру, тем менее богом. Прошу тебя не кощунствовать. Но вот мы и пришли. Сядем здесь на берегу, – добавил он, указывая на принесенные ковры и явно желая замять разговор[929].

Мы пришли на небольшую поляну у озера, шагов за двести-триста от бамбукового леса. Теперь звуки волшебного оркестра доносились до нас слабо и урывками. Мы сидели против ветра, и они долетали лишь как полный гармонии шепот, совершенно уже напоминая тихое пение Эоловой арфы и не имея в себе более ничего неприятного или резкого. Напротив, эти звуки придавали еще более поэтический колорит этой сцене.

Мы расселись на разостланных для нас коврах, и от усталости, так как я была на ногах с четырех часов утра, мною сильно овладевал сон. Мужчины продолжали разговаривать о суами и о «пудже», а я крепко задумалась и мало-помалу, как это всегда случается, разговор стал долетать до меня лишь урывками…

– Проснитесь!.. – расталкивал меня полковник. – Вот Такур говорит, что вам не следует засыпать под лунным светом…

Совсем я не засыпала, хотя, действительно, сон сильно одолевал меня, а просто задумалась. Но я даже и не отвечала, до такой степени лень овладевает человеком под подобным небом…

– Да ради Бога, проснитесь же! – надоедал мне полковник. – Вы только взгляните на эту луну… на картину вокруг нас. Видали ли вы что-либо великолепнее этой панорамы? Смотрите…

---

[*] Бакшиш (*перс.* bakhshīsh) – чаевые, пожертвование.

[927] Патна (*англ.* Patna).

[928] «Jādū – колдовство, заклинание, очарование» (*Shakespear J.* A Dictionary, Hindūstānī and English, and English and Hindūstānī. London, 1849. P. 754).

[929] В «Московских ведомостях» фрагмент текста «Но неужели же браманы в состоянии… явно желая замять разговор» отсутствует.

Вот взошла луна златая[930]…

завертелось у меня в голове. Воистину, то была «луна златая». В эту минуту она испускала целые потоки золотистого света, обливала каскадами волнующееся у наших ног озеро, осыпала на огромное пространство золотою пылью каждую травку, каждую былинку и камешек. Ее желто-серебристый шар быстро скользил вверх по темно-голубому, усеянному мириадами огромных, блестящих звезд небу, сияя над нашими головами. Сколько бы лунных ночей ни пришлось видеть в Индии, всякий раз найдутся новые и неожиданные эффекты… Подобных картин не описывают; их невозможно изобразить ни на полотне, ни словами; их можно только *чувствовать*. Но что̀ за невыразимое величие и красота! В Европе, даже на юге, обыкновенно полная и яркая луна гасит вокруг себя на большое пространство звезды, и наибольшие из них меркнут в ее сиянии. Здесь совершенно напротив: словно громадная жемчужина, осыпанная кругом бриллиантами, катится она по небесному, точно из синего бархата своду. При этом лунном сиянии можно не только читать мелко написанное письмо, но и свободно различать все тени окружающей зелени, что̀ в Европе немыслимо. Взгляните на деревья, на статные пальмы с их раскинутыми веером верхушками во время полной луны! С самой минуты восхода месяца его луч начинает ползти сверкающею серебряною чешуей по обращенной к нему стороне дерева от верхушки все ниже и ниже, пока не зальет всего растения морем света. Без всяких метафор вся поверхность листвы кажется всю ночь утопающею под переливающимися, дрожащими волнами серебра, в то время как испод листьев является чернее и мягче черного бархата. Но горе неосторожному новичку, горе заглядевшемуся на луну с непокрытою головой смертному! Опасно не только что уснуть, но даже и слишком долго зазеваться на целомудренную индийскую Диану[931]. Припадки падучей болезни, безумие, часто смерть – вот наказания, посылаемые ее коварными стрелами современному Актеону[932], осмелившемуся лицезреть жестокую дщерь Латоны[933] в ее полной красе. Оттого здесь ни днем, ни ночью, ни европейцы, ни туземцы не снимают на дворе своих *топи* и *пёггри*. Даже наш бабу́, прохлаждавшийся целые дни с непокрытою головой под солнцем, надевал ночью во время луны белую шапочку.

Огни, как нам предсказал Такур, зажигались один за другим на материке, и давно уже мелькали вдали черные силуэты поклонников. Их дикие священные песни и громкие возгласы: *«Хёрри, Хёрри, Маха-део»*[934], – доносились до нас с того берега громко и отчетливо. А тростники, под напором ветра раскачивая свои стройные стволы, отвечали им нежными музыкальными фразами… Становилось жутко на душе, чувствовалось какое-то странное опьянение при этой обстановке, и идолопоклонство в этих погрязших в вековом невежестве, но глубоко поэтических страстных натурах являлось менее отталкивающим, казалось понятнее. Индус – прирожденный мистик, а чарующая природа его страны соделала из него ярого пантеиста.

Где-то далеко в лесу заиграла *альгуджа*[935], род индийской свирели с семью отверстиями. При этих звуках мигом взбудоражилось и встрепенулось целое обезьянье семейство, спавшее в листве соседнего дерева. Две-три макашки тихо спустились на землю и стали оглядываться, как бы поджидая кого…

---

[930] Строка из стихотворения А.С.Пушкина «Ночной зефир…».

[931] Диана – в римской мифологии богиня растительного и животного мира, охоты, женственности и плодородия, родовспомогательница, олицетворение Луны, соответствует греческим Артемиде и Селене. Позднее Диану также стали отождествлять с Гекатой.

[932] Актео́н – персонаж древнегреческой мифологии. Согласно мифу, однажды Актеон во время охоты случайно подошел к месту, где Артемида купалась со своими нимфами в реке. Вместо того чтобы в священном страхе удалиться, он, зачарованный, стал наблюдать за игрой, не предназначенной для людских глаз. Заметив охотника, разгневанная богиня превратила его в оленя, который попытался убежать, но был настигнут и разорван 50 охотничьими собаками самого Актеона.

[933] Лето – персонаж древнегреческой мифологии, под именем Латона перешедший в мифологию Рима. Титанида, возлюбленная Зевса, родившая от него Артемиду и Аполлона.

[934] Хёрри – одно из имен Шивы[*], а «Маха-део» – великий бог. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Хариха́ра – одна из форм Бога в индуизме, воплощение Вишну (Хари) и Шивы (Хара) в одном лице.

[935] Альгоза (*англ.* Alghoza) – двойная флейта.

– Это у вас что̀ же за Орфей[936], чарующий и людей? – осведомились мы.

– Факир, вероятно: *альгуджа* обыкновенно призывает священных обезьян к пище. Некогда жившая на этом острове коммуна факиров теперь переселилась в старую пагоду, неподалеку отсюда в лесу. Там им более поживы от прохожих; оттого они и бросили остров…

– А может от того, что оглохли, – выразила невинное мнение проснувшаяся и подошедшая к нам, между тем, мисс Б***.

– Кстати об Орфее, – спросил Такур, – известно ли вам, что лира этого греческого героя-полубога была далеко не первою, которая обладала способностью очаровывать и людей, и зверей, и даже самые реки? Некий китайский «музыкальный артист» (как их зовут в Англии) *Куй*[937], живший за тысячу лет до предполагаемой учеными эры Орфея[938], выражается так: «Когда я играю на моем *кинге*, то все дикие звери сбегаются и, очарованные моею мелодией, строятся в ряды предо мною»[939]…

– Это вы где же читали?

– Мог бы вычитать даже в сочинениях ваших западных ориенталистов, так как это сведение находится и там. Но, собственно, я нашел это в древней санскритской рукописи (перевод с китайского) второго столетия до вашей эры; оригинал же находится в древнем сочинении, известном под именем «Хранитель пяти главных добродетелей» – род хроники или трактата о музыкальном развитии в Китае, написанный по приказанию императора Хоанг-ти[940] за несколько сот лет до вашей эры.

– Да разве китайцы когда что̀ понимали в музыке? – рассмеялся полковник. – Я слышал и в Калифорнии, и в других местах заезжих артистов из Небесной империи… Их музыкальная какофония способна с ума свести человека на месте…

– То же самое многие из вас, западных музыкантов, говорят и про нашу как древнеарийскую, так и современную музыку индусов. Но, во-первых, понятия о мелодии – вещь совершенно условная, а во-вторых, есть большая разница между знанием музыкальной техники и применением этого знания к развитию мелодий, доступных всякому, как образованному, так и необразованному, уху. В техническом отношении музыкальная пиеса может быть превосходна, а сама мелодия являться вполне непонятною и даже неприятною для непривыкшего к ней уха. Ваши самые известные оперы, например, кажутся нам, индусам, каким-то диким хаосом, каскадом неприятно резких, перепутанных звуков, в которых мы ровно ничего не смыслим, а только получаем, слушая их, головную боль. Я бывал не раз и в Лондонской, и в Парижской опере, слушал Россини[941] и Мейербера; я желал отдать себе отчет в моих впечатлениях и слушал с величайшим вниманием. Признаюсь, я предпочитаю наши простые туземные мелодии всем произведениям ваших лучших художников в Европе. Первые мне вполне доступны, а вторых я вовсе не понимаю, и они так же

---

[936] «Орфей (греч.). Буквально “смуглый”. Мифология делает его сыном Эагра и музы Каллиопы. Эзотерическая традиция отождествляет его с Арджуной, сыном Индры и учеником Кришны. Он странствовал по миру, уча народы мудрости и наукам и учреждая мистерии. Сама история о том, как он потерял свою Эвридику и нашел ее в подземном мире, или Аиде, есть еще один пункт сходства с историей Арджуны, который направляется в Паталу (Аид, или ад, но на самом деле страна противоположного полушария, или Америка), встречает там и женится на Улупи, дочери царя нагов. Это столь же многозначительно, как и тот факт, что его считали *смуглым* по цвету лица даже греки, у которых самих никогда не была слишком светлая кожа» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 299).

[937] Какая случайность! *Кюи* – имя известного петербургского музыканта[*]; только ни звери, ни люди не пляшут под его музыку. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Цезарь Антонович Кюи (1835–1918) – композитор и музыкальный критик.

[938] Куй – легендарный музыкант, который изобрел музыку и танцы при мифическом китайском императоре Шуне.

[939] См.: «Государь сказал: “Куй, назначаю тебя устроителем музыки”. <…> Куй сказал: “О, я в камень ударю, по камню я бью. И сотня зверей [под музыку] пускается в пляс!”» («Шу-дзин, или Свод летописей», перевод Н.Я.Бичурина).

Шу-цзин («Книга истории» или «Книга документов», также Шан-шу) – одна из китайских классических книг, входящая в состав конфуцианского «Пятикнижия». Она содержит документы по древнейшей истории Китая; редакция ее приписывается Конфуцию, который привел в порядок дошедшие до него документы, некоторые из которых считаются древнейшим пластом китайской истории и мифологии.

[940] Хуан-ди или Желтый император (Huang-ti, Hwang-ti) – легендарный правитель Китая и мифический персонаж, который считается также основателем даосизма и первопредком всех китайцев.

[941] Джоаккино Антонио Россини (1792–1868) – итальянский композитор.

мало меня трогают, как и наши национальные напевы вас. Но оставляя всякие «напевы» в стороне, скажу вам, что не только наши предки, но даже и предки китайцев, конечно, не уступают вам, европейцам, если не в инструментальной технике, то в музыкальной «технологии» и особенно в отвлеченных понятиях о музыке.

– Арийские народы древности, быть может, и не уступают нам, но допустить то же самое в туранской расе китайцев трудно, – спорил наш президент.

– Но музыка природы была везде первою ступенью к музыке искусства. Мы предпочитаем первую и поэтому держимся ее веками. Наша музыкальная система есть величайшее искусство, если – извините этот кажущийся парадокс – избегать всего искусственного, то есть она отвергает в своих мелодиях все звуки, не входящие в реестр *живых* голосов в природе. Китайцы именно этого-то и не делают. Китайская система, например, содержит в себе восемь главных звуков, служащих как бы камертоном для всех других, происходящих от главного звука тонов, которые и классифицированы под именами их родоначальников. Эти восемь звуков суть: *металл, камень, шелк, бамбук, тыква, глиняная посуда, кожа, дерево*. Поэтому у них являются: металлические, деревянные, глиняные, тыквенные, кожаные, каменные, бамбуковые и деревянные тоны. Таким образом, и мелодии у них не может быть никакой, а выходит один сумбур: их музыка состоит из перепутанных серий отдельных нот. Их императорский гимн, например, есть ряд одних длинных, бесконечно вытягиваемых звуков в унисон. Но у нас все своеобразно и самобытно; мы, индусы, обязаны нашею музыкой одной живой природе, а не неодушевленным предметам. Мы, в высшем значении этого слова, пантеисты; поэтому и музыка наша, так сказать, *пантеистическая*. Но вместе с тем она и в высшей степени научная. С самой колыбели человечества арийские народы, вышедшие первыми из младенчества, стали прислушиваться к голосам природы и нашли, что обе, мелодия и гармония, соединяются лишь в одной нашей великой матери. В ней нет ни фальшивых, ни искусственных нот, и вот человек, венец ее создания, пожелал подражать ее звукам. В совокупности все эти звуки (по единодушному показанию ваших же физиков) сливаются в *один тон*, который мы слышим, когда умеем прислушиваться, в неумолкаемом шелесте листвы больших лесов, в журчании вод, в реве океана и бури и даже в отдаленном гуле больших городов. Этот тон – средний F – основной тон во всей природе. В наших мелодиях он нам служит исходною точкой, которую мы воспроизводим с первой ноты и вокруг которой группируются все прочие. Заметив, что верхние, нижние и средние ноты имеют каждая своего типического представителя в животном царстве; что козел, павлин, бык, попугай, лягушка, тигр, слон и т.д. имеют, каждый из них, свою особенную ноту, наши предки стали прислушиваться и нашли, что всякая из этих нот соответствует одному из *семи главных тонов*. Так была открыта и основана *октава*. На подразделения же и размер их навели сложные звуки тех же животных.[942]

– О вашей древней музыке, – ответил полковник, – и о том, изобрели ли что̀ в музыке ваши предки или нет, я, конечно, ничего не знаю. Но, признаюсь, слушая пение ваших современных индусов, я никак бы не мог заподозрить их в знакомстве с какою бы то ни было музыкой.

– Это потому, что вы еще никогда не слыхали настоящего певца. Поезжайте в Пуну и посетите «Гайан-самадж»[943], и только тогда мы возобновим этот разговор. До тех пор напрасно спорить…

– Музыка древних арийцев, – внезапно вмешался баб́у за честь своей родины, – растение допотопное и почти исчезнувшее из Индии, но все же достойное полного внимания и изучения. Это вполне доказано теперь моим соотечественником, раджой Сурендронафом Тагором[944], который, по сознанию лучших музыкальных критиков Англии, твердо установил права древней

[942] В «Московских ведомостях» далее: Мангуст, например, кричит в полтакта, некоторые птицы выкрикивают в целый и даже двойной такт, козел выделывает трели, павлин кричит дискантом и т.д.

[943] По всей Индии устраиваются теперь музыкальные общества для возрождения национальной древней музыки. Одно из них Гайан-самадж (*Gaian-Samaj*) в Пуне. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[944] Раджа Сурендронаф Тагор – доктор музыки, кавалер великого множества почетных орденов, между прочим, от короля португальского и императора австрийского за свое сочинение «О музыке арийцев»[*]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Суриндо Мохун Тагор (Sourindramohan Tagore, 1840–1914) – индийский музыковед, основатель Бенгальского музыкального общества (1871) и Бенгальской академии музыки (1881), усовершенствовал индийскую систему нотации.

Индии «считаться матерью музыкальной науки». Каждая школа – итальянская, немецкая и древнеарийская – родилась в свой особенный период, развилась в своем исключительном климате и при совершенно различной обстановке. И как всякая из этих школ имеет свою особенность, а для своих последователей и прелесть, так и наша школа не представляет собою исключения. Только в то время как вы, европейцы, приучены к мелодиям Запада и хорошо знакомы с вашими школами, наша музыкальная система, как и многое что̀ другое в Индии, вам еще совершенно неизвестна. Поэтому осмеливаюсь заявить, что вы, полковник, и судить о ней не имеете права…

– Не горячись, бабу́. Всякий имеет право если не судить, то расспрашивать о незнакомом ему предмете, иначе он никогда и не узнает истины… Если бы, – продолжал Такур, – музыка индусов принадлежала (как говорит бабу́) к столь же мало отдаленной от нас эпохе, как и европейская, соединяя в себе притом, как последняя, все выработанные в разные эпохи и различными музыкальными системами достоинства, то, быть может, знатоки и поняли бы и лучше оценили бы ее. Но наша музыка принадлежит к доисторическим временам. За исключением разве древних египтян (которые, если судить по двадцатиструнной арфе, найденной Брюсом[945] в одной из фивских гробниц, были тоже посвящены в музыкальные таинства гармонии), мы, индусы, являемся единственным знакомым с музыкой народом в те еще времена, когда все другие нации на земном шаре боролись со стихиями за одно право своего существования. Мы обладаем сотнями санскритских рукописей о музыке, никогда еще не переведенных даже и на туземные языки. В глубокую древность этих трактатов (от 4000 до 8000 лет) мы, индусы, несмотря на все отрицательные доводы ваших ориенталистов, вполне верим и будем упорствовать в этой вере, ибо мы их читали и изучали, а европейские ученые их пока и в глаза не видали. Таких трактатов, написанных в разные и самые отдаленные эпохи, у нас много и все они согласуются в своих показаниях, доказывая нам яснее дня, что *в Индии музыка была уже известна и приведена в систему, когда современные цивилизованные нации жили еще на западе Европы как дикие племена*. Но все это не дает нам, однако, права требовать, чтобы вам, европейцам, нравилась наша музыка, к которой не приучены ваши уши и духа коей вы неспособны пока еще понять… Мы можем до некоторой степени объяснить вам ее технику, дать вам некоторое понятие о ней как о науке, но создать в вас то, что̀ арийцы называли *ракти*, или способностью человеческой души воспринимать и очаровываться совокуплениями различных звуков в природе[946] – альфа и омега нашей музыкальной системы, – никто не может, как не могут заставить и нас упиваться мелодиями Беллини[947].

– Но почему же? – горячился полковник. – И что это за тайная сила такая в вашей музыке, которую способны понять одни вы, азиаты? Если мы с вами разнимся в цвете кожи, то ведь зато наш органический механизм один и тот же. Другими словами, та физиологическая конструкция костей, крови, нервов, жил и мускулов, из которой состоит индус, имеет столько же частей,

---

[945] См.: «Говоря об арфах, обнаруженных в одной из гробниц Фив, Брюс* заявляет, что они опровергают все высказывания, делавшиеся до сих пор по поводу состояния древней музыки и музыкальных инструментов на Востоке, и что они своей формой, украшениями, диапазоном представляют неоспоримое доказательство, *более сильное, чем тысяча греческих цитат*, что геометрия, черчение, механика и музыка достигли величайшего совершенства в то время, когда они были созданы, и что период, который мы считаем временем возникновения этих искусств, был только *началом их нового возрождения***» (*Блаватская Е.П.* Разоблаченная Изида. Т. I, гл. XIV).

* См.: *Bruce J.* Travels to Discover the Source of the Nile, In the Years 1768, 1769, 1770, 1771, 1772 and 1773. Vol. I. Edinburgh, London, 1790. P. 132 (*Брюс Дж.* Путешествие к истокам Нила в 1768, 1769, 1770, 1771, 1772 и 1773 годах. Т. I. Эдинбург, Лондон, 1790. С. 132).

См.: *Wilkinson J.G.* Manners and Customs of the Ancient Egyptians. Vol. II. London, 1847. P. 230 (*Уилкинсон Дж. Г.* Нравы и обычаи древних египтян. Т. II. Лондон, 1847. С. 230).

Цит. по: About what the Old Egyptians Knew // Blackwood's Edinburgh Magazine, Vol. CVIII, 1870. P. 232–233 (О том, что знали древние египтяне // Blackwood's Edinburgh Magazine, 1870, т. CVIII. С. 232–233).

Джеймс Брюс (1730–1794) – шотландский путешественник и писатель, который более 10 лет провел в Северной Африке и Эфиопии, где обнаружил истоки Голубого Нила.

Джон Гарднер Уилкинсон (1797–1875) – британский египтолог.

[946] См.: *Sahasrabudhe B.T.* Hindu Music // The Theosophist, Vol. I, November, 1879. P. 47 (*Сахасрабудхе* Б.Т. Индуистская музыка // The Theosophist, 1879, т. I, ноябрь. С. 47).

Balwant Trimbak Sahasrabudhe.

[947] Винченцо Беллини (1801–1835) – итальянский композитор.

связанных одна с другою по совершенно такому же плану или модели, как и живой механизм, известный под именем американца, англичанина или всякого другого европейца. Оба, являясь на свет из одной и той же мастерской природы, имеют одно начало, как один и тот же конец; физиологически, говоря, мы дубликаты друг друга…

– Физиологически – да, и даже психологически, если бы только не вмешивалось между нами воспитание, которое, что̀ ни говори, выворачивает природу человека в ту или другую сторону, изменяя не только умственное, но и душевное направление его: в иных случаях совершенно погашая в нем божественную искру, в других – раздувая и даже превращая ее в неугасимый маяк, служащий путеводною звездою его умственных способностей на всю жизнь.

– Так. Но все же это едва ли может иметь такое сильное влияние на физиологию уха.

– Ошибаетесь опять. Если в физическом или, скорее, в физиологическом отношении рассматриваемый как человеческая машина индус ничем не разнится от европейца, то вследствие совершенно своеобразного воспитания, в умственном и психическом, особенно в психическом отношении, оба диаметрально отличаются один от другого, представляя как бы два различных вида в природе. Вспомните лишь, насколько цвет лица, сложение, способность к произрождению, жизненность и все наследственные качества чисто физических отправлений изменяются со временем вследствие климатических условий, пищи и обиходной обстановки человека (новейшая научная маска ваших материалистов, если не ошибаюсь, для удобнейшего игнорирования более отвлеченных тайн бытия), и вы получите ответ на ваш вопрос. Примените этот самый закон постепенного перерождения уже не к физическому, а чисто психическому элементу в человеке и вы узрите те же результаты. Изменяя воспитание души, вы изменяете ее способности. Там, где она прежде наслаждалась, усматривая нечто вполне недоступное иначе воспитанной душе, она уже не чувствует ничего, кроме скуки, и пред нею является один хаос… Вы, например, верите, – и верите лишь на основании доказанного вековым опытом, – что гимнастика, укрепляя мускулы, не только развивает тело человеческое, но и способна как бы переродить его; мы же, индусы, идем одною ступенью выше: мы верим вследствие тысячелетних опытов и объективных демонстраций, что существует гимнастика и для души, как для тела. Это наша тайна, тайна униженных, порабощенных одною животною силой индусов, и проникнуть в эту тайну мы не дозволим никому, кроме горсти избранных, но она может быть доказана вам в свое время… Что̀ постепенно одаряет глаз моряка зрением орла, акробата – ловкостью и силой обезьяны, бойца – железными мускулами? Упражнение и один навык, скажете вы. Так почему же не предположить такую же способность и в душе человека, как в его теле? Разве только потому, что современная наука или совсем отвергает душу, [или] не допускает и не признает в ней отдельной от тела личности?..

– Полно, Такур. Вы-то уж должны бы знать, что я верю как в душу, так и в ее бессмертие…

– Мы верим в бессмертие *духа*, а не души… Впрочем, это нейдет к делу. Итак, вы должны согласиться, что упражнением всякая дремлющая в душе человеческой способность может быть доведена до высшей точки своей силы и деятельности, равно как вследствие неупотребления и отвычки каждая такая способность может и заглохнуть, и даже окончательно исчезнуть. Природа так ревнива к своим дарам, что в нашей власти систематически развивать или убивать в наших потомках – и даже в продолжение весьма немногих поколений – какой угодно физический или умственный дар просто вследствие одного упражнения или полного пренебрежения…

– Но ведь этим вы все-таки не объясняете мне тайной прелести ваших национальных мелодий.

– К чему входить в подробности, когда вы сами должны видеть, что мое объяснение есть общий ключ к разрешению не только вашего вопроса, но и мириад других задач? Ухо индуса приучено веками схватывать один род комбинаций слуховых волн или атмосферических вибраций, а ухо европейца привыкло к другому роду; поэтому, где душа первого наслаждается, там душа последнего не чувствует ничего, а уши страдают. Я мог бы на этом и остановиться, так как объяснение кажется столь же просто, как оно и понятно, но желаю пробудить в вас нечто более чувства удовлетворенного любопытства. То, что̀ я вам сказал, разъясняет тайну лишь с ее физиологической стороны. Оно является столь же понятным, как и факт, что мы, индусы, безнаказанно едим, например, каждый день целыми горстями пряности, от одной крошки которых у вас могло бы сделаться чуть не воспаление в кишках. Наши слуховые нервы, в начале времен

тождественные в своих способностях с вашими, переродились вследствие векового упражнения и сделались столь же отличными от ваших, как и цвет нашей кожи и наши желудки. Прибавьте к этому, что глаз наших кашмирских ткачей, мужчин и женщин, отличается способностью различать ровно 300 тенями более, нежели глаз европейца, – это по показанию ваших ученейших физиков и лионских фабрикантов, – и всякий поймет, как легко разъяснение кажущейся проблемы. Навык, закон наследия, все что̀ угодно… Но вы, прибыв из Америки изучать индусов и их религию, никогда не поймете последней, если прежде не научитесь знать, как тесно, как почти неразрывно связаны все наши науки не с современным, конечно, ортодоксальным, невежественным браманизмом, а с философией нашей первобытной религии Вед.

– Но что̀ же, например, музыка имеет общего с Ведами?..

– Многое – почти все. Как то было у древних египтян и китайцев, так и у нас: все звуки в природе, а поэтому и музыка находилась в прямой связи с астрономией и математикой, то есть с планетами, знаками зодиака, с солнечным и лунным течением и с числами, а особенно с тем, в самом существовании чего ваши ученые еще не совсем уверены, с *акази́ей*[948], или эфиром пространства. Учение о «музыке сфер» родилось здесь, а не в Греции или Италии, куда его ввез Пифагор лишь по окончании своих занятий с гимнософистами Индии. И, конечно, лучше кого бы то ни было, и до и после него, знал этот великий философ – единственный из западных мудрецов, открывший до Коперника и Галилея гелиоцентрическую систему мира, – насколько малейший звук в природе зависит от *акази* и ее соотношений. Одна из четырех Вед, «Самма Веда»[949], вся состоит из пения. Это – собрание гимнов и *мантр,* петых во время жертвоприношений «богам», то есть стихийным силам. Понятно, что при знакомстве с естествознанием (а наши древние жрецы, если и не были знакомы с естественными науками по новейшим методам химии и физики, зато знали много такого, до чего современные ученые еще не добрались) жрецы подчас и заставляли стихийных «богов», или слепые силы природы, отвечать их молитвам различными знамениями. В этих *мантрах* каждый звук, малейший переход рассчитан и имеет свое значение, а имея причинность, должен иметь, конечно, и свое действие. «Учение о звуке, – говорит профессор Лесли[950], – есть, бесспорно, самое неуловимое, тонкое и сложное из всей серии физических наук»[951]. А если кто когда уловил в полном совершенстве это учение, то, конечно, это древние «риши», наши философы и святые, оставившие нам в наследство Веды…

– Я теперь начинаю лучше понимать, откуда взялось начало всех мифологических сказок греческой древности, – задумчиво проговорил полковник. – Басни о свирели бога Пана[952] и его «сиринксе»[953], семитростниковой дудке, о фавнах, сатирах и даже о лире самого Орфея… Я знаю, что древние греки имели мало понятия о гармонии и, конечно, не их ритмические декламации в драмах (вероятно, никогда не доходившие даже до высоты современного, самого простого речитатива), поддерживаемые слабою лирой да свирелью Пана, могли когда-либо внушить им мысль о всечарующей лире Орфея. Я сильно начинаю склоняться к мнению многих из наших

---

[948] Акаша (*санскр.* ākāśa).

«Акаша (санскр.). Тонкая, Сверхчувственная Духовная Сущность, наполняющая все пространство; Изначальная Субстанция, ошибочно отождествленная с Эфиром. Но она относится к Эфиру так же, как Дух к материи, или Атма к камарупе. Фактически, она является Всемирным Пространством, в котором неотъемлемо заключена Вечная Мыслеоснова Вселенной в ее вечно изменяющихся аспектах на планах материи и объективности и из которого излучается Первый Логос, или Выраженная Мысль. Это причина того, почему в Пуранах указано, что Акаша имеет лишь один характерный признак, а именно, Звук, ибо Звук есть не что иное, как переведенный символ Логоса – “Речи”, в ее мистическом смысле» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 31).

[949] Са́мавéда (*санскр.* sāmaveda, sāman – «ритуальное песнопение», veda – «знание») – третья в обычном порядке нумерации четырех Вед. По святости и значению для ритуала Самаведа, или Веда песнопений, идет сразу же после Ригведы. Ее самхита, или метрический текст, состоит преимущественно из гимнов, воспеваемых священниками удгатарами во время важных жертвоприношений, в которых в честь разных богов совершались возлияния сомы, очищенного и смешанного с молоком и другими ингредиентами.

[950] Джон Лесли (1766–1832) – английский физик.

[951] См.: *Leslie J.* Treatises on Various Subjects of Natural and Chemical Philosophy. Edinburgh, 1838. P. 79 (*Лесли Дж.* Трактаты по различным предметам естественной и химической философии. Эдинбург, 1838. С. 79).

Цит. по: *Sahasrabudhe B.T.* Hindu Music // The Theosophist, Vol. I, November, 1879. P. 47.

[952] Пан – древнегреческий бог пастушества и скотоводства, плодородия и дикой природы.

[953] Сиринкс (*др.-греч.* σῦριγξ) – дудка, свирель.

известных филологов и ученых. Подозреваю, что Орфей, – самое имя коего ὀρφός или ὀρφνός, то есть темнокожий, свидетельствует, что даже между смуглыми греками он считался еще смуглее их самих, – выходец из Индии. Таково было мнение Ламприера[954] и нескольких других…

– Ваше подозрение, быть может, перейдет и в действительность когда-нибудь. Нет никакого сомнения, что самый высокий и чистый из музыкальных стилей древности принадлежит Индии. У нас все наши легенды приписывают магическое влияние музыке как дару и науке, прямо ниспосланными на землю богами. И хотя мы вообще приписываем все искусства небесному откровению, но музыка стоит во главе всех прочих. Изобретение *вины*, инструмента вроде вашей гитары, принадлежит Нараде, сыну Брамы[955]. Вы будете очень смеяться, если я вам скажу, например, что наши древние *удгатри* (певчие жрецы)[956], обязанностью коих было служить при *ядаии* (жертвоприношении)[957], знали кое-что из неведомых тайн естества в таком совершенстве, что посредством известных им комбинаций производили – без всякого фокуса, заметьте – явления, которые во времена невежества принимались за проявление сверхъестественной силы. Явления, производимые «удгатри» и «радж-йогами», для посвященных *вполне естественны*, сколько бы они ни казались чудесными непосвященным.

– Но разве вы… совсем, так-таки совсем, не верите в наших духов? – приставала к нему мисс Б***. Она сильно побаивалась Такура.

– Если позволите, *совсем* не верю.

– А… в медиумов?..

– Еще менее, уважаемая леди. Но в медиумизм, – для которого у нас существует испокон века другое название – *бхута-дак*, в буквальном переводе «постоялый двор для чертей»[958], – верю, как и во всякую другую психическую болезнь. О настоящих медиумах сожалею: стараюсь им помочь, когда могу, а шарлатанов глубоко презираю, редко пропуская случай изобличать таких…

Предо мною промелькнула сцена в притоне ведьмы у «мертвого города», катящийся с горы пойманный браман-оракул и бегство старухи. Теперь для меня стало ясно то, чего я прежде не понимала: Нараян действовал по приказанию Такура…

– Наши *анга-тиене*, – продолжал последний, – или «одержимые» этою неведомою для непосвященного «силой», в которой спириты видят духов, суеверные видят черта, скептики – фокус и обман, а настоящие ученые – не открытую еще наукой силу природы, всегда почти слабые женщины или дети. Вы стараетесь еще более развивать в таких их страшную душевную болезнь, мы же ищем [возможность] спасти их от этой «силы», о которой вы ничего не знаете и о которой поэтому не сто́ит теперь рассуждать… Мы, сыны Индии, десять веков находимся в неволе у разных и часто не сто́ящих нас народов… Но покорившие нас нации покорили только наши тела, не нас самих[959]. С нашими душами им никогда не справиться! *Маяви-рупа*[960] настоящего ария –

---

[954] См., например: *Lempriere J.* Orpheus // Bibliotheca Classica: Or, A Classical Dictionary; Containing a Copious Account of the Proper Names Mentioned in Ancient Authors. London, 1832. P. 771 (Орфей // *Лемприер Дж.* Классическая библиотека: или классический словарь, содержащий полный отчет обо всех собственных именах, упомянутых у древних авторов. Лондон, 1832. С. 771).

Джон Лемприер (1765–1824) – английский филолог-классик, лексикограф, богослов, педагог.

[955] На́рада в индуизме – полубожественный мудрец, которому приписывают несколько гимнов «Ригведы» и который играет большую роль в некоторых пуранических писаниях, в особенности в «Бхагавата-пуране». Нараду причисляют к семи великим мудрецам (саптариши). Он известен тем, что предрек грядущее рождение Кришны и первым научил людей знаниям в математике, астрономии и земледелии.

[956] Удгатар был певцом гимнов, основываясь на мелодиях (саман) взятых из «Самаведы». Он играл особенную роль в жертвоприношениях сомы.

[957] Я́джна (я́джня, я́гья; *санскр.* yajña – «жертва», «жертвоприношение») – ключевое понятие в ведийском мировоззрении, характеризующее ритуальное действие в форме жертвоприношения. Огненное жертвоприношение осуществлялось для удовлетворения богов, исполнения желаний, искупления грехов и во избежание болезней и зла. На жертвенном огне богу Агни предлагались различные жертвы, которые, как считалось, затем уходили к богам.

[958] Слово «дак» – трактир, постоялый двор, а «бхута» – злая душа умершего человека, которой вследствие ее грехов преграждена дорога в *мокшу* – небесную обитель и которая присуждена скитаться на земле. В философии индусов нет «чертей» или падших ангелов. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[959] *Ведантины*, или последователи философской системы *Санкарачарии*, говоря о себе, редко употребляют слово «я», а говорят, например: «это тело пошло», «эта рука взяла» и т.д. во всем касающемся физических или автоматических действий человека. «Я», «он» употребляется ими лишь касательно умственных отправлений. «Я думал», «я желаю идти» и пр. Тело в их глазах – одна шелуха, наружная оболочка внутреннего, невидимого человека,

свободна, как сам Брама; скажу более: для нас, в нашей религии и философии, он – наш дух – и есть сам Брама, выше которого стоит один неведомый, вездесущий и всемогущий дух Парабрамы. Нашей «маяви-рупы» не покорить ни англичанам, ни даже вашим «духам». Ей никогда не быть рабой… А теперь пойдемте спать.

который и есть настоящее «я». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[960] «Маяви-рупа»* буквально – тело иллюзии, или *майи*, настоящее *ego*; «кама-рупа» – тело желания, или *воли*, произвольно созданное нашим сильным желанием (обладающим творческою силой, по понятиям индусов), двойник наш, который и является там, куда желание посылает его. При жизни таких внутренних тел у человека-де столько же, сколько в луковице кожиц – каждое нежнее и тоньше и каждое носит свое особенное название, как обладающее полною независимостью от тела. После-де смерти, когда земной жизненный принцип умирает вместе с телом, все эти внутренние тела соединяются в единое тело и, смотря по заслугам, либо поставлены на столбовую дорогу к *мокше*, на которой до окончательного освобождения от оков материи бесчисленное множество «станций», и тогда такая душа зовется *девой* (божественною); или же она делается *бхутой* – злою душой и мучится на земле между скитанием в невидимом мире и трансмигрицией в разных нечистых животных. В первом случае *дева* не станет сообщаться с живыми. Единственная нить, связывающая ее с землей, – загробная привязанность к тем, кого она любила и над кем она простирает свое влияние и покровительство и после смерти. *Любовь* переживает все другие земные чувства, и *дева* может являться любимым людям во сне или иллюзией (*майей*) на секунду и не иначе, так как тело *девы* начинает постепенно, с минуты освобождения из земных оков, изменяться: с каждым переходом из одной сферы в другую она теряет кое-что из своей объективности, делаясь все неуловимее. Она-де родится, живет и умирает в каждой новой сфере, или *локе*, которая становится все субъективнее и чище, а в переходных состояниях она «дремлет в аказе» – в эфире. Наконец, освободясь от последнего земного помышления и греха, она становится *ничем* в вещественном смысле. Она потухает, как пламя, и, слившись в одно с Парабрамой, живет в вечности жизнию духа, о которой ни наши материальные концепции, ни язык не в состоянии создать себе представления. Но «вечность» Парабрамы не есть «вечность» души. Последняя, по выражению *Веданты*, есть вечность в *вечности*. Насколько ни была бы жизнь души святою, но так как она имела свое начало и свой конец, то и заслуги, как и грехи ее, не могут награждаться или наказываться «вечностью Парабрамы». Это было бы противно справедливости, «несоразмерно» – говорит философия Веданты. «Один дух живет в вечности, не имеет ни начала, ни конца, ни окраин, ни границ, ни центральной точки». Дева живет в Парабраме, как капля воды в океане, до будущего возрождения мира из *пралайи* (периодически наступающий хаос, разрушение или, скорее, исчезновение всех миров из области объективности). С новым великим циклом – Маха-июгом – она отделяется от «вечного», притягиваемая жизнию в объективных мирах, как капля воды притягивается солнцем, и конкретируется** по обратной дороге на землю, из сферы в сферу, пока снова не опустится в грязь нашей планеты и, пройдя малый цикл, снова не начнет подыматься на противоположной стороне круга. Так она вращается в *вечности* Парабрамы, переходя от одной концепциональной меньшей вечности в другую. Каждая из этих «человеческих», то есть доступных уму, вечностей состоит-де из 4320000000 лет объективной и стольких же субъективной жизни в Парабраме (где индивидуальность души, по учению Веданты, вовсе не исчезает, как то полагают некоторые европейские ученые), то есть всего 8640000000 лет. Эта цифра достаточна, по их понятиям, как для искупления самых ужасных грехов, так и для пожинания плодов добрых дел такого скоропреходящего периода, как жизнь человеческая. Одни души *бхутов*, когда в них угасает последняя искра раскаяния и желания загладить грехи, *испаряются* под конец. Тогда их божественный, неумирающий дух, отделясь от души навсегда, возвращается к своему первобытному источнику, душа рассеивается на свои примордиальные*** атомы и *ego* погружается во мрак вечного бессознания. Ее личность пропадает. Такова философия Веданты касательно духовного человека. Поэтому индусы и не верят в возврат духов на землю, кроме случаев *бхутов*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* «Майявирупа (санскр.). “Иллюзорная форма”; “двойник” в эзотерической философии…» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 244).

** Конкретироваться (*фр.* concréter) – делаться густым, плотным.

*** изначальные (*англ.* primordial).

XXII

Оставив Мальву и «независимую» (?) территорию Холькара в стороне, мы вскоре опять очутились в чисто британских владениях на железной дороге к Джабельпуру и Аллахабаду. В первом городе мы останавливались всего на несколько часов взглянуть на знаменитые «мраморные скалы». Не желая потерять целый день, мы отправились на лодке, выехав в два часа ночи, избегнув таким образом жары и совершив великолепную прогулку на реке за десять миль от города.

Джабельпур (на территории Саугóра и Нербудды, в 222 милях от Аллахабада) – город, находившийся когда-то на махратской, а теперь на британской земле, отнят англичанами у махратов в 1817 году. Как и всегда, они получили его скорее хитростью, нежели силою. Хотя они и хвастают в своей «Истории Индии», будто в день 19 декабря 1817 года генерал Гардеман[961] во главе только 1000 человек англичан разбил наголову 10000 войска махратов – армию раджи Нагпурского[962], убив у них *семь тысяч человек*, отняв девять пушек и захватив весь лагерь, тогда как у англичан оказалось убитых *всего два человека* и *десять раненых*[963], но предание рассказывает дело иначе. Под предлогом переговоров вожди махратов были приглашены англичанами на пир; офицеры подпоили их каким-то зельем, в то время как солдаты совершали ту же операцию над рядовыми неприятеля. Таким образом, они успели их перебить полусонных и завладели городом. Эта история, за правдивость коей не поручусь, так как она является уже слишком неправдоподобною и мерзкою, была нам передана полукастником-португальцем (Eurasian), отец коего, по его словам, был очевидцем оной. Она была им рассказана не в виде охулки на англичан, но с некоторою даже гордостью, как бы в виде хвалебного гимна своим *компатриотам*-«европейцам»[964], которые, как я уже не раз упоминала, презирают полукастников еще сильнее, нежели индусов, а последние возвращают им презрение с жидовскими процентами.

Окрестности Джабельпура прелестны и представляют величайший интерес для любителей естествознания. Пред геологом и минералогом здесь является обильнейшее поле для ученых изысканий в необыкновенном разнообразии формаций гор, доставляющих всевозможные роды гранита, а длинный ряд скалистых гор способен удовлетворить сотню Кювье, задав им работы на целую жизнь. Известняковые пещеры Джабельпура – настоящий костник допотопной Индии: они переполнены остовами чудовищных, ныне вымерших зверей.

Но далеко в стороне от прочих хребтов и совершенно особняком стоят «мраморные скалы» – игра природы, каких в Индии немало. На довольно плоском, поросшем густым кустарником берегу Нербудды[965] ни с того ни с сего, как бородавка на гладкой щеке матери-природы, вдруг вырастает странной формы длинный ряд белоснежных скал. Но какие это скалы!.. Белые и чистые, словно отшлифованные в капризную форму свою рукой человеческою, они прихотливо громоздятся одна на другой, скорее походя на колоссальное пресс-папье с этажерки Титана, нежели на скалы. Уже с полдороги при извилистых поворотах реки они стали минутами появляться нам, то выглядывая, то снова скрываясь, дрожа в предрассветном тумане как далекий обманчивый мираж на небосклоне пустыни, пока, наконец, совсем не скрылись. Но вот пред самым восходом солнца они снова и совершенно неожиданно явились нашим очарованным глазам, явились вдвойне, на берегу и в реке. Подобно заколдованному зáмку, вызванному по мановению волшебного жезла кудесника, они вдруг выросли словно из-под земли на зеленом берегу Нербудды, отражаясь, как в зеркале, во всей своей девственной красе на спокойной поверхности ленивых, сонных вод рукава реки, вея на нас и тенью, и прохладой… А как дорого

---

[961] Brigadier General Frederick Hardyman.

[962] Мадходжи II Бхонсле – король Нагпура (1816–1818).

[963] См. *Историю территорий, приобретенных Ост-Индскою компанией* Ed. Thornton. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: Jubbulpoor // *Thornton E.* A Gazetteer of the Territories Under the Government of the East-India Company, and of the Native States on the Continent of India. London, 1862. P. 462.

[964] соотечественникам (*фр.* compatriote).

[965] Нармада.

каждое мгновение предрассветной прохлады в Индии – знают лишь те, кто побывал да пожил в этой огненной стране.

Увы! Как ни рано отправились мы в путь, но по приезде к скалам нам недолго пришлось наслаждаться их прохладой. Едва успели мы причалить к волшебному берегу, предполагая среди этой поэтической обстановки прозаически напиться чаю, как взошло солнце и разом стало словно стрелять своими огненными лучами и по лодке, и по нашим злополучным головам; преследуя нас из угла в угол, оно, наконец, выгнало нас даже из-под нависшей над водой скалы. Из снежно-белых мраморные красавицы превратились в золотисто-пурпуровых, осыпая реку огненными брызгами, раскаляя прибрежный песок и ослепляя нам глаза… Недаром предание указывает, а народ видит в них не то жилище, не то превращение самой *Кали*, самой жестокой из богинь индийского пантеона. В течение уже многих *июгов* злобная супруга Шивы ведет ожесточенную войну со своим благоверным, который под видом «Трикутишвары» (трехголового линги) предъявляет незаконные права на скалы и реку, патронессой коих состоит его богиня Кали.

Потому-то, вероятно, каждый раз, как дерзновенная рука ни в чем неповинных, работающих в правительственных каменоломнях кули (индийцев) отсечет кусок белого бедра богини, тотчас раздаются откуда-то словно подземные крики. И вот злополучный каменщик дрожит и колеблется между боязнью надсмотрщика и ожиданием мести кровожадного божества. Кали – патронесса не только скал, но и экс-*тёгов*[966] – удавителей, которые еще недавно наводили ужас на всех одиноких путников. Много бескровных жертв принесли эти *тёги* на мраморном алтаре Кали; страна изобилует леденящими кровь рассказами об их страшных подвигах, совершенных будто бы в честь богини. Эти рассказы, еще слишком свежие в памяти людской, чтобы перейти в разукрашенные легенды, совершенно правдивы, тем более что они вполне подтверждаются официальными документами судебных и следственных комиссий.

Если Англия когда-нибудь оставит этот край (а она сделает это не прежде, чем кость будет совершенно обглодана), то между немногими оказанными ею стране услугами на первом плане должно будет поставить полное искоренение *тёгизма*. Под этим названием, как все еще, вероятно, помнят, практиковался в продолжение более 200 лет самый хитрый и ужасный род человекоубийства в Индии. Как дознались, наконец, в сороковых годах, то было разбойничество ради грабежа. Извращенные понятия о значении Кали являлись лишь ловким предлогом: в этом случае богиня служила злодеям одною ширмой. Иначе, каким же образом объяснить присутствие стольких мусульман в среде ее поклонников-индусов? Большинством между «рыцарями *румаля*» или священного платка, коим удавливали жертв, явились в день расправы магометане; самыми знаменитыми между их вождями были не индийцы, а сыны Пророка, как, например, Ахмед, – так что в числе последних тридцати семи переловленных полицией *тёгов* находились *двадцать два* мусульманина. Понятно, что религия последних, не имея ничего общего с богами Индии, не играла в этом случае никакой роли: побудительною причиной был попросту грабеж. Правда, окончательный обряд посвящения в *тёгизм*[967] был совершаем в лесах пред ужасным, покрытым четками из человеческих черепов идолом Бавани[968]. До того времени *тёг* проходил курс учения, состоявший в преподавании особенно трудного приема набрасывать на шею неведущей своей судьбы и заранее отмеченной жертвы румаль и душить человека так, чтоб он умер мгновенно, не испустив и малейшего стона. В этом обряде посвящения роль, которую приписывали богине, обозначалась известными символами, вроде тех, которые во всеобщем употреблении у

[966] Тхаги (тхуги, туги, пхасингары, душители, от *англ.* Thuggee, в свою очередь, от *хинди* thag, вор или разбойник) или фансигары – средневековые индийские бандиты и разбойники, посвятившие себя служению Кали как богине смерти и разрушения. Тхаги пользовались особыми опознавательными знаками и жаргоном. Однако современные исследователи все более скептически относятся к существованию тхагов как концептуального бандитизма и ставят под сомнение существование такого явления. Ряд современных историков описывают тхагов как изобретение британского колониального режима, проистекающее из логики экзотизации.

[967] Слово «тёг» (thug) означает просто вора или разбойника[*]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] См.: «Thag – грабитель, убийца, головорез» (*Shakespear J.* A Dictionary, Hindūstānī and English, and English and Hindūstānī. London, 1849. P. 740).

См.: *Sherwood R.* Of the Murderers Called Phansigars // Asiatick Researches, Vol. XIII, 1820. P. 251–282 (*Шервуд Р.* Об убийцах, называемых фансигарами // Asiatick Researches, 1820, т. XIII. С. 251–282).

[968] Другое имя той же богини: тёги звали ее *Бавани*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

франкмасонов: как, например, обнаженный кинжал, череп и даже воскрешаемый «гроссмейстером» ложи труп убитого Гирама Абифа[969], «сына вдовы»[970]. Кали служила не более как сценическою обстановкой для других целей. *Тёгизм* был тем же франкмасонством с особенными знаками взаимного распознавания, паролем и своим, непонятным непосвященному жаргоном – только с преступною целью; между тем франкмасонство в наш век есть совершенно безвредное (кроме разве для карманов самих масонов) времяпрепровождение. Как масонские «ложи» принимают безразлично атеистов и христиан, так и тёги принимали воров и разбойников всех наций, и даже, говорят, будто между ними бывали англичане и португальцы.

Бедный поэтический Шива, несчастная Бавани! Какую гнусную роль изобрело для них народное невежество, олицетворив эти глубоко философские, полные поэзии и познания природы типы! Шива в своем первобытном значении – в одно и то же время всесокрушающая и всевозмещающая сила природы. Триада индусов – аллегорическое представление главных стихий: огня, земли и воды. Все трое: Брама, Вишну и Шива, в своих различных фазисах, попеременно изображают эти стихии, но Шива – бог огня гораздо более, чем Вишну: он сожигает и вместе с тем очищает, возрождая, как феникс из пепла, новые, полные свежей жизни формы. Шива-*Сункарен* – разрушитель и Шива-*Ракшака* – возродитель. Он представляется с пламенем на левой ладони и с жезлом умерщвления и вместе воскрешения (*Сулайютхам*) в правой руке. Его поклонники носят на лбу, между бровями, его знак: три параллельные, горизонтально проведенные линии, и рисуют его распущенною[971] в воде *золой* (остатки перегоревших в огне веществ), называемою у них *вибутхи*[972] (очищенное вещество). Цвет кожи Шивы желто-розовый, переходящий в пламенно-красный, а его шея, голова и руки обвиты змеями – эмблемами вечности и постоянного возрождения. «Как змея вылезает из старой кожи и является в новой, так и человек, умирая, появляется в другом, более чистом теле», – говорят *Пураны*… В свою очередь, жена Кали – аллегорическое представление земли Шивы, оплодотворяемой пламенем солнца… Если поклонники ее позволили убедить себя в том, что она должна любить человеческие жертвы, то это только потому, что земля любит-де органический тлен, удобряющий ее и помогающий ей возрождать из старого, отжившего пепла новые и свежие силы. Шиваиты, сожигая своих покойников, ставят у головы костра Шиву, но, собрав пепел и рассыпая оный по воде и земле, они призывают увенчанную черепами Кали, дабы богиня приняла в недра свои очищенный священным огнем пепел и развила в нем новые зародыши жизни. Но какой истины не исказит под конец грубое суеверие невежества! И вот таким-то образом извращенная эмблема попала в руки разбойников-тёгов. Но, по их понятиям, богиня, требуя человеческих жертв, в то же время ненавидит кровь: они решили убивать – не пачкая рук.

Мы посетили одного древнего старика, бывшего тёга. Отбыв свой срок на Андаманской каторге[973], он вследствие искренних сознаний и каких-то услуг правительству был прощен. Вернувшись в родную деревню, он теперь безмятежно кончает дни занимаясь веревочным мастерством – профессия, выбранная им, вероятно, в силу приятных воспоминаний об удальстве юности. Он посвятил нас в искусство «тёгизма» сперва в теории, а затем любезно предложил, если мы купим ему барана, показать нам свою ловкость и на практике. Он желал доказать нам, говорил он, как легко, менее чем в три секунды, отправит на тот свет живое существо: вся тайна искусства заключается в ловкой и быстрой игре суставами пальцев правой руки. Чуть, бывало, раздастся условный и роковой крик совы (птица, посвященная Бавани-Кали), будь там хоть двадцать ловко

---

[969] Хирам Абифф (*англ.* Hiram Abiff, Hiram Abif) – персонаж, который занимает видное место в аллегориях ритуала третьей степени масонства. Хирам представлен как главный архитектор Храма царя Соломона, который был убит тремя нечестивцами во время неудачной попытки заставить его раскрыть тайный пароль мастера масона. Этот сюжет объясняется в наставлениях, которые следуют в ходе проведения масонских ритуалов. Сама история является уроком верности своему слову и краткости жизни.

[970] Дети Вдовы – масоны, иносказательное самоназвание Братства вольных каменщиков, происходящее от слов из Третьей Книги Царств (7, 14): «И послал царь Соломон и взял из Тира Хирама, сына одной вдовы, из колена Неффалимова», относящихся к Мастеру Хираму, строителю первого Иерусалимского храма.

[971] растворенною.

[972] Вибхути (*санскр.* vibhūti) – священный пепел в индуизме.

[973] Андаманские острова – архипелаг в Индийском океане между Индией и Мьянмой (Бирмой), на котором англичане после подавления восстания сипаев в 1857 г. основали каторгу.

заманенных в западню путников – за каждым из них стоял уже тёг. Одна секунда и *румаль* уже на шее жертвы, а привычные железные пальцы тёга крепко держат оба конца «священного платка»; еще мгновение – суставы пальцев, сдавливая шейную кость, совершали известный артистический поворот – и жертва падала бездыханною! Ни стона, ни крика… Тёги поражали с быстротой молнии. Задушенного тотчас же уносили в заранее приготовленную в лесу, часто под руслом ручьев или временно высыхающих рек, глубокую яму и зарывали ее. След так и простывал. А тридцать лет тому назад, когда еще не было ни настоящих железных дорог, ни системы управления нынешней, кто знал или беспокоился об исчезновении отправившегося в путь мусульманина либо индуса, кроме разве самых близких к нему людей? К тому же страна наполнена тиграми, как видно предназначенными судьбой отвечать за свои и за чужие грехи. Кто бы ни исчез, бывало, все один ответ: «Тигры съели!..»

То была удивительно искусно организованная система! Ловкие сообщники, браманы, рыскали по всей Индии, заезжая преимущественно в большие города, расспрашивая и разузнавая на базарах – этих общественных клубах азиатских народов – когда и куда кто отправляется в путь; стращали путников тёгами и советовали ехать с такой или другой партией – переодетых тёгов, конечно. Успев заманить несчастных, они предупреждали разбойников и получали за это комиссию, смотря по заработку. Долго эти неуловимые, невидимые шайки, рассеянные по всей стране и работающие партиями от 10 до 60 человек, гуляли на воле, но, наконец, попались. Следствие открыло ужасные, отвратительные тайны: к этим шайкам принадлежали богатые банкиры, браманы-жрецы, мелкопоместные раджи и даже несколько английских на государственной службе чиновников[974]. За эту услугу Ост-Индская компания воистину заслуживает народной благодарности в Индии.

Барана мы старому разбойнику не купили, а денег ему дали. Из благодарности он предложил было полковнику показать на собственной его американской шее все прелиминарные[975] ощущения *румаля*, обещая, конечно, избавить его от последней знаменитой «подвертки». Но наш президент великодушно отказался…

На обратном пути мы остановились возле «Муддун-Махала»[976] – другого беспричинного курьеза: это дом, построенный неизвестно кем и для чего на огромном округленном валуне. Этот камень (должно быть, сродни *кромлехам* кельтийских друидов) при малейшем к нему прикосновении *качается во все стороны* вместе с домом и теми, кто в него полюбопытствует залезть. Мы, конечно, полюбопытствовали и, только благодаря бдительности ходивших за нами как нежные няньки Нараяна, бабу́ да Такура, сохранили в целости наши носы…

Удивительный народ эти туземцы! Не думаю, чтобы нашлась в природе такая штука, на которой бы они не могли усидеть с величайшим комфортом, только предварительно и слегка побалансировав. Вспрыгнет индус на колышек, на железную перекладину немногим толще телеграфной проволоки, подогнет под нее все десять пальцев, цепких и длинных, как у обезьян, ног, присядет на корточки, да и сидит себе по целым часам…

– Салам, сааб! – говорю я раз сидевшему, наподобие вороны, на какой-то жердочке у взморья почтенному нагому старичку. – Что̀ покойно тебе сидеть, дяденька?.. И не боишься свалиться?..

– Зачем валиться?.. – серьезно отвечал «дяденька», сплюнув в сторону кровавый фонтан разжеванного бетеля. – Ведь я не дышу, мэм-сааб…

– Как не дышишь? Да разве может человек не дышать? – вопрошала я, немного ошеломленная таким сведением.

– Нет… не дышу теперь. А вот минут через пять как стану снова набирать воздух в легкие, так тогда и попридержусь рукой за столб… А затем я снова стану сидеть спокойно и не дыша…

На этом необычайном физиологическом заявлении мы с ним тогда и расстались. Ничего не добились мы более от почтенного старины, а только ушли с внутренним убеждением, что он мог

---

[974] См., например: *Thornton E.* Illustrations of the History and Practices of the Thugs. London, 1837 (*Торнтон Э.* Пояснение к истории и обычаям тхагов. Лондон, 1837).

[975] подготовительные (*англ.* preliminary).

[976] Madan Mahal.

бы зарабатывать большие деньги на любом театре Европы как акробат. Но этот случай разом перепутал все наши «научные» соображения.

Мы недавно слышали, что *йоги* и другие практиканты *гупта-видьи* (тайной священной науки) в Индии славятся тем, что открыли секрет не дышать от 21 до 43 минут сряду и – все-таки не умирать! Некоторые из них годами ежедневной, постоянной практики приобретают, так сказать, свойство *гибернизации*[977]: впадают, как некоторые животные, в спячку и, оставаясь в таком положении без дыхания и даже малейших признаков жизни, позволяют зарывать себя в землю на несколько недель, даже месяцев, а затем – оживают!.. Мы, наконец, сами увидали подобную штуку; но в дни курьезного ответа, полученного мною от старика, мы были знакомы с этим явлением только по книгам и рассказам очевидцев-путешественников да некоторых из наших туземных знакомых. Правда, по показанию одного английского хирурга Котопа (Coathupe)[978], – долго не верившего этой способности прекращать на время дыхание, но, наконец, сдавшегося, как он выражается, «пред фактом», – один такой, лично ему известный *йог* мог оставаться без дыхания от семи до двенадцати минут. А ведь физиология положительно учит, что даже у здоровых арабских и сингалезских водолазов удушение наступает не позднее как через полторы, много две минуты полного пребывания тела под водой. Затем хотя некоторые из нас верили в существование природных, но затаенных в человеке сил, вызываемых только вследствие особенного «режима», о которых наука, имевшая доселе чрезвычайно поверхностное знакомство с *йогами* и индийскими «заклинателями», знать еще не могла; другие, как мисс Б***, верили в спиритизм; а третьи, как У***, не верили ни во что̀, – но все мы, как верующие, так и неверующие, протестовали против такого странного заявления. «Неужели же нам верить в подобные глупости?» – рассуждали мы. До сих пор мы наивно воображали, что только один осетр с К° догадался, с целью удобнейшего выплывания на поверхность воды, делаться относительно легче, наглатываясь сколь возможно более воздуха и наполняя им не только брюхо, но вдобавок и плавательный пузырь[979]. Осетру это возможно, но человеку!.. Да если, положим, и для человека существует в исключительных случаях такая возможность делать воздушные запасы, то все же это редко и трудно приобретаемый дар: употреблять же его для сидения на жердях по-птичьи – просто ни с чем несообразная глупость!.. Мы решили, что старец прихвастнул, вероятно, чтобы посмеяться над «белыми саабами». Но необходимый процесс для такого оригинального сидения, как мы узнали позднее, он описал верно.

В те дни, однако, мы даже немного обижались подобными объяснениями, принимая их за насмешку. Но вот опять, и на этот раз в Джабельпуре, нам пришлось увидать явление еще «почище». Проходя по берегу реки вдоль так называемой «факирской аллеи», Такур нам предложил завернуть во двор пагоды. Это место священно и европейцев туда не пускают, как и мусульман. Но Гулаб-Синг поговорил с главным браманом и мы вошли. Двор был полон поклонников и аскетов, и между прочими мы заметили трех совершенно голых и весьма древних факиров. Черные, сморщенные, худые как скелеты, с седыми как лунь шиньонами на головах, они сидели или, скорее, стояли в самых, как нам показалось, *невозможных* позах. Один из них, опираясь *буквально одною правою ладонью в землю*, стоял, перпендикулярно вытянувшись, головой вниз и ногами вверх: тело его было так же неподвижно, как если бы вместо живого человека он был сухим древесным сучком. Голова не касалась земли, но, приподымаясь немного вверх в самом ненормальном положении, закатывая глаза, таращила их прямо на солнце. Не знаю, правду ли или нет говорили словоохотливые, подошедшие к нашей компании городские обыватели, уверявшие, будто этот аскет проводит в подобной позе все дни жизни своей от полудня до солнечного заката. Но знаю одно: мы провели с факирами ровно *час и двадцать минут* и во все это время факир не пошевельнул ни одним мускулом!..

---

[977] Гибернация (*англ.* hibernation) – зимняя спячка.

[978] См.: *Coathupe C.T.* An Essay on the Comparative Effects of Human Respiration. Bristol, 1838 (*Коатьюп Ч.Т.* Очерк об относительном влиянии человеческого дыхания. Бристоль, 1838).

Цит. по: *Paul N.C. A* Treatise on the Yoga Philosophy. Benares, 1851. P. 13 (*Пол Н.Ч.* Трактат о философии йоги. Бенарес, 1851. С. 13).

[979] См.: *Paul N.C. A* Treatise on the Yoga Philosophy. Benares, 1851. P. 61.

Другой стоял на одной ноге на круглом, вершка в три[980] в диаметре камешке, называемом ими «священным камнем Шивы», поджав другую ногу под животом и выгнув все тело назад дугой; он тоже таращил глаза на полуденное солнце. Обе руки были сложены ладонями вместе и воздевались, как бы в молитве… Он казался приклеенным к своему камешку. Почти невозможно было вообразить себе, каким способом человек мог дойти до такой эквилибристики…

Наконец, третий сидел, поджав под себя ноги, но как он *мог* сидеть – было столь же непонятно. Седалищем ему служил каменный *лингам* вышиной с уличную тумбу, но толщиной не более окружности камешка Шивы, то есть вершка в три, много четыре[981] в диаметре. Руки сидевшего были переплетены пальцами за шеей, а ногти глубоко вросли в верхние части рук.

– Этот никогда не изменяет позы, – говорили нам. – Он сидит в этом положении уже лет семь…

– Но как же он ест? – спрашивали мы в недоумении.

Ему приносили есть – или, скорее, пить – молока раз в 48 часов из пагоды, вливая оное ему в горло посредством бамбука. Его ученики (всякий такой аскет имеет своих добровольных слуг, кандидатов на святость) снимают его в полночь и полощут в танке, а обмыв, *ставят* назад на тумбу как неодушевленную вещь, ибо он более не разгибается.

– Ну, а эти? – спрашивали мы, указывая на двух других. – Ведь они должны постоянно падать? Малейший толчок должен опрокинуть их?..

– Попробуйте… – посоветовал нам Такур. – Пока человек находится в состоянии *саммади* (религиозный транс), его можно разбить, разломать на куски, как глиняного идола, но сдвинуть с места его нельзя…

Дотрагиваться до аскета во время транса считается индусами за святотатство, но, видно, Такур был хорошо знаком с исключениями «не в пример прочим». Он опять вступил в переговоры с нахмуренным сопровождавшим нас браманом и, окончив быстрое совещание, объявил, что из нас никому не дозволяется трогать факира, но что он получил позволение и покажет нам то, что̀ еще более удивит нас. С этими словами приблизясь к факиру на камешке и осторожно взяв его за костлявые бедра обеими руками, он приподнял его и поставил на землю немного в стороне. В теле аскета не пошевельнулся ни один сустав, словно вместо живого человека то была бронзовая или каменная статуя[982]. Затем он поднял камешек и показал нам его, прося, однако же, не дотрагиваться – дабы не оскорбить присутствующих. Камень был, как уже сказано, круглый, плосковатый и довольно неровный. Лежа на земле, он раскачивался при одном прикосновении пальца…

– Вы видите, насколько не солиден этот избранный факиром пьедестал? И однако же, под тяжестью аскета камень остается неподвижным, как бы врастая в землю.

И взяв снова факира на руки, он переставил его на прежнее место. Тот, несмотря на закон тяготения, которое, по всей очевидности, должно было увлечь его далеко перегибающееся назад дугой туловище и голову, как будто мгновенно и вместе с камнем прирос к земле, не изменив положения ни на одну линию. Как это они умудряются достигать такого искусства, про то знают лишь они одни. Я заявляю факт, а объяснять ничего не берусь.

У ворот пагоды мы снова надели нашу обувь, которую нам велели снять у входа, и вышли из этого *святилища* вековых тайн смущенные более, чем до входа в него. В «аллее факиров» мы нашли ожидающих нас Нараяна, Мульджи и баб́у, которых не впустили с нами. Все трое давно вырвались из железных когтей касты и открыто ели и пили с нами, за каковое преступление их и считали «отлученными», презирая гораздо более, нежели самих европейцев. Их присутствие в пагоде осквернило бы навсегда ее святость, тогда как осквернение, внесенное нами, было лишь временное: оно испарялось, как капля грязной воды под лучом солнца, в смраде зажженного по выходе нашем коровьего навоза – этого обычного у браманов «фимиама очищения».

Индия – страна неожиданностей; даже для обыкновенного наблюдателя все в ней с точки зрения европейца происходит шиворот-навыворот: от мотанья головой, которое всюду понимается

[980] 13 см.

[981] 13–18 см.

[982] Выдержки из фрагмента «секрет не дышать от 21 до 43 минут… бронзовая или каменная статуя» были напечатаны в газете «Новое время» (1880, №1518, 21 мая).

как жест *отрицания*, а здесь означает полное *утверждение*, до обязанности хозяина выпроваживать самого приятного гостя, который иначе просидит целую неделю на своем месте и, пожалуй, даже умрет с голоду, но не уйдет без приглашения, – все здесь противоречит нашим западным идеям. Спрашивать, например, о здоровье жены, даже если она и знакома с вами, или сколько у человека детей и есть ли у него сестры, – верх оскорбления. Здесь, когда вы находите, что гостю время уходить, вы кропите его розовою водой и, повесив ему на шею гирлянду цветов, любезно указываете на дверь, приговаривая: «Теперь я прощаюсь с вами… Заходите опять!» Странный, оригинальный народ вообще, но еще страннее и непонятнее их религия… За исключением некоторых отвратительных обрядов известных сект да злоупотреблений со стороны браманов религия индусов, должно быть, имеет в себе нечто глубоко и непонятно привлекательное, если она способна совращать с пути истины даже англичан. Вот что̀, например, случилось здесь несколько лет тому назад.

Появилась одна интересная и чрезвычайно ученая, хотя по содержанию своему переворачивающая вверх дном всю современную науку брошюра. Она была написана по-английски и напечатана в небольшом издании полковым доктором медицины и хирургии Н.С.Полем[983] в Бенаресе. Слава Поля как ученого специалиста по физиологии была велика между его соотечественниками-англичанами: он одно время считался авторитетом в медицинском мире. Брошюра трактовала о виденных доктором между аскетами примерах «спячки», продолжавшейся в одном случае восемь месяцев, о *саммади* и других явлениях, производимых *йогами*. Появившись под заглавием «Трактат о философии *йог-видьи*»[984], эта брошюра разом взбудоражила представителей европейской медицины в Индии и возбудила яростную полемику между англо-индийскими и туземными журналистами. Dr. Поль провел 35 лет в изучении невероятных, но для него совершенно несомненных фактов «йогизма». До *радж-йогов* он никогда не мог добраться и с большим прямодушием и видимым сожалением сознается в этом, но он вошел в дружбу с факирами и *светскими* йогами, то есть теми, которые не скрывают своего сана и иной раз соглашаются сделать и европейца свидетелем некоторых феноменов. Dr. Поль не только описал самые странные, свершавшиеся на его глазах факты, но даже и объяснил их. *Левитация*, например, нечто идущее совершенно вразрез с признанными законами тяготения и против чего так восставал астроном Бабине[985], объясняется им научно. Но главное, что̀ помогло ему проникнуть в некоторые, считавшиеся доселе непроницаемыми тайны, это его горячая дружба с капитаном Сеймуром. Последний лет 25 тому назад произвел в Индии, особенно в армии, беспримерный скандал: капитан Сеймур, богатый и образованный человек, принял браманскую веру и пошел в *йоги*! Его, конечно, объявили сумасшедшим и, поймав, насильно отправили в Англию. Сеймур бежал из Англии и снова явился в Индию в одежде *саньязи*. Его схватили во второй раз, посадили на пароход, привезли в Лондон и заперли в доме умалишенных. Чрез три дня, несмотря на запоры и часовых, он исчез из заведения. Его потом снова встретили знакомые в Бенаресе, а губернатор получил от него письмо из Гималайских гор. В письме он объявлял, что никогда не был сумасшедшим, невзирая на то, что был посажен в больницу; он советовал генералу

---

[983] Н.Ч.Пол (Navina Chandra Pal, Nobin Chundra Pal, Navina Candra Pala, 1829–1880) – индийский врач, провел исследование йоги, которое считается первым в мире.

[984] См.: *Paul N.C. A* Treatise on the Yoga Philosophy. Benares, 1851.

Книга Н.Ч.Пола была перепечатана в журнале «The Theosophist» (1880, т. I, №12, сентябрь; т. II, №1, октябрь; №2, ноябрь; 1881, т. II, №4, январь; №7, апрель) со вступительной статьей и комментариями Е.П.Блаватской.

[985] См.: «Существует, однако, одна вещь, которую Бабинэ всегда упорно отрицал, а именно, левитация мебели без всякого прикосновения рук. Де Мирвиль поймал его на слове, когда он заявил, что такая левитация невозможна. “Просто *невозможна*, – говорил он, – так же невозможна, как вечный двигатель”[*]» (*Блаватская Е.П.* Разоблаченная Изида. Т. I, гл. IV).

[*] См.: *Babinet J.* Des tables tournantes au point de vue de la mécanique et de la physiologie // Revue des Deux Mondes, t. 5, 1854. P. 414 (*Бабинэ Ж.* Вращающиеся столы с точки зрения механики и физиологии // Revue des Deux Mondes, 1854, т. 5. С. 414).

Цит. по: *Mirville J.* Question des esprits, ses progrès dans la science. Examen de faits nouveaux et de publications importantes sur les tables, les esprits et le surnaturel. Paris, 1855. P. 15 (*Мирвиль Ж.* Вопрос о духах, его прогресс в науке. Обзор новых фактов и важных публикаций о столах, духах и сверхъестественном. Париж, 1855. С. 15).

Жак Бабинэ (1794–1872) – французский физик и астроном.

Жюль де Мирвиль (1802–1873) – французский писатель, медиум.

не мешаться более в его частные дела, и говорил, что никогда уже не вернется в цивилизованное общество. «Я *йог* (писал он) и надеюсь умереть не ранее, как достигнув цели моей жизни: сделаться *радж-йогом*». Генерал не понял, но махнул рукой. С тех пор никто из европейцев уже не видал его, никто, кроме Dr. Поля, который, говорят, переписывался с ним до самой своей смерти и даже два раза ездил в Гималаи – *ботанизировать*. Главный инспектор медицинского департамента, взирая на сочинение Поля как «на прямую пощечину науке в лице физиологии и патологии», приказал скупить по дорогой цене от частных лиц все вышедшие экземпляры и принести их в жертву этой науке, предав публичному сожжению. Брошюра вследствие этого стала редкостью. Из нескольких спасенных книг одна находится в библиотеке махараджи Бенаресского, а один экземпляр Такур подарил мне.

Поезд в Аллахабад отправлялся в 8 часов вечера, и нам приходилось провести всю ночь и до 6 часов утра в дороге. Хотя у нас был свой десятиместный вагон I класса, в котором не было места для посторонних лиц, однако, по разным причинам, я была уверена, что не усну во всю ночь. Поэтому заранее запасшись свечами для ручного фонаря, я приготовлялась преступить железнодорожный закон и читать всю ночь интересовавшую меня брошюру Dr. Поля. Часа за полтора до отъезда мы отправились все гуртом отобедать за общим столом в *Refreshment Room*, или в буфет дебаркадера. Наше появление произвело видимое впечатление: мы занимали с четырьмя индусами весь край стола, за которым находилось человек пятьдесят первоклассных пассажиров, таращивших на нас удивленные, полные нескрываемого презрения глаза. Европейцы, братающиеся с индусами!.. Индусы, обедающие с европейцами!.. Сдержанный шепот стал переходить в громкие восклицания, и одна важная леди даже не вытерпела: встала из-за стола и ушла. Если бы не внушительное присутствие [людей] несомненно родного типа: англичан У*** да мисс Б*** и полковника, которого все принимали за английского офицера, наверно случился бы скандал. К Такуру подошли два англичанина и, пожав ему руку, – тоже редкостное происшествие, – отвели его в сторону как будто для дела, но, в сущности, для удовлетворения любопытства: они оказались его старыми знакомыми. На других индусов никто не обратил ни малейшего внимания. Здесь мы узнали в первый раз, что за нами следит полиция. Такур, указав на розового с длинными белокурыми усами капитана в белом кителе, быстро шепнул мне: «Остерегайтесь»… То был агент тайной полиции из политического департамента, посланный вслед за нами из Бомбея. Услыхав это приятное для нас известие, полковник расхохотался на всю залу, что̀ еще более взволновало кушавших альбионцев. Мы узнали позднее, что все слуги отеля *обязаны* шпионить. Но в Индии обычай – водить за собою всюду собственных слуг, даже на званые обеды: поэтому и за нашими стульями торчало по одному индусу, а за Такуром находились его четыре щитоносца и двое слуг. Неприятель был, таким образом, совершенно отрезан этою армией голоногих защитников, и отельным шпионам оставалось мало шансов подслушать наши разговоры, да нам к тому же и нечего было скрывать. Но, признаюсь, на меня это известие подействовало очень скверно. Наконец, этот неприятный обед кончился. Устроившись на ночь в вагоне, я принялась за свою брошюру…

Между прочими интересными вещами Dr. Поль обстоятельно и весьма научно объясняет тайну периодически прекращаемого *йогами* дыхания и некоторых других, по-видимому, совершенно невозможных феноменов, которые он наблюдал неоднократно собственными глазами. Его теория «дыхания» вкратце следующая.

Йоги открыли тайну и приобрели способность хамелеона присваивать себе поочередно все видимые или кажущиеся условия полноты и худобы. Это животное, как известно, наполнив легкие воздухом, то является весьма толстым, то вдруг, освободясь от наполняющего его воздуха, чрезвычайно тщедушным[986]. Многие из пресмыкающихся получают этим же способом надувания тела возможность, по мере являющейся надобности, переплывать большие реки, а посредством остающегося, по окислению крови, излишка воздуха приобретают чрезмерную живость вообще, как на суше, так и на воде. Способность запасаться бóльшим количеством воздуха, нежели то необходимо, есть характеристическая черта всех животных, подвергающихся *гибернации* или *спячке*. Древние индусы-философы, подметив эту способность, воспользовались ею и

[986] См.: *Paul N.C. A* Treatise on the Yoga Philosophy. Benares, 1851. P. 40.

усовершенствовали ее. Прием, употребляемый *йогами*, известный под именем «баштрика кумбхарка»[987], состоит в следующем.

Йоги, желающие приобрести этот дар, удаляются в подземные пещеры, где атмосфера однобразнее и влажнее, нежели на земной поверхности, и где поэтому и позыв на пищу гораздо слабее. Аппетит человека пропорционален количеству углекислоты, выдыхаемой в известный промежуток времени. Поэтому *йоги* никогда не употребляют соли, а живут одним молоком, питаясь им раз в сутки по ночам, а дни проводя в полукаталептическом состоянии. Двигаются они весьма медленно, дабы как можно реже дышать: движение увеличивает количество выдыхаемой углекислоты; и вот философия *йогов* предписывает им *избегать движения*.

Количество выдыхаемой углекислоты увеличивается при громком и оживленном разговоре и уменьшается при тихом: *йоги* учат говорить медленно и тихо и часто заставляют давать обет молчания. При *физическом* труде количество углекислого газа также возрастает, а при *умственном* оно убывает: поэтому *йог* проводит жизнь в созерцании и размышлении. Йоги практикуют два рода методов: *падмазанну* и *сиддхазанну*[988] для возможно более редкого дыхания[989]. Вот что̀ говорит «Шика-Деви»[990]:

«Скрести обе ноги, выпрями крепко спину и шею, положи ладони на колени, зажми рот и начни сильно выдыхать воздух чрез обе ноздри. Затем вдыхай и выдыхай с возможною быстротой, пока не почувствуешь дурноты: тогда начни вдыхать в себя воздух чрез правую ноздрю и, наполнив оным легкие, тотчас же останови дыхание и старайся смотреть на кончик носа. Затем выдыхай воздух чрез левую ноздрю, после этого вдыхай снова чрез правую. Останови опять дыхание, прекратив его, начинай снова весь процесс чрез правую ноздрю»[991], и проч.

«Получив дар практиковать вышеупомянутые созерцательные позиции в продолжение двух часов кряду, – говорит Поль, – йоги начинают практиковать *пранаяму* – степень самопроизвольного столбняка (transe[992]), характеризуемого обильною испариной, дрожанием всех членов и чувством необычайной легкости во всем организме. Затем йоги практикуют *пратнахару*[993] – степень самопроизвольного транса, в коем происходит полное бездействие (suspension) всех пяти чувств. За этою степенью йоги изучают процесс *дхараны*[994] – степень произвольного столбняка, в котором не только их физические чувства, но даже и все умственные способности замирают: человек погружается в полную каталепсию ума и тела. Этот столь обильный физическим страданием и требующий самой твердой решимости прием доводит йогов до *дхианы*[995] – состояния “полного, невыразимого блаженства”. По их словам, они плавают в океане вечного света или электричества аказы (*Ананта-Джиоти*[996], на который они и указывают как на “Душу Вселенной”). В состоянии *дхианы йог* делается ясновидящим. *Дхиана* йогов – то же, что̀ *туриа-авастха*[997] ведантистов, к которым принадлежат *радж-йоги*.

---

[987] Бхастрика-кумбхака (*англ.* Bhastrika Kumbhaka).

Кумбхака – задержка дыхания в практике пранаямы.

[988] Падмасана и сиддхасана – асаны в йоге.

[989] См.: *Paul N.C. A* Treatise on the Yoga Philosophy. Benares, 1851. P. III.

[990] Известный йог и чудодей II столетия до Р.Х. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Шукаде́ва (*санскр.* Śukadeva, также известен как Шукадева Госвами, Шука и Брахмарата) – риши, персонаж ряда пуранических писаний индуизма, где он описывается как сын Вьясы.

[991] *Paul N.C. A* Treatise on the Yoga Philosophy. Benares, 1851. P. 40.

[992] транс (*фр.*).

[993] Пратьяхара (*санскр.* pratyāhāra, букв. «отбрасывание, отрешение») – техника отвлечения чувств от объектов, на которые они обычно направлены.

[994] Дхарана (*санскр.* dhāraṇā) – санскритский термин, используемый для обозначения шестой части в восьмичастной аштанга-йоге (раджа-йоге), изложенной Патанджали в «Йога-сутрах». С санскрита термин дхарана можно перевести как «концентрация ума с задержкой дыхания», или как «действие, направленное на поддержание, сохранение, удерживание (в памяти)», или же как «твердость», «стойкость», «уверенность».

[995] Дхьяна (*санскр.* dhyāna созерцание, «видение умом», «интуитивное видение», медитация, сосредоточение, размышление) – созерцание, «особая сосредоточенность сознания на объекте созерцания», «строгий специальный термин, сходно понимаемый во всех духовных традициях Индии, буддизме, индуизме и джайнизме».

[996] Ананта-Джьоти (*санскр.* anantājyoti) – Бесконечный Свет.

[997] «Турия-авастха (санскр.). Почти нирваническое состояние в самадхи, которое само по себе есть блаженное состояние созерцательной йоги за пределами этого плана. Это – состояние Высшей Триады…» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 415).

Самадди – последняя степень (продолжает Поль). В этом состоянии *йог*, подобно летучей мыши, ежу, сурку, приобретает дар переносить отсутствие атмосферического воздуха и лишение пищи и воды. Я лично наблюдал в продолжение 25 лет три случая *самадди*: первый случай в Калькутте, второй в Джассульмере, а третий в Пенджабе. Все три *йога* погрузились в состояние кажущейся смерти, герметически затыкая языком своим горловое отверстие. Каким образом пенджабский факир (о котором пишет Dr. Мак-Грегор, ручаясь за достоверность случая, коего он был сам очевидцем) мог прожить без пищи 40 дней и ночей, зарытый в стеклянном ящике в землю, это удивляло много ученых людей в Европе, но я видел случаи еще страннее. На основании *лагимы* и *гаримы*[998] (запаса воздуха в легких на манер хамелеона) один мадрасский браман в моем присутствии держался на воздухе пять раз от 4½ до 12 минут… Но все это лишь физические феномены, производимые *хатти-йогами*[999]. Каждый из них подлежит исследованию естественных или физических наук, и всегда интересовал меня гораздо менее феноменов из области психологии. И со всем этим мне в этом отношении не посчастливилось в Индии. Из числа трех встреченных мною в течение 35-летней моей карьеры в Индии *радж-йогов* ни один не решился открыть мне малейшей из приписываемых им великих тайн природы, невзирая на их ко мне расположение. Один напрямик отказался от приписываемого ему могущества; другой откровенно сознался, что обладает таким могуществом и даже не раз доказывал мне оное на деле, но отказался от всякого по этому поводу объяснения. Наконец, третий согласился кое-что объяснить мне, если я ему поклянусь никогда и никому не объявлять того, что̀ от него узнаю, даже и на смертном одре. Так как в этом случае моею единственною целью было желание просветить погрязший в невежестве и атеизме мир, то, признаюсь, я отказался. А дар *радж-йогов* несравненно интереснее и в тысячу раз важнее для мира, нежели феномены *хатти-йогов*. Этот дар чисто психический: *радж-йоги* к знанию *хатти-йогов* присоединяют всю ска́лу[1000] умственных феноменов. Приписываемые им дары, по крайней мере, в священных книгах следующие: 1) дар пророчества и предвидения грядущих событий; 2) понимание всех незнакомых им языков; 3) целение недугов; 4) искусство читать чужие мысли; 5) слышать разговоры и все происходящее за несколько тысяч миль; 6) понимание языка зверей и птиц; 7) *прокамия*[1001] – способность останавливать руку времени, сохраняя юношескую наружность в продолжение долгого, почти невероятного периода времени; 8) способность оставлять собственное тело и переходить в другое; 9) *вазитва*[1002] – дар укрощать и даже убивать самых диких зверей *одним взглядом*; и наконец, самое ужасное – месмерическая сила, вполне подчиняющая себе людей и одним действием воли заставляющая их бессознательно повиноваться невыраженным приказаниям йогов»[1003].

Несколько из упомянутых феноменов Поль видел и убедился в их объективной реальности; действительности же других, – «видев так много столь же непонятного», по его словам, – если не верит, то и не отрицает. Но за что̀ он вполне ручается, это за то, что *йог* может по желанию прекращать и задерживать дыхание до 43 минут и 12 секунд[1004]…

О, наука!.. Неужели и ты, как все прочее, одна суета сует? Физиология в лице Dr. Лефевра[1005] и цитующего[1006] его другого доктора медицины, члена Королевского общества и вдобавок вице-

---

[998] Сиддхи – лагхима (сверхлегкость, левитация) и гарима (умение становиться тяжелым).

Си́ддхи (*санскр.* siddhi, букв. «достижение») – термин в индуизме, буддизме, обозначающий сверхъестественные силы, возможности, развитые благодаря духовным практикам; способность творить чудеса.

[999] «Хатха-йога (санскр.). Низшая форма практики йоги; она использует физические средства для целей духовного саморазвития. Противоположна раджа-йоге» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 438).

[1000] шкалу (*англ.* scale).

[1001] Пракамья (*санскр.* prakāmya).

Писатель Н.Ф.Тарасенко (1919–2017) в своей повести «Прокамия» (1969) использует из книги «Из пещер и дебрей Индостана» некоторые выражения: «На ум пришла мистическая способность хатха-йогов останавливать руку Времени. Прокамия – так, кажется, называют они это. Свежесть молодости сохраняется невозможно долго; она может быть возвращена снова».

[1002] Вашитва (*санскр.* vaśitva).

[1003] *Paul N.C. A* Treatise on the Yoga Philosophy. Benares, 1851. P. III–IV, 54–55, 61–62.

[1004] Там же. С. 48.

[1005] См., например: *Lefèvre A.* Les plongeurs // La nouvelle mosaïque ou petit magasin universel et pittoresque de tous les pays. T. II. Paris, 1842. P. 370–371 (*Лефевр А.* Ныряльщики // Новая мозаика, или небольшой универсальный и причудливый магазин всех стран. Т. II. Париж, 1842. С. 370–371).

президента Королевского общества медиков, ученого Суэна Тейлора[1007] уверяет нас, что «еще ни один живой водолаз, кто бы он ни был, не выдерживал полного затопления тела более *двух минут сряду*». А сам автор добавляет, что, пока человек не рыба, совершенно немыслимо, чтоб он мог выдержать в воде даже *полуминутою долее*[1008].

Стало быть, тут рассуждать нечего: наука решила и не нам, легковерным профанам, противоречить ей. Но несомненно, что в Европе ровно ничего еще не знают ни о приемах *йогов*, ни о средствах, употребляемых с самых древних времен философами Индии для постепенного, так сказать, «перерождения» всего человеческого организма. Стало быть, в этом, по крайней мере, случае все, чтò наши ученые физиологи имеют право заявить, ограничивается приблизительно следующим: «Явления жизни, которые мы изучали, исследуя их под *известными* нам так называемыми нормальными и ненормальными условиями, мы изучили хорошо и вполне ручаемся за правильность наших выводов…» Однако, почему бы, кажется, им тут же не прибавить: «Но, не имея претензии уверять мир в нашем полном знакомстве со всеми неизвестными, как и известными силами природы, существующими или же могущими развиться при неизвестных еще нам условиях, мы не имеем поэтому и права преграждать кому-либо стремления к более смелым исследованиям в области, до которой мы сами, по великой нашей осторожности (а подчас и нравственной трусости), еще не дошли, стремления к открытию высших, хотя и редких явлений в человеческой природе. Не осмеливаясь утверждать, будто человеческий организм совершенно неспособен к развитию в нем трансцендентальных способностей, проявляющихся лишь при особенных, часто и неизвестных еще науке условиях, мы не желаем и ограничивать наших исследователей одними нашими научными открытиями…»

Произнеся столь благородную и вместе скромную речь, гг. физиологи (не исключая и нашего зубастого Dr. Карпентера) разом заслужили бы благодарность потомства. Их ученые коллеги, не опасаясь более прослыть (невзирая на все предшествующие великие их заслуги в науке) за невменяемых, впавших в детство легковерных субъектов, принялись бы исследовать все таковые явления серьезно и беспристрастно, а не «под шумок», как это делается теперь иными из боязни, чтоб их не накрыли на месте преступления. Все феномены «спиритизма» перешли бы тогда из области материализующихся «тещей» и «бабушек» да бабьего гадания в область чисто психо-физиологических наук, и пресловутые «духи», по всей вероятности, испарились бы. Нетленный же и уж конечно «не от мира сего»[1009] дух стал бы и более доступным, и более понятным человечеству. Оно лишь тогда уяснило бы себе гармонию целого, усмотрев, как тесно, неразрывно связан мир видимый с миром невидимым[1010]. Но, как весьма глубоко выразился один из уважаемых русских ученых, профессор Бутлеров[1011], «все это подлежит знанию, увеличение же массы знания может только обогащать, а не упразднять науку. Нужно, чтоб это совершилось в силу строгого наблюдения, изучения, проверки опытом, чтобы пришли к нему, руководясь *положительным научным методом*, так же как приходят к признанию каждого явления природы. Мы зовем не к слепому вероятию по примеру давно прошедших лет, а к знанию; не к отречению от науки, а к расширению ее области…»[1012]

Амедей Лефевр (1798–1869) – французский военно-морской врач и историк медицины.

[1006] цитирующего (*устар., фр.* citer).

[1007] Альфред Суэйн Тейлор (1806–1880) – английский токсиколог, прозванный отцом британской судебной медицины, автор многих научных трудов.

[1008] *The Principles and Practices of Medical Jurisprudence*, by A.Swaine Taylor, M.D., F.R.S.[*] etc., Vol. II, 1873, p. 5[**]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] доктор медицины, член Королевского общества (*англ.* Doctor of Medicine, Fellow of the Royal Society).

[**] См.: *Taylor A.S.* The Principles and Practice of Medical Jurisprudence. Vol. II. London, 1873. P. 5 (*Тейлор А.С.* Законы и правила медицинской юриспруденции. Т. II. Лондон, 1873. С. 5).

[1009] См.: «Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога» (1Кор. 2, 12).

[1010] Выдержки из фрагмента «Индия – страна неожиданностей… мир видимый с миром невидимым» были напечатаны в газете «Новое время» (1880, №1526, 29 мая).

[1011] Александр Михайлович Бутлеров (1828–1886) – химик, профессор Московского университета, президент Русского физико-химического общества, исследователь спиритуализма и парапсихологии с естественнонаучной точки зрения; в 1871 г. организовал в Петербурге первый научный комитет по исследованию феноменов медиумизма.

[1012] *Бутлеров А.М.* Медиумические явления // Русский вестник, 1875, №11. С. 303–304.

Тогда и Геккель с эволюционистами, и Алфред Россель Уоллес[1013] со спиритуалистами, оба, изъявили бы полное удовольствие. Ибо чтò же в самом деле мешает человеку иметь два принципа в своем начале: один чисто духовный, другой чисто животный принцип?[1014] Право, не подобает даже и вам, великие ученые, стараться остановить «влияние Плеяд», предлагая себе в путеводители хотя бы даже «*Арктурию* с сыновьями»[1015]. Неужели никогда не случалось вам применить к вашей собственной умственной гордости вопросы, некогда предлагавшиеся «голосом из вихря» многострадальному Иову[1016]? Хотя вы и умудрились поймать *левиафана* в пучине морской, продернув ему крючок в нос[1017], но все же, говоря словами Книги Иова, «разве вы присутствовали при построении основ мира сего, и отверзались ли когда пред вами врата смерти»[1018], чтобы так уверенно утверждать, что *здесь*, а не *там*… «обитель вечного света»?..[1019]

– Аллахабад!.. Алла-ха-бад!.. – раздался крик кондукторов. Было шесть часов утра, когда наш поезд, шипя и раскачиваясь, с грохотом подошел к великолепному дебаркадеру Ост-Индской железной дороги, и разом рассеялись мои думы. Все мои спутники проснулись и засуетились, все, кроме Такура, который имел обыкновение исчезать на станциях, словно проваливаться сквозь землю. Но мы уже свыклись с его оригинальными выходками и даже не осведомились о нем. На станции нас ожидал профессор санскритского языка – пандит Сёндер-Лалл-Баттачария, в дом коего мы все и были приглашены. Красивый, дородный мужчина с мускулистыми голыми ногами, гордо драпирующийся в красную, расшитую золотом кашемировую шаль и с ярким *пёггри* на длинных черных волосах – таков был наш хозяин. Здесь тип совершенно изменяется. Не видать более бритых махратских голов, увенчанных шлемообразными тюрбанами. Длинные волосы, черные бороды и дорогие шали, накинутые наподобие римских тог, да шарфы на головах без всякой определенной формы бенаресских пандитов перемешивались с черными кафтанами à la François I[1020] простоволосых бабу́ и белыми шапочками северных индусов. На дебаркадере сновал капитан-шпион, принимавший нас в свою очередь за *русских* шпионов и воображавший, вероятно, что, надев синие очки, он стал неузнаваем. Но мы не обратили на него внимания и тотчас же уехали в приготовленных колясках домой.

[1013] Альфред Рассел Уоллес (Alfred Russel Wallace, 1823–1913) – британский натуралист, путешественник, географ, биолог, антрополог, спиритуалист.

[1014] В «Московских ведомостях» далее: Пусть себе на здоровье наши тела (шелуха души) происходят от *монера, зинамебии* и даже от бесхвостого антропоида; не все ли равно от чего они произошли, лишь бы господа физиологи и антропологи геккелевского пошиба благорассудили оставить и нашей душе ее *духовного* предка.

[1015] См.: «Можешь ли ты связать узел Хима и разрешить узы Кесиль? Можешь ли выводить созвездия в свое время и вести Ас с ее детьми?» (Иов. 38, 31–32).

Хим, Кесиль и Ас – это звездное скопление Плеяды, созвездие Орион и звезда Арктур.

[1016] См.: «Господь отвечал Иову из бури и сказал» (Иов. 38, 1).

Иов – главное лицо библейской Книги Иова. Согласно Библии, Иов «был непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла», а по своему богатству «был знаменитее всех сынов Востока». У него было семеро сыновей и три дочери, составлявшие счастливое семейство. Но Сатана перед лицом Бога стал утверждать, что Иов праведен и богобоязнен только благодаря своему земному благосостоянию и счастью, с потерей которого исчезнет и всё его благочестие. В ответ Бог позволил Сатане испытать Иова всеми бедствиями земной жизни, чтобы доказать, что он останется все равно непорочным.

[1017] См.: «В своих *Фрагментах науки* Тиндаль делает следующее грустное признание: “Если меня спросят, разрешила или разрешит в ближайшее время наука проблему Вселенной, – я с сомнением покачаю головой”[*]. Если впоследствии он вносит поправку и уверяет своих слушателей, что экспериментальные данные помогли ему открыть в этом покрытом позором деле “перспективу и мощь всех качеств жизни”[**], то он только шутит. Профессору Тиндалю было бы так же трудно привести окончательные и неопровержимые доказательства своих утверждений, как Иову подцепить на крючок левиафана[***]» (*Блаватская Е.П.* Разоблаченная Изида. Т. I, Перед завесой).

[*] *Tyndall J.* Fragments of Science. London, 1871. P. 93.

[**] *Tyndall J.* Fragments of Science. London, 1876. P. 524.

[***] Иов. 40, 20 – 41, 26.

[1018] Иов. 38, 4, 17.

[1019] Здесь закончился перевод книги, сделанный Верой Джонстон и изданный в 1892 г.

[1020] в стиле Франциска I (*фр.*).

Франциск I (1494–1547) – король Франции с 1515 г.

XXIII

В самом центре туземного или «черного»[1021] Аллахабада, среди лабиринта улиц, переулков и садов, находится дом пандита Сёндер-Лалл-Баттачарии, куда он нас всех и пригласил. Было всего восемь часов утра. Дом исчезал в роскошной зелени густых тиковых деревьев, и луч солнца, казалось, никогда не добирался до внутренних обширных и темных комнат. Со всем этим нам разом стало невыносимо жарко. В начале апреля до полудня стояла 120-градусная (по Фаренгейту)[1022] жара в тени! Зной в Северо-Западных провинциях, как и в Раджистане, совершенно отличен от жары бомбейской: в Центральной Индии пот льется градом с человека, в этой влажной горячей атмосфере чувствуешь себя словно в русской бане, но в Аллахабаде испарины не бывает, и этот город кажется созданным самою природой для всемирной сушильни, начиная от мумиеподобных аскетов, усеивающих берега Ганги и Джумны, и кончая саженным, испепеляющимся при малейшем прикосновении руки ковылем. Там восемь месяцев в году стоит сухой, как бы огненный жар, сожигающий вам все внутренности, обжигающий с каждым вдыханием горло, иссушающий человека, как палящий ветер пустыни, до мозга костей его; во время такой жары остается лишь сидеть, не шевелясь, и избегать всякого движения. Все двери и окна на веранде и самые веранды заставлены ставнями из сильно пахучей травы *кус-куса*, обильно поливаемыми снаружи каждые пять или десять минут водой. Комнаты затемнены до захода солнца, и заниматься чем-либо днем немыслимо европейцу[1023]. Тотчас по приезде мы уселись на коврах и, полулежа на мягких подушках из пальмового листа, боялись пошевелиться. Минутами ветерок, прорываясь сквозь мокрую ткань кус-куса, веял нам в лицо ароматическою прохладой, а панки[1024], раскачиваясь безостановочно над нашими головами, рассекали душный воздух, дозволяя нам хоть минутами вдыхать вместо раскаленной атмосферы глотки искусственного воздуха…

Мы провели три дня в Аллахабаде. Ровно в три часа ночи мы отправлялись осматривать город и окрестности и возвращались к семи часам утра завтракать; затем бросались в общей темной зале на ковры под *панки* и спали до четырех часов пополудни. Напившись чая «со льдом», отправлялись снова рыскать, изучая древности и являясь домой только в десятом часу вечера *обедать*. Ночью мы не спали, а садились *дышать* в саду до зари…

Город расположен на юго-восточной окраине *Дёаба*[1025], «земли двух рек», на песчаном, образовавшемся вследствие слияния Ганги и Джумны мысе. Джумна вытекает из группы гор

[1021] Все города Индии, где только живут англичане, делятся на *черный* и на *белый* город. В последнем индусам жить не дозволяется. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1022] 49° С.

[1023] До такой степени проникнуты англичане мертвою буквой формалистики своих национальных вековых обычаев, что с самых первых времен своего устройства в Индии до 1869 года они даже и не подумали, сообразуясь с климатическими условиями, приноровить к последним хотя внешнюю обстановку судопроизводства: судьи и адвокаты принуждены были сидеть в этой палящей атмосфере в огромных напудренных париках! Наконец, однажды летом 1869 года главный судья в Аллахабаде, чувствуя что с ним делается обморок, порывисто сбросил с себя парик… В одну секунду все другие парики полетели вслед за судейским. При этом не было произнесено ни слова. Зная, что изменение вековых порядков немыслимо, они, как бы сговорясь, молчали и до сих пор молчат. Закон о париках не отменен, но входя в залу суда, при открытии заседания, все безмолвно снимают парики, и за давностью нововведение делается в свою очередь законом. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1024] *Панка* – общий веер. Их устраивают в каждой комнате, особенно в спальнях, иначе можно задохнуться. Это толстые, стеганые на вате полотнища, растянутые во всю ширину комнаты под потолком, иногда в несколько рядов; они приводятся в движение веревками, продеваемыми сквозь стену на веранду. За стеной сидят день и ночь *панкаваллы* (кули)*, которые сменяются каждые два часа и неустанно раскачивают эти *панки*. Писать невозможно во время их движения: все летает по комнате, панки производят постоянный ураган в миниатюре, и иногда во время испарины сильно простужают. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Панкхавалы (*англ.* punkhawallah, punkha wala).

[1025] Доаб (*персидский, урду*: dō, «два» + āb, «вода» или «река») – термин, используемый в Индии и Пакистане для обозначения «языка» или участка земли, который расположен между двумя сливающимися реками. Если слово Доаб употребляется без названия каких-либо рек, то оно означает плоский аллювиальный участок земли, расположенный между Гангой и Ямуной на западе и юго-западе индийского штата Уттар-Прадеш, который простирается от Сивалика до слияние двух рек в Аллахабаде.

«Джумнатри»[1026] из источника, просачивающегося сквозь увенчанные вечными снегами скалы, на высоте 10849 футов[1027] над морем. Здесь, в Аллахабаде, обе реки почти одинаковой ширины, но Ганга глубже и ее воды здоровее вод Джумны. Дружно текут они по общему руслу, сливаясь, но не смешиваясь, так что волны последней протягиваются синею лентой по желтым водам Ганги. Туземцы зовут это место *Три-вени* (три реки)[1028], так как там же течет подземная река Сарасвати – потерянная беглянка, внезапно исчезающая из Сирхиндской пустыни. Оросив корни священного древа, растущего в подземных пещерах (в «Катакомбах форта»), она внезапно прорывается на свет Божий из-под башни аллахабадской крепости и, словно пристыженная таким поведением, быстро утекает в сторону; затем образовав островок, она соединяется со своими двумя сестрами уже далеко за городом. Легенда в одной из древнейших книг *Пуран*[1029], рассказывая биографию реки, уверяет, что то действительно краснеющая от стыда, вследствие собственной неосторожности, *Сарасвати*, супруга Брамы и «богиня знания и тайных наук». В один прекрасный день она, медленно прогуливаясь в пустыне с книгой в руке, до того углубилась в свое чтение, что и не заметила, как ее с шумом и гиком окружила толпа демонов. Устыдясь своей оплошности, богиня тут же погрузилась в песчаные недра пустыни и, исчезнув с земной поверхности, вынырнула лишь в Праяге (древнее название Аллахабада), где и потекла возле своих более светских сестер[1030].

«Белый город» (местопребывание европейцев) расположен вдали и в стороне от «черного» города туземцев. Он состоит из огромных, широких, пересекающих друг друга аллей с великолепнейшими деревьями, по которым прыгает множество белок. В больших, совершенно закрытых садовыми стенами дворах расположены бёнглоу англичан, похожие скорее на богатые загородные виллы, чем на городские жилища. «Белый город», таким образом, вовсе и не город. За исключением нескольких прекрасных площадей Аллахабад просто гигантский парк, имеющий 32 мили в окружности, симметрически усеянный на расстоянии четверти мили одна от другой загородными дачами. Здесь чопорная колония британцев, вздыхая по своей туманной родине, старается создать вокруг себя искусственный Лондон. Здесь этикет царствует неумолимым деспотом. Дамы, с утра затянутые в корсет, проводят время, делая друг другу церемонные визиты; два раза в неделю назначена великосветская «пуджа» – официальный прием. Церемониальные обеды между коротко знакомыми называются обедами «запросто», но на эти дружеские трапезы мужчины являются во фраках и белых галстуках, а дамы в бальных платьях и бриллиантах. И все это при 120° тепла!.. Обедают в 8 часов, разъезжаются около десяти вечера, так как здесь все встают в 5 часов утра. Жизнь интеллектуальная во всех отношениях… Во время нашего первого визита в Аллахабад никто из нас не счел нужным оставить свою карточку у здешней богини-патронессы провинций – леди Купер; поэтому на нашу партию стали взирать еще с бóльшим подозрением. Кто же, кроме «русских шпионов», осмелился бы выказать такое неуважение к представительнице в Северо-Западных провинциях самой императрицы Индийской?..

В первый день мы отправились (получив на то с большим затруднением позволение от начальства) осматривать крепость. Вероятно, опасаясь, чтобы мы не сняли плана крепости, англичане отправили вслед за нами с полдюжины шпионов: за нами как тени следовали полицейские (мусульмане), а вдали выглядывал наш приятель – белокуро-розовый шпион *en chef*[1031], капитан Ленг. Он мог бы и не беспокоиться: пред этими останками древней, некогда величественной Праяги, столицы Индии браманской, затем буддистской и, наконец, мусульманской – мы всецело углубились в прошлое и совершенно забыли о настоящем…

[1026] Джумнотри, Ямунотри (*англ.* Yamunotri).

[1027] 3307 м.

[1028] Triveṇī (*санскр.*) – три косы волос.

[1029] *Пурана* значит само по себе «древние» или «старинные». Это собрание самых древних религиозных легенд страны, весьма почитаемое туземцами. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1030] См.: *Keene H.G.* A Hand-book for Visitors to Lucknow: With Preliminary Notes on Allahabad and Cawnpore. Calcutta, 1875. P. 11 (*Кин Г.Дж.* Справочник для гостей Лакхнау: с предварительными заметками об Аллахабаде и Канпуре. Калькутта, 1875. P. 11).

Генри Джордж Кин (1826–1915) – британский историк Индии.

[1031] в качестве старшего (*фр.*).

Праяга-Аллахабад – одно из самых древних мест Индии, тесно связанное с ее прошлою туманною историей. Здесь риши периода Вед – великие патриархи Индии, вдохновляемые поэзией, – впервые складывали свои браманские толкования. Одушевляемые ревнивым религиозным усердием, – по своим последствиям всегда для потомства опасным, ибо, тщательно оберегая от нескромного ока непонятные невежественным массам философские истины, оно отстраняет от них народ, предоставляя ему довольствоваться собственными умозрениями, – риши эти были первыми сеятелями злокачественных семян язычества в Индии. Скрывая под поэтическою оболочкой аллегорий и эмблем абстрактные, ими одними в беспредельном миросозерцании узреваемые качества Божества, они в своих стараниях соделать эти отвлеченные качества доступными массам, не профанируя их, превратили вскоре каждый атрибут в отдельного бога и богиню. Вследствие этого народ и «сотворил себе кумиров». И стал он с тех пор прозревать истину во лжи и один обман – в истине; последняя же осталась всецело в ревнивых руках древнего и ученого духовенства. Так было в древности в Египте, так было в Греции, в Халдее, везде. Недаром Сарасвати, богиня тайных наук природы, глубоко скрывается в своем подземном течении от глаз демонов материализма: она является лишь тем, кто неутомимо и неуклонно преследует ее, докапываясь до чистых источников ее живой воды; на земле же и пред очами легковерных масс она разъезжает на чванливом павлине, стоглазый хвост коего распущен на солнце, а глаза слепы к сиянию дня… И только первых, жаждущих ее учения, она голубит и поит, утоляя палящую жажду своих верных поклонников, успокаивая их вечное стремление к неведомому и для всех прочих недосягаемому. Но – увы! – прямых наследников риши Индии и иерофантов древнего Египта мало, а недостойным, якобы «посвященным», имя – легион.

Предания Раджистана указывают на Праягу как на древнейшую крепость раджпутов. Здесь арийские кшатрии с чисто военным инстинктом соорудили укрепление, которое и упрочило за ними все их последующие завоевания в верхних долинах Джумны и Ганги и в продолжение долгих веков держало в трепете всю Нижнюю Бенгалию. Во времена Македонской империи Праяга стояла на этом самом месте при слиянии двух рек. «Празу – потомки *Пуру* из Пуруяги (Праяги) – принимали посла Селевка[1032], Мегасфена[1033], отправленного заключать договор с Сандрокотом (Sandrocottus)[1034], царем Празии, в его *древней* столице», – гласит старинная летопись джассульмерской княжеской фамилии Яду. Более тысячи лет после этого происшествия, в VI[I] столетии, упоминается историей пир, данный Шиладитьей[1035] (Syladitya)[1036] китайскому путешественнику и набожному буддисту Хвен-Тхсангу[1037]. В те дни буддизм, изгнавший было всех богов из Индии, уже находился в полном упадке, и вскоре за пиром последовало всеобщее возрождение современного браманизма или, скорее, индуизма. Но с самых дней периода Вед и до вышеупомянутой эпохи, когда благочестивый китайский путешественник оплакивал быстрое падение буддизма, Праяга никогда не переставала быть священнейшим после Бенареса местом Индии, «полем счастия», где медная лепта вдовицы в виде поданной милостыни считалась делом столь же благим, как и принесение в жертву целого *лакка*[1038] золотом[1039]. Знаменитый обелиск или лаф (lath) царя Азоки, который воздвигнул его за 250 лет до Р.Х., стоит доселе посреди крепости.

[1032] Селевк I Никатор (ок. 358–281 до н.э.) – полководец и бывший телохранитель Александра Македонского, диадох (преемник); после смерти Александра в результате войн с другими диадохами основал государство Селевкидов.

[1033] Мегасфен (*др.-греч.* Μεγασθένης) – древнегреческий путешественник, родом из Арахозии, который по поручению Селевка посетил с дипломатическим заданием двор Чандрагупты в городе Паталипутра.

[1034] Чандрагупта Маурья (в *греч.* транскрипции Сандрокотт) – первый в истории объединитель Индии, основавший империю Маурьев, правил в 322–298 гг. до н.э.

[1035] Харша Силадитья (606–647) – индийский император.

[1036] Придерживаясь фонетической системы, пишу имена так, как они выговариваются, а не пишутся. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1037] Сюаньцзан (*пиньинь* Xuánzàng, 602–664) – китайский буддийский монах, ученый, философ, путешественник и переводчик времен династии Тан.

[1038] *Лакк*[*] – 100000 рупий. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Лакх (*англ.* lakh).

[1039] См.: *Keene H.G.* A Hand-book for Visitors to Lucknow: With Preliminary Notes on Allahabad and Cawnpore. Calcutta, 1875. P. 13–14.

Там же, шагах в двухстах от него, чернеет вход в подземные пещеры, в одной из коих растет толстое дерево, скорее пень, с несколькими высохшими ветвями. «Эти ветви цветут лишь один раз в год, в праздник Вишну», – уверяют индусские авгуры.

Когда мы подъезжали к гласису[1040] крепости, нам указали на груду камней. На этом месте стояла некогда знаменитая во всей Индии мечеть *Джама-Масжид*, выстроенная еще при шахе Джагане. Насильно отняв ее у мусульман без всякой к тому причины, англичане обратили ее сперва в казармы, потом отдали под лавку маркитанта[1041], а по уходе полка совершенно срыли ее вследствие каких-то таинственных стратегических соображений. «Самым постыдным, незаслуженным образом мы лишили наших магометанских подданных дорогой им святыни, не предложив им за нее даже и одной рупии вознаграждения»[1042], – пишет полковник Кин в своем сочинении *Могульская империя*[1043]. Аллахабад сделан столицей Северо-Западных провинций лишь по усмирении мятежа 1857 года. Он стал резиденцией властей после того, как их перерезали в Агре.

Далее на север от крепости лежат развалины так называемого *старого* «белого города». Там 5 июня 1857 года вспыхнул мятеж между сипаями 6-го Бенгальского туземной инфантерии полка. Услыхав крики и дикие угрозы, завтракавшие в то время в общей столовой офицеры выскочили на плац-парад. Из тут же всех перестреляли, кажется, 23 человека. Затем мятежники разграбили полковую казну, ворвались в острог и выпустили из него всех преступников, сожгли все дома в «белом городе» и зарезали около 100 европейцев. Остальные успели спастись в крепость, где 400 человек всегда верных своему слову сикков защищали их против своих же и спасли гарнизон, женщин и детей от верной смерти[1044]. Признавая сикков самым храбрым народом Индии (за исключением раджпутов), англичане в благодарность, вероятно, всячески стараются с тех пор обезоружить их, да только не смеют. Они никак не могут помириться с идеей, что есть кто-нибудь честнее их самих и что есть народы, чтущие свое честное слово…

Аллахабадский форт и укрепленный в нем за́мок построены великим императором Акбаром около 1575 года нашей эры на развалинах древнего города буддистских индусов. Как выше сказано, Праяга – древнейшая столица Лунной (или *Самаванзи*[1045]) династии кшатриев. От архитектурных красот времен Акбара, от высоких башен величественного купола над ажурной работы галереей, от аркад и расписных стен и балкончиков, виденных и описанных еще Гебером[1046], от всего того, чем епископ так восхищался едва шестьдесят лет тому назад, – ровно ничего не осталось[1047]. Рука истинного вандала – англичанина на службе у Ост-Индской компании – снесла балконы, залепила, замазала и сравняла мавританскую резьбу на стенах внутренних и наружных и скрыла все это под безобразнейшим слоем простой штукатурки. В крепости остался один лишь все искупающий предмет – простоявшая уже с лишком две тысячи лет колонна Азоки.

Есть колонны величественнее, выше и красивее этой, хотя бы в Египте, но нет ни одной интереснее для археолога и для филолога. Надписи на ней пред терпеливым криптографом и языковедом открывают целую панораму древнего, столь мало еще известного нам мира. По этим надписям мы можем изучать самые задушевные мысли царственных зодчих, следить за постепенным изменением идей и понятий и в продолжение с лишком двадцати веков присутствовать при борьбе народов различных исповеданий, от начала истории сражавшихся брат против брата и заливавших земной шар своею кровью – каждый во имя того, что̀ для него самого казалось святою *истиной*, а для его брата – грешным заблуждением.

[1040] Гласис (*фр.* glacis) – пологая земляная насыпь впереди наружного рва крепости.

[1041] Маркитанты (*um.* mercatante, торговец) – мелкие торговцы съестными припасами, напитками и предметами военного обихода, сопровождавшие войска в походах.

[1042] *Keene H.G.* A Hand-book for Visitors to Lucknow: With Preliminary Notes on Allahabad and Cawnpore. Calcutta, 1875. P. 12.

[1043] См.: *Keene H.G.* The Moghul Empire. London, 1866.

[1044] См.: *Keene H.G.* A Hand-book for Visitors to Lucknow: With Preliminary Notes on Allahabad and Cawnpore. Calcutta, 1875. P. 16.

[1045] Сомаванша.

[1046] *Heber R.* Narrative of a Journey through the Upper Provinces of India. Vol. I. London, 1828. P. 441.

[1047] См.: *Keene H.G.* A Hand-book for Visitors to Lucknow: With Preliminary Notes on Allahabad and Cawnpore. Calcutta, 1875. P. 20.

Высота этой колонны всего 42 фута[1048], исключая подножие; форма ее коническая, постепенно суживающаяся к верхушке: три фута четыре вершка[1049] в диаметре у фундамента и два с вершком[1050] у заостренного конца. Три из многочисленных надписей принадлежат трем различным эпохам, царям: Азоке, Самудра-Гупте[1051] и Джахангиру[1052], то есть буддисту, полубраманисту и мусульманину. Азока воздвиг ее с целью увековечить указы, изданные им в видах распространения буддизма. Самудра-Гупта воспользовался ею во II веке нашей эры, чтобы начертать на колонне роспись своих обширных владений в Индии, простиравшихся от Непала к Деккану и от Гуджерата до Ассама. Наконец, упавшая и забытая было колонна очищена от векового сора и восстановлена на прежнем месте могульским императором Джахангиром, повелевшим начертать на ней год своего восшествия на престол (1605). Кроме этих надписей, на ней находятся сотни других: имена вельмож, пилигримов, обращенных в буддизм браманов и разных путешественников, начиная от I века христианства до прошлого столетия[1053].

Надписи царя Азоки резко отличаются от других надписей на колонне, во-первых, тем, что частые повторения их находятся и на других памятниках, и во-вторых, тем, что все они начинаются стереотипною фразой: *«Деванамапия Пиадáзи*[1054] *лáджа хевам-ахá…»*[1055] или «Возлюбленный богов-раджей Пиадази-царь…». По истории, царь этот – Девана Пиадази – наследовал престол своего отца в Цейлоне 236 лет после рождения Гаутамы (Будды). Пламенный буддист, он уговорил царя индийского Дхармазоку[1056], отца нашего царя Азоки, такого же ревностного буддиста, как и сам он, послать своего второго сына Махинду и дочь Сангамитту, в обществе других монахов и монахинь, паломниками по Индии для проповедания[1057] буддизма. По словам Махаванзы[1058], рвение к новому учению до такой степени овладело старым царем и его сыновьями, что даже главная и любимая супруга Дхармазоки, царица *Анула*, оправилась по совету царя проповедовать религию истины вместе со своими подданными *бикшу* (нищенствующими монахами) и, наконец, сама поступила в *бикшуни* (монахини). Азока, взирая, вероятно, на царя Пиадазу как на апостола Будды, постоянно приводит его имя в надписях: «Так глаголет царь Деванамапия Пиадази…» – род сакраментальной вступительной фразы при каждом параграфе.

Привожу несколько извлечений из самых замечательных между этими надписями на колонне:

«…На 27 году моего помазания[1059] (sic) я повелел, дабы сей религиозный указ был издан письменно. Сознаюсь и каюсь пред моими… (*народами*?) в доселе гнездившихся в сердце моем

[1048] 12,8 м.

[1049] 1,09 м.

[1050] 0,65 м.

[1051] Самудрагупта – индийский император (ок. 335–380).

[1052] Джахангир (1569–1627) – четвертый падишах империи Великих Моголов (с 1605 г.).

[1053] См.: *Keene H.G.* A Hand-book for Visitors to Lucknow: With Preliminary Notes on Allahabad and Cawnpore. Calcutta, 1875. P. 21.

[1054] Деванампиятисса (307–267 до н.э.) – король Шри Ланки.

[1055] «Devánampiya piyadasi Lája hevam áhá» (*Prinsep J.* Interpretation of the most ancient of the inscriptions on the pillar called lát of Feroz Sháh, near Delhi, and of the Allahabad, Radhia and Mattiah pillar, or lát inscriptions which agree therewith // Journal of the Asiatic Society of Bengal, Vol. VI, part II, 1837. P. 598 (*Принсеп Дж.* Толкование самых древних надписей на колонне под названием лаф Фироз-шаха, недалеко от Дели, и на колоннах в Аллахабаде, Радхии и Маттиахе, в сравнении с другими похожими надписями на лафах // Journal of the Asiatic Society of Bengal, 1837, т. VI, ч. II. С. 598)).

[1056] Дхармашока – имя, данное Чандрагупте Маурье.

[1057] проповедования (*устар.*).

[1058] Turnour[*] – переводчик с языка пали этой безусловно древнейшей изо всех рукописей Цейлона – «Истории буддизма, Махаванзы». – *Примечание Е.П.Блаватской*.

[*] См.: *Turnour G.* An Examination of the Pálí Buddhistical Annals // Journal of the Asiatic Society of Bengal, Vol. VI, part II, 1837. P. 713–737 (*Тёрнер Дж.* Исследование палийских буддийских летописей // Journal of the Asiatic Society of Bengal, 1837, т. VI, ч. II. С. 713–737); *Turnour G.* The Maháwanso in Roman Characters with the Translation Subjoined, and an Introductory Essay on Pali Buddhistical Literature. Vol. I. Ceylon, 1837 (*Тёрнер Дж.* «Махаванса» латиницей с прилагаемым переводом, и вступительный очерк о палийской буддийской литературе. Том I. Цейлон, 1837).

Джордж Тёрнер (1799–1843) – английский историк, гражданский служащий на Цейлоне.

[1059] Для проверки прошу сравнить мой перевод с переводом в журнале *Asiatic Society* (Vol. 6, part 2, 1837 года). Разница небольшая. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

прегрешениях. Мысль о религии и любовь к религии должны (*с этого времени*) постоянно увеличиваться… и мои народы, как и *грихаста*[1060] (духовенство), словом, все смертные, станут от этого неразрывно связанными ею (*религией*) и, победив в себе земные страсти и грехи, достигнут все они великой мудрости. Ибо в одной религии пребывает истинная мудрость. В религии главное достоинство, а религия вся состоит из достохвальных дел: воздержания от дурных поступков, милосердия, кротости, любви к ближнему, нравственной чистоты и целомудрия. Для меня все сие составляет помазание посвящения[1061]. К неимущим и скорбящим, к двуногим и четвероногим, к птице небесной и твари, движущейся в водах, отнеслись тогда (со времени посвящения?) обильные деяния мои… Для сего самого и провозглашен сей указ. Да внемлют оному все. Да пребудет он в полной силе в века грядущие, и всякий, кто только последует оному, должен будет, несомненно, достичь вечного блаженства и соединиться с *Сугатой* (Буддою)»[1062]…

Далее следует перечень девяти грехов. Эти девять грехов известны под названием *азинаве*[1063], и по учению Гаутамы Будды их следует избегать: «гнев, жестокосердие, воровство, гордость, зависть, уныние, пьянство, прелюбодеяние, убийство»[1064]. На западной стороне колонны начертаны разные правила об отношениях аскетов к прихожанам и «всеобщем во имя Будды отпущении наказаний и прощении преступникам в специальные три дня»[1065]. В какие дни именно, не сказано. На южной стороне находится наименование зверей и птиц, которых грех лишать жизни[1066]; затем самая интересная как проливающая яркий свет на жизнь этого царственного апостола буддизма надпись, в которой говорится следующее:

«…На двенадцатом году моего помазания был по моему повелению издан ради удовольствия и пользы народов указ. Истребив *сей* (указ?) и взирая на мою бывшую религию (идолопоклонство) как на великий грех, я ныне, ради блага всего мира, возвещаю о сем событии (то есть об отмене закона). В то же время я молюсь различными молитвами за тех, кто разнится со мною в моей вере, дабы они все, последовав моему примеру, соделались достойными достичь вечного спасения… Но каким образом действовать, дабы религия истины и света постоянно распространялась среди человечества? Истинно говорю, лишь посредством обращения в оную всех низкорожденных (вне касты), убогих и неимущих может наша религия соделаться всеобщею… А если вследствие обращения таковых (низкорожденных) возрастет она, то насколько быстрее распространится наша религия чрез обращение в нее высокорожденных, тех, между коими пребывает *имя Божие*[1067]?.. Истинна сия есть религия (то есть буддизм) и ею одною умножаются добродетели»[1068].

[1060] Грихастха.

[1061] Журнал Азиатского общества тоже переводит: «anointment of consecration». Буддистский первосвященник в Цейлоне, Сумангала, объясняет мне в письме эту фразу тем, что Пиадази первый приказал снова помазать себя при принятии буддизма во имя этих главных семи добродетелей. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1062] *Prinsep J.* Interpretation of the most ancient of the inscriptions on the pillar called lát of Feroz Sháh, near Delhi, and of the Allahabad, Radhia and Mattiah pillar, or lát inscriptions which agree therewith // Journal of the Asiatic Society of Bengal, Vol. VI, part II. P. 581–583.

[1063] Asinave.

[1064] *Prinsep J.* Interpretation of the most ancient of the inscriptions on the pillar called lát of Feroz Sháh, near Delhi, and of the Allahabad, Radhia and Mattiah pillar, or lát inscriptions which agree therewith // Journal of the Asiatic Society of Bengal, Vol. VI, part II. P. 584.

[1065] Там же. С. 588.

[1066] Там же. С. 590–592.

[1067] Присутствие имени *Бога* в буддистской надписи послужило санскритологам обильным материалом для диспутов: «Буддисты – атеисты; они не веруют ни в Бога, ни в бессмертие души человеческой, – говорят многие. – Это выражение Пиадази: *воспоминание прежней религии* – неправильное выражение». Позволяю себе высказать полную уверенность в том, что это мнение совершенно ошибочно. Буддист, если он только образован и знаком с *сутрами*, чистою философией Будды, верует как в божество, – правда, безличное, – так и в загробную жизнь. Мое убеждение основано не на собственном умозрении, а на пятилетней постоянной переписке с учеными буддистами Цейлона и Бирмы, членами Теософического Общества. Вина не буддизма, если до сей поры наши ученые не могли понять ни его тонкой метафизики, ни отвлеченностей последней. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1068] *Prinsep J.* Interpretation of the most ancient of the inscriptions on the pillar called lát of Feroz Sháh, near Delhi, and of the Allahabad, Radhia and Mattiah pillar, or lát inscriptions which agree therewith // Journal of the Asiatic Society of Bengal, Vol. VI, part II. P. 596–599.

В этом случае «имя Божие» есть синоним «нирваны», смысл коей (невзирая на Бюрнуфа, Бартелеми Сент-Илера[1069] и К° и даже на профессора Макса Мюллера) постоянно ускользал от санскритологов и толкователей буддизма. Никто еще до сей поры не понял его правильно, а судили и рядили о нем по одной *мертвой букве*.

Против этих разнородных теорий восстают самые ученые буддистские священники Цейлона, Бирмы и Сиама. В Бога как в личность, отдельную от вселенной, как в нечто индивидуальное, буддисты действительно не верят. Но их summum bonum[1070], или *нирвана*, то же что̀ *мокша* браманов. Это – окончательное соединение бесконечно малой и в разъединении ограниченной *частицы* с беспредельным и безграничным *целым*; это – вечная сознательная жизнь души в квинтэссенции божественного духа; душа же есть временно отделенная искра, привлекаемая и вновь погружающаяся в безбрежный океан пламени *Мировой Души* – первобытный источник *всего*. Но такое окончательное поглощение индивидуальной, очищенной от всего земного и греховного души «душою вселенной» (anima mundi) еще не означает исчезновения или «полного истребления» души человеческой. Объясняя нам эту теорию, молодой сингалезец Даммападжоти, весьма ученый монах, раздавил наполненный ртутью стеклянный шарик и, рассыпав его на блюдечке, стал раскачивать. Капли живого серебра отделялись, рассыпались и, едва дотронувшись друг до друга, снова сливались вместе. «Вот нирвана и ду́ши», – сказал он нам.

– Так почему же считается столь трудным достичь нирваны? – спросил кто-то из нас. – При существующем взаимном притяжении всякая душа уже в силу одной своей однородности с *Мировою Душой* должна, раз освободившись от оков земных, слиться с нирваной.

– Конечно, но это взаимное притяжение существует лишь при совершенной чистоте частицы. Взгляните, что̀ случится теперь!..

И, посыпав другое блюдечко пеплом и пылью, он обкатал шарики ртути в этой грязи, замесив ее вдобавок каплей масла… Живые дотоле крупинки под толстым слоем грязи лежали теперь на дне блюдечка неподвижно. Напрасно было прикатывать их к главной капле чистой ртути – они не сливались уже с родною каплей…

– Вот последствие земной грязи, – пояснил нам Даммападжоти. – Пока душа не очищена от последнего земного атома – не попасть ей в нирвану, не жить жизнию вечною среди божественной эссенции…

– Стало быть, вы веруете в загробную жизнь?

Даммападжоти засмеялся – и как казалось, немного презрительно.

– Верим, конечно, но стараемся избежать продолжительности оной как величайшего, хотя и справедливого несчастия, как наказания за наши грехи. Жить – значит чувствовать и страдать; не жить, но находиться в нирване есть синоним вечного блаженства…

– Но ведь этак выходит, что вы добиваетесь *уничтожения* души?..

– Нисколько; мы только добиваемся уничтожения страдания, нераздельного с частною жизнию; мы ищем достигнуть безусловного блаженства в соединении с верховною Мировою Душой. Одно целое бесконечно и совершенно; в раздроблении своем каждая частица делается и конечною, и полною несовершенств и изъяна…

Дальнейшее пояснение предоставляется метафизикам. Моя цель доказать одно: наши величайшие авторитеты играют пока философией буддизма в потемках. Вот доказательство. В первом томе своих лекций: *Щепка из немецкой мастерской* (1857 года, стр. 276 и след[ующие]) профессор Макс Мюллер в гневном ответе противнику в статье «О значении нирваны» на основании того, что слово *нирвана* означает нечто исчезающее, потухающее, как пламя догоревшей свечи, старается доказать, что одно это выражение уже безусловно разъясняет веру буддистов. «Они верят в *уничтожение* индивидуальной души, – говорит он, – и добиваются лишь одного: *перестать когда-нибудь существовать*»[1071]. В этой статье М.Мюллера Будда является не

[1069] Жюль-Бартелеми Сент-Илер (1805–1895) – французский философ, переводчик, государственный деятель; ряд его трудов посвящены буддизму и индийской философии.

[1070] высшее благо (*лат.*).

[1071] См.: *Müller M.* The Meaning of Nirvâna (1857) // *Müller M.* Chips from a German Workshop. Vol. I. New York, 1874. P. 279.

то «атеистом», не то «эгоистом» (в метафизическом смысле слова). «Он учил о блаженстве – погрузиться навеки в то, что̀ есть ничто, кроме самого себя»[1072]. Но к великому удивлению и даже огорчению своих последователей, уже свыкшихся было avec le mot d'ordre[1073] именитого учителя, что все, мол, буддисты – «атеисты и нигилисты»[1074], почтенный филолог вдруг совершает неожиданный volte-face[1075]. В 1869 году на публичной лекции в Киле, на одном из митингов «Ассоциации берлинских филологов», Макс Мюллер пред огромным собранием публики объявляет свое «давно-де уже выраженное мнение», что *атеизм не имеет ничего общего с учением Будды* и что положительно большая ошибка думать, будто *нирвана* значит *уничтожение индивидуальной души*[1076].

Кто же после этого не согласится с нами, что «великие ученые» весьма часто злоупотребляют своим авторитетом? А профессор Макс Мюллер в 1857 году был таким же авторитетом по части филологии и древних религий, как и в 1869 году. Чтобы догматически утверждать, что древние верили так, а не иначе, следует, прежде всего, вникнуть в глубину мысли этих древних, понимать не только их язык, но и своеобразную метафизику; достигнуть же этого возможно только путем сравнений между *всеми* древними философиями, так как, будучи изолированы одна от другой, философии эти являются совершенно непонятными… «Да так (пожалуй, скажут нам) поступают и наши языковеды с профессором М.Мюллером во главе». Да, но, к несчастию, они до сих пор успешно сравнивали лишь одну мертвую букву; животворящий же дух в этой туманной, спертой атмосфере современного материализма постоянно ускользал от них… Одно лишь тщательное изучение *сутр* (Sûtras) – речи Гаутамы Будды (книга I *Трипитаки*, или «Трех корзин»), а затем III книги этого же сочинения – «Система метафизики» Казиапы[1077], друга и ученика Будды (сочинение, проливающее свет на учение Будды и как бы дополняющее его), способно осветить эти потемки, известные под именем буддизма или «философии Будды»[1078]. В *сутрах* действительность объективного мира называется обманом чувств; действительность формы и всякого вещества выставляется опасною иллюзий; даже действительность самого индивида, или *я*, отвергается. Но то, именно против существования чего восстают все наши современные материалисты, то, что̀ они стараются стереть с лица земли, уверяя, что все это одни лишь бредни, ни на чем не основанные умозрения, то̀ *сутры* и признают «единственною действительностью в мире иллюзий», а «метафизика Казиапы» объясняет, почему именно оно так. Эта действительность – *духовное я* человека, ego, вполне отдельное и отличное от материи, хотя бы самой сублимированной. Одна *причинность* есть действительность, ибо эта причинность без начала, как и без конца, не имеет ни прошлого, ни будущего, но всегда существует в настоящем, а все ее действия суть одни лишь временные и второстепенные явления, «блеск молнии в океане электричества». Все проходит, все изменяется в своей объективной форме и, поддаваясь разделению времени и исчислению, все есть иллюзия, но *причинность* всего безгранична, как и бесконечна, и не может быть исчислена; стало быть, *она-то и есть действительность*.

[1072] «Nothing but itself»*, – говорит профессор. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] См.: *Müller M.* The Meaning of Nirvâna (1857) // *Müller M.* Chips from a German Workshop. Vol. I. New York, 1874. P. 284.

[1073] с лозунгом (*фр.*).

[1074] *Müller M.* The Meaning of Nirvâna (1857) // *Müller M.* Chips from a German Workshop. Vol. I. New York, 1874. P. 284.

[1075] крутой поворот (*ит.*).

[1076] См. *Trubner's American and Oriental Literary Record* (October 16, 1869). – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: Max Müller's Lecture on Buddhistic Nihilism. Delivered before the General Meeting of the Association of German Philologists, at Kiel 28th September, 1869 // Trübner's American and Oriental Literary Record, 1869, October 16. P. 563 (Лекция Макса Мюллера о буддийском нигилизме. Выступление перед общим собранием Ассоциации немецких филологов в Киле 28 сентября 1869 года // Американские и восточные литературные записки Трюбнера, 1869, 16 октября. С. 563).

См.: *Блаватская Е.П.* Разоблаченная Изида. Т. II, гл. IX.

Николай Трюбнер (1817–1884) – немецко-английский издатель, книготорговец и лингвист-востоковед.

[1077] Кашьяпа (*санскр.* Kāśyapa) – один из десяти главных учеников Будды.

[1078] См.: *Müller M.* The Meaning of Nirvâna (1857) // *Müller M.* Chips from a German Workshop. Vol. I. New York, 1874. P. 283.

Нирвана *ничто*, потому что она *все*. Парабрама – без сознании и воли, ибо Парабрама есть *абсолютное* «мировое сознание» и *безусловная воля*. Бесконечная, безначальная и беспричинная *монада* Пифагора – *первопричинность* всего; по сотворении *триады* «обитающая во мраке и молчании» *монада* возвращается в свою невидимую и неосязаемую обитель. И однако же, по Проклу[1079], она и есть «вечный Бог», и вся вселенная тяготеет вокруг *монады*. Еврейские каббалисты также указывают на своего *Эн-Зофа*[1080] как на нечто бессознательное и не обладающее волей, ибо *Эн*, или *Айн-Зоф*, есть *самопричинность*, а слово *Айн* в буквальном переводе означает отрицание последующего слова – *ничего*. «Дух не имеет образа и поэтому о нем нельзя говорить, что он *существует*», – учит книга буддистов *Праджуа Парамита* (Совершенство мудрости)[1081].

– Чтò такое нирвана? – спрашивает царь Милинда *архата* (святого) Нагазену[1082]. – Почему плоды *четырех* путей добродетели[1083] приводят к нирване? В чем состоит причинность ее существования?

– Путь, ведущий к нирване, может быть указан, но причинность ее представления никому неизвестна, – отвечает мудрец.

– Почему?

– Потому что она и есть сама причинность. То, чтò составляет нирвану, – вне всякого исчисления… Это есть тайна, недосягаемая *вне ее самой*… умом человеческим. Ее ни глаз не видит, ни ухо не слышит, ни нос не обоняет, ни язык не вкушает, ни тело не чувствует.

– Стало быть, нирвана не существует, о Нагазена?

– Великий царь! Она *не существует*, но нирвана *есть*[1084]…

Пора, однако, вернуться к миру «иллюзий» и снова заняться колонной Азоки…

[1079] Прокл Диадох (412–485) – философ-неоплатоник.

[1080] «Эйн-Соф (евр.). “Безграничный” или Беспредельный; Божество эманирующее и распространяющееся. Эйн-Соф пишется также Эн-Соф и Эйн-Суф, но никто, даже раввины, не уверен в написании гласных. В религиозной метафизике древних еврейских философов *Единый* Принцип был абстракцией, подобно Парабрахму, несмотря на то, что современные каббалисты преуспели сейчас, с помощью чистой софистики и парадоксов, в создании из него “Всевышнего Бога”, и ничего более высокого. Но у ранних халдейских каббалистов Эйн-Соф означает – “без формы и существования”, “не имеющий подобия ни с кем другим” (Франк “Каббала”, с. 126)[*]. То, что Эйн-Софа никогда не рассматривали как “Творца”, утверждает даже такой ортодоксальный иудей, как Филон, который “Творца” называет Логосом, следующим за “Беспредельным”, и “Вторым Богом”. “*Второй* Бог – это его (Эйн-Софа) мудрость”, – говорит Филон (“Вопросы и ответы на Книгу Бытия”)[**]. Божество есть **Ни-что**; оно безымянно и поэтому названо Эйн-Софом; *Эйн* означает **Ничто** (см.: Франк “Каббала”, с. 135, примечание)[***]» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 469–470).

[*] См.: *Franck A.* Die Kabbala, oder Die Religions-philosophie der Hebräer. Leipzig, 1844. P. 126.

[**] См.: «Ибо ничто смертное не может быть создано по подобию Всевышнего и Отца Вселенной, а только по подобию Второго Бога, который есть Логос» (*Philo.* Quaestiones et solutiones in Genesim, II, 62).

[***] См.: *Franck A.* Die Kabbala, oder Die Religions-philosophie der Hebräer. Leipzig, 1844. P. 135.

Цит. по: *Dunlap S.F.* Sōd: The Son of the Man. London, 1861. P. 67.

[1081] Праджняпарами́та (*санскр.* Prajñāpāramitā, «мудрость, переправляющая к совершенству», «совершенство мудрости», «совершенствование мудрости», «совершенная мудрость», «запредельная мудрость») – одна из центральных концепций буддизма Махаяны, принципиально описывающая доктрину дхарм и пустотности (шуньяты), кажущейся реальности и пути бодхисаттв. «Запредельная мудрость» является шестой парамитой («совершенством») после пяти начальных парамит щедрости, моральной дисциплины, терпения, усердия и сосредоточения. Праджняпарамита считается «персонифицированной мудростью», которой обладают будды и бодхисаттвы, и является одним из «высших достижений адепта в буддизме». В буддийской традиции существует несколько сутр, в той или иной степени описывающих доктрину запредельной или совершенной мудрости (праджни). Считается, что автором всех сутр праджняпарамиты является Будда Шакьямуни.

[1082] Вопросы Милинды (*пали* Милиндапаньха, Milinda Pañha) – буддийский текст, созданный около 100 г. до н.э., представляет собой беседы между царем Милиндой (Менандром I) и буддийским монахом Нагасеной.

Менандр I (Милинда) – индо-греческий царь с 165 до 130 г. до н.э.

[1083] Четыре благородные истины – одно из базовых учений буддизма, которого придерживаются все его школы. Четыре благородные истины сформулировал Будда Шакьямуни и кратко их можно изложить так: существует страдание; существует причина страдания – желание; существует прекращение страдания – нирвана; существует путь, ведущий к прекращению страдания, – Восьмеричный Путь.

[1084] См.: *Müller M.* The Meaning of Nirvâna (1857) // *Müller M.* Chips from a German Workshop. Vol. I. New York, 1874. P. 285–286.

XXIV

У таких памятников, как колонна Азоки, обыкновенно находятся старые пипалы (Ficus religiosa), прямые потомки *боддрумы* («древо познания»)[1085], столь излюбленного, по преданиям, основателем буддизма. Находилось такое дерево когда-то и у колонны, но его уж более нет: оно было срублено англичанами без всякой к тому причины, как и всегда. Зато в пещере показывают *Акшай-Бат*[1086] («неумирающий баниан[1087]»). Хвен-Тхсанг видел его в начале VII столетия, но в те дни дерево уже перешло из рук буддистов, а катакомбы, после векового молчания, снова огласились кликами шиваитов и опять стали театром кровавых обрядов бога-разрушителя. В дни буддистского пилигрима баниан был огромным деревом с далеко раскинувшимися зелеными ветвями и стоял у входа в главную пещеру подземного храма. А теперь от него уцелел лишь старый, почерневший пень с несколькими сухими ветками, стоящий в четвертой зале подземелья. Брамины уверяли нас, что дерево было пересажено сюда самим богом Шивою: отломав верхнюю половину ствола, он разделил его на две части – одну посадил будто бы в Гайе, а другую – в Джагернате[1088].

Мы спустились в подземные пещеры по скользкой, поросшей мхом каменной лестнице. Гордо потрясая бритою головой, голый брамин шел впереди нас, освещая нам дорогу смрадным факелом, а по обеим сторонам ступеней неподвижно сидели и стояли в разных позах факиры с нечесаными по годам и закрученными в шиньон длинными волосами, грязные, отвратительные. Настоящие аскеты никогда не сидят в людных местах, но пребывают или в уединении лесов, или же в далеко сокрытых от равнодушных глаз дворах храмов, как, напр[имер], в Джабельпуре. Посреди первой залы, низкой и с колоннами, стоял громадный, украшенный венками великолепных роз *линга*; по сторонам – ниши с расставленными в них идолами и их живописными изображениями. Каменные идолы были покрыты сыростью, и крупные капли просачивающейся воды, следы подземной реки Сарасвати, орошали почерневшие стены. При слабо мерцающем свете факела невозможно было различить надписи. Так как все уцелевшие отрывки переведены, то мы и не особенно интересовались ими. Есть сильное подозрение, что эти подземные залы находились еще в VII столетии на одном уровне с землей, но частью вследствие сырости, частью по причине веками накопившегося слоя мусора они осели и теперь находятся под землей. «Бессмертное дерево» *Акшай-Бат* упоминается как Хвен-Тхсангом, так и историками Решидом Уддином[1089] и Абу Риханом[1090], которые и указывают на него как на древнейшее дерево в Индии[1091].

Мы прошли зал двадцать, но кроме «дерева» ничего интересного не видали. За ним в стене зияет большое отверстие, ведущее, по словам брамана, до Бенареса. «Все святые, – говорил он, – отправлялись этим ходом молиться в священный город. По дороге они беседовали с Сарасвати…»

Тайному ходу мы предпочли мост через Джумну, и переехали по нему на другой берег реки. Этот мост один из великих подвигов англо-индийского инженерного искусства. Мост в два яруса, перекинутый через широчайшее место над самым слиянием двух рек, имеет 3331 фут[1092] длины по прямой линии[1093]. Экипажи и пешеходы проезжают и переходят по нижнему, а поезд железной дороги проходит по верхнему ярусу. Мы попали как раз под поезд, и чуть было не оглохли.

[1085] Бо друма, бодхи друма (*англ.* bodhi druma).

[1086] Акшай Ват (*англ.* Akshayavat, *Akshay* Vat).

[1087] Баньян (*англ.* banyan, banian).

[1088] Речь идет о городе Пури, в котором находится храм, посвященный божеству Джаганнатхи (*санскр.* Jagannātha).

[1089] Рашид ад-Дин (ок. 1247–1318) – государственный деятель, врач, историк, ученый-энциклопедист.

[1090] Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед аль-Бируни (973–1048) – персидский ученый-энциклопедист и мыслитель, автор многочисленных капитальных трудов по истории, географии, филологии, астрономии, математике, механике, геодезии, минералогии, фармакологии, геологии и др.

[1091] См.: *Keene H.G.* A Hand-book for Visitors to Lucknow: With Preliminary Notes on Allahabad and Cawnpore. Calcutta, 1875. P. 24–25.

[1092] 1015 м.

[1093] См.: *Keene H.G.* A Hand-book for Visitors to Lucknow: With Preliminary Notes on Allahabad and Cawnpore. Calcutta, 1875. P. 14.

Недалеко от вокзала железной дороги возвышаются старинные ворота со сводом, ведущие в прелестный, отлично содержимый сад. Наружные стены густо покрыты ползучими растениями и великолепными розами. В *Кушру-Баге*[1094] (сад Кушру) находятся могила и памятник принца этого имени[1095], его матери Шах-бегумы[1096] и многих других исторических лиц. Кушру был внуком великого царя Акбара и сыном раджпутки, дочери махараджи Амберского, славившейся на всю Индию своею красотой и колдовством, – последнее, быть может, потому, что она обворожила сына Акбара, Салима, мусульманина, и, прогнав других его жен, была всю жизнь его единственною женой. Как бы то ни было, но к Кушру-Багу после заката солнечного не подойдет на полверсты ни мусульманин, ни индус. Все потомство Акбара с самим царем (хотя он похоронен в Агре) собирается по ночам держать загробный *дурбар*…

Удивительно странна история всего этого царственного семейства, начиная с самого императора Акбара. Потомок парсов, которых ни в какие времена исламиты-завоеватели не успевали вполне омусульманить, Акбар был менее чем номинально магометанином. Судя по его биографии, он даже ненавидел религию Пророка; сделавшись императором Индии, он постоянно старался ослабить влияние магометанства и ввести хотя некоторые из главных элементов огнепоклонничества. Имена, выбранные им для внуков, доказывают это. Кушру или «Хозрой» («красивое лицо») – древнее имя ахеменидских царей Персии, то же что̀ и «Киаксар» или «Циаксар»[1097] классиков-греков и «Ассуер»[1098] Библии. Это столь любимое последователями Зороастра имя стало наследственным у потомков Акбара. Салим, впоследствии император с титулом Джахангира, был начальником Аллахабадского форта при последних годах жизни Акбара. Страстно привязанный к жене, принцессе Амберской, и сыну своему от нее Кушру, он находился под влиянием ее брата (по усыновлению), знаменитого в истории раджпутского раджи Мана Синга[1099]. Последний задумал возвести на престол своего племянника Кушру помимо Салима. Последовало ужасное кровопролитие, во время которого Салим с помощью другого сына (от наложницы), Кхурама[1100], завладел троном. Тогда Шах-бегум, жена его и мать Кушру, наложив страшное проклятие на мужа и всех потомков его, отравилась. Кхурам, царствовавший в Декане, зарезал впоследствии брата Кушру в 1616. Проклятие состояло в том, что разорвав над головой императора нитку жемчуга, Шах-бегум воскликнула: «Да превратится каждое зерно в год страдания, слез и смерти!.. Да погибнет последний из потомков твоих чрез столько лет, сколько падает зерен в эту минуту на твою проклятую голову!..» Жемчуга оказалось 252 зерна. Это было в 1605, и ровно через 252 года, в 1857 году, погибали расстрелянные в Дельи англичанами последние два принца этой фамилии, как рассказывают, вымазанные до экзекуции палачами свиным салом. А последний император Дельи, Абу-Зафар[1101], поэт, песни коего славятся по всей Индии, прозванный индийским Хафизом[1102], отправлялся в тот же год в изгнание и каторгу на мыс Доброй Надежды, где он и умер, конечно, не своею смертью. Не мудрено, что народное суеверие населило могилы Шах-бегумы и ее сына ужасными призраками.

Могила Кушру, – которого отец и брат, отделавшись от него, возвели в мученики, – великолепное мраморное здание с куполом, напоминающим Тадж-Махал в Агре. Сама могила под землей, а кенотаф[1103], высокий и изящный памятник, покрыт стихами. Далее четырехугольное в два яруса странной архитектуры строение – мавзолей Шах-бегумы, колдуньи. Напротив – дом и

[1094] Khusro Bagh.

[1095] Хусрау Мирза (Khusrau Mirza, 1587–1622) – старший сын императора Великих Моголов Джахангира.

[1096] Шах-бегум (ок. 1570–1605) – первая жена Джахангира.

[1097] Киаксар – царь Мидии в 625–585 г. до н.э.

[1098] Ахашверош (в Синодальном переводе – Ассуир, лат. Assuerus) – неизвестный персидский или мидийский царь, один из персонажей Книги Эсфирь.

[1099] Ман I Сингх (Man Singh, 1550–1614) – индийский военный деятель времен правления могольских падишахов Акбара и Джахангира, раджа Дхундхара.

[1100] Хуррам – будущий падишах Шах-Джахан.

[1101] Сирадж уд-Дин Абу-л-Музаффар Мухаммад Зафар, Бахадур Шах II (1775–1862) – последний падишах империи Великих Моголов (1837–1857), поэт на языке урду.

[1102] Хафиз (ок. 1325–1389/1390) – персидский поэт.

[1103] Кенотаф – надгробный памятник в месте, которое не содержит останков покойного, своего рода символическая могила.

памятник «Тамболи-бегум», то есть *Истамбули*-бегум[1104], христианской принцессы, вывезенной из Константинополя[1105] и задушенной ее соперницей. Все это густо покрыто розанами и кипарисами, а тенистые дорожки сада слывут прохладнейшим местом в Аллахабаде[1106].

На другое утро мы отправились осматривать «Ложе Ханумана» на берегу Ганги и другие курьезы Аллахабада. «Ложе» это оказалось открытою, четырехугольною и вымощенною гранитом комнатой, вырытою футов на двадцать в земле. Над ней возвышается купол на четырех гранитных столбах на 10 футов над поверхностью земли и без стен, дабы удобнее было толпе заглядывать со всех четырех сторон вниз, любуясь на спящего бога-обезьяну. Несколько широких, мрачных ступеней ведут вниз, но по ним спускаются лишь одни охраняющие покой идола браманы. Любопытнее всего, даже самого идола, является огромная и многоречивая надпись от муниципалитета на трех языках: английском, хинди и урду (язык магометан). Эта надпись строго запрещает христианам и особенно мусульманам «совершать над этою святыней индусов какие-либо кощунства, как-то: бросать камни в святилище, подходить к нему в сапогах, громко смеяться, делать непристойные, способные огорчить чувства поклонников *бога* замечания или же изъявлять *гадливость* (*squeamishness*)». (Я перевожу этот отрывок слово в слово). Невзирая на запрещение, на угрозы штрафом и даже тюрьмой, мы, дав дежурному браману одну рупию, преспокойно подошли к самым колоннам, не сняв даже обуви. Мы заглянули вниз: идол громадных размеров, футов в 20 величины, ярко-красного цвета и с короной на обезьяньей голове, почивал на спине, растопырив приподнятые колена, свернув хвост калачиком и положив щеку на ладонь левой руки, когда как другая держала скипетр. Над его носом болталась лампада, и он был весь усеян цветами. Полюбопытствовав узнать, из какого материала сделан идол, и получив ответ от брамана, что он «сделан из *ничего*», но есть притом «живое тело бога», мы не удовольствовались таким загадочным ответом. Как быть? С первого дня, как Хануман заснул в своей яме, никто, кроме посвященных браманов, никогда не сходил вниз. Бросить в спящее божество камешком и судить по звуку – преступление, предусмотренное муниципалитетом, могущее повлечь за собою штраф во 100 рупий. Тут-то наш президент как истый изобретательный янки явился на высоте дилеммы; вынув горсть медных и мелких серебряных монет и опустив руку за перила, он в виде эксперимента, но как будто нечаянно выронил *анну* (3 копейки) на живот богу, все время не спуская глаз с зорко следившего за ним брамана, который тотчас же хитро осведомился, не принести ли ее назад «саабу»? «Нет, – ответил президент, – все, что̀ упадет вниз, пусть останется приношением Хануману». Ободренный этим, полковник бросил другую монету, уже целясь. Попав прямо в нос божеству, но без ожидаемого звука, он стал затем кидать все сильнее и чаще, пока, наконец, после падения с дюжины монет, одна не звякнула, как бы ударясь о нечто металлическое. Когда он остановился, довольный этим открытием, браман предложил ему бросить еще несколько монет в рыло Хануману, умиленно повторяя, что подобная игра весьма приятна *дéву*…

От Ханумана мы пошли поклоняться «бабе Сандасси». Во избежание всякого недоразумения спешу заметить, что *баба* Сандасси не русская «баба», а индусский «дед» и даже, судя по его возрасту, весьма почтенный. Уверяют, будто ему 250 лет, а сам он говорит, что родился так давно, что забыл, когда именно. Как бы то ни было, но «баба» этот – лицо историческое и весьма уважаемое даже англичанами, которые, к удивлению народов Индии, оказались хоть раз благодарными за оказанные им услуги. Правда, их благодарность ограничилась тем, что они пока не стреляли еще «бабой» из пушки, ни разу не повесили его и даже не засадили в тюрьму, но ведь и это уж чего-нибудь да сто́ит в Индии. Они даже подарили ему квадратный камень в полтора ярда[1107] длины и ширины, на котором он сидит, не вставая, уже ровно 53 года; и тот же муниципалитет великодушно снабдил его дощечкой с надписью. Дело в том, что память о «бабе-деде» у британцев тесно связана с памятью о мятеже. В те тяжелые для них дни он многим европейцам спас жизнь, пряча их в пустое отверстие под камнем, с которого он не сходит и в

[1104] От Istanbul (Стамбул).

[1105] Princess Nithar Begum (?–1624) – жена Джахангира.

[1106] См.: *Keene H.G.* A Hand-book for Visitors to Lucknow: With Preliminary Notes on Allahabad and Cawnpore. Calcutta, 1875. P. 17–19.

[1107] 1,37 м.

котором скрывает свои талисманы и лекарства. Два раза его самого чуть не убили, но он не выдал прячущихся…

Баба – пенджабец и сикк, последователь Нанака. Неподалеку от стен форта на палящем берегу Гангеса сидит этот ныне совершенно слепой и белый как лунь старец. Гордо драпируя голое тело в кусок белой кисеи, он со своими серебристо-белыми длинными волосами в тихие, безветренные дни походит, скорее, на мраморное изваяние, чем на живое существо. Вот что̀ слово в слово написано на великодушно прибитой городским начальством дощечке шагах в шести от деда:

«Баба Сандасси, родом из Пенджаба. Человек испытанный и строгой честности, неспособный к обману. Оказал много услуг правительству. Сидит на сем камне с 5 июля 1827 года. Ослеп в 1839 году, лишившись зрения вследствие постоянного сидения на солнце и отражения лучей в воде. Прохожим запрещается тревожить его. Желающие с ним беседовать обязаны снимать башмаки и сапоги. По приказанию аллахабадского муниципалитета октября 1858 года».

Сняв обувь, мы подошли к старику и приветствовали его словами: «Да пребудет раджа Нанак с благословением божиим в *сварге* (раю)!» Такур, которого слепец, к удивлению нашему, узнал еще за десять шагов и громко приветствовал благословением, тотчас же вступил с ним в разговор. Мы узнали, что слепой сикк ест и встает с места лишь раз в сутки, в глухую полночь: при помощи своих учеников он сначала погружается в священные воды Ганги, а затем, омывшись, съедает горсть риса на молоке и, надев на плечи новый кусок кисеи, снова садится на место до следующей полуночи. Под палящим солнцем, под грозой и дождем монсуна сидит, таким образом, голый старец день и ночь с непокрытою головой, не имея даже и куска кисеи между теменем и небом. По уверению учеников его, он никогда не спит; по крайней мере, никогда и никто из них не видал его лежащим, а если он и спит (чего ученики его, впрочем, не допускали), то спит с открытыми глазами и сидя, не имея возле себя и жерди на что̀ бы облокотиться. Куски кисеи, которые он никогда не носит на плечах более одного дня, продаются иногда за большие деньги жителям, крепко верующим в их целебное свойство, после того как они побыли целые сутки на теле сикка. Вырученные деньги поступают в сиротское заведение, которое сикк содержит единственно на собственный счет; в это заведение принимаются безразлично дети всякого вероисповедания; их бывает иногда до 300. Туда же поступают и все другие приношения деньгами и вещами, щедро расточаемые на аскета, потребности коего состоят ежедневно в рисе, молоке да в пяти аршинах[1108] белой кисеи. Часто после продолжительного самосозерцания он обращается к тому или другому из учеников и посылает его иногда за несколько миль в леса за известными предметами, как-то: за корнем какого-либо растения, за цветком или камушком, снабжая его при этом подробнейшими инструкциями. Так один раз, когда жена коллектора, заболев злокачественным вередом[1109] на ноге, совсем уже умирала и английские врачи собирались было резать ей ногу, угрожая в противном случае гангреной и смертью, больная в отчаянии прислала мужа посоветоваться с «дедом». Супруг был атеистом и скептиком и сикку верил не более, чем своему пастору. Однако пошел, отправясь к нему как новый Никодим[1110] ночью. Не успел он даже начать объяснения, в чем дело, как «дед» прервал его, посылая назад домой: «Твоей “мэм-сааб” сделалось хуже, ты должен тотчас же спешить к ней (говорил слепой) и дать ей нюхать целую ночь до утра вот эту траву, а рано утром на другой день ты получишь от меня (сикка) мазь, которая и вылечит ногу твоей жены».

Озадаченный коллектор взял траву, какой-то сухой, вымоченный тут же в Ганге пучок, и, вернувшись, нашел весь дом в смятении: его жена умирала, если уже не умерла. Забыв весь скептицизм, коллектор поднес ей под нос траву, и коллекторша очнулась, а к утру спокойно уснула. Между тем, «дед» подозвал старшего ученика (который и рассказывал нам это происшествие), приказал ему перейти вброд рукав Джумны, войти в лес, направо, следуя по третьей тропинке, сосчитать двадцать три манговых дерева и под двадцать четвертым к югу и у

[1108] 3,5 м.

[1109] Веред (*устар.*, *прост.*) – нарыв, фурункул, чирей.

[1110] Никодим – упоминаемый в Евангелии от Иоанна фарисей, член синедриона, тайный ученик Иисуса Христа. В 3 главе Евангелия от Иоанна описывается тайный визит Никодима ночью к Иисусу.

самого корня дерева *искать*. Там, вершка на два[1111] под землей, в покинутом муравейнике, он найдет тигровый коготь, который и должен принести. Ученик отправился и, сделав все, как было приказано, принес коготь учителю. Сикк велел сперва обуглить коготь на огне, затем истолочь в мелкий порошок и, прибавив разных трав, сделал из него мазь и послал к коллектору с инструкциями. Через неделю «мэм-сааб» пришла сама благодарить слепого старика[1112]…

Все, с кем мы только ни говорили о сикке, отзывались о нем с величайшим уважением, а индусы и даже мусульмане – с благоговейным страхом.

[1111] 9 см.

[1112] Это происшествие нам было подтверждено сестрой коллекторши. Через три дня рана, не поддававшаяся никаким известным науке лекарствам, зажила совершенно. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

XXV

Народы Индии не делают ничего вполовину: они или величайшие фанатики, или же безусловные атеисты. Их любовь, как и ненависть, безгранична, и когда индус назвал вас без принуждения «братом» или «другом», то это не пустая фраза. Все наши спутники были «реформаторами» (как их здесь называют) и давно порвали все связи с браманами и сектами, но зато все до одного были мистиками, верующими в высшее духовное развитие человека, убежденными, что такое развитие способно поставить последнего почти на уровень с божеством, если только он того достоин. Но вместе с грубыми фанатиками и образованными, в высшей степени экзальтированными (подобно Нараяну) мистиками к толпе «свободных мыслителей» (как они себя величают) с каждым годом из рядов учащейся молодежи прибавляются новобранцы школы Чарлза Брадло[1113] и Луиса. За последнее десятилетие под «благодетельным» влиянием (скорее, чисто английского, нежели западного) воспитания происходит нечто феноменальное: все учащееся в городских школах и коллегиях юное поколение выпускается из оных безвозвратно атеистическим. Исключения чрезвычайно редки.

Политика Англии – никогда и ни под каким предлогом не мешаться в чисто религиозные вопросы завоеванной страны. Можно, конечно, подозревать, что такое правило является следствием скорее трусливости, чем либерализма правительства, но в одном отношении оно оказывается весьма разумным: оно до некоторой степени служит «бальзамом» для наболевших политических ран страны. Под разными вариантами англо-индийские газеты, с *Pioneer* во главе, постоянно напоминают читателям, что «британское правительство *совершенно неспособно* когда-либо ввести элемент религиозного ханжества в область своей твердо обрисованной политики».

Следуя золотому правилу, а также, быть может, и для того, чтобы не оскорбить «христианских чувств» своих сановников, все места президентов, директоров и «принципалов»[1114] туземных коллегий отдаются тщательно выбираемым с этою целью отъявленным материалистам. Так как по своему серьезному и ответственному значению такие должности всегда и важны и доходны, то понятно, что их приберегают единственно для англичан; туземцу, будь он в тысячу раз ученее своего принципала, такое положение недоступно.

С другой стороны, миссионерам разных сект, имя коим здесь легион, не дозволяется вход в коллегии. Вследствие вышесказанной политики они вращаются в самых подонках общества, между париями и не допускаемыми в браманские секты *мангами*. В постоянной борьбе и ссорах между собою они, – дабы насолить друг другу, буквально *покупают* обращенных: парии и манги, все до единого, или чертопоклонники, или без всякой религии, – обратятся за деньги, а часто и из-за куска хлеба во чтò угодно. Можно наверное сказать, что нет ни одного обращенного в христианство индуса, который бы не был вором, мошенником, горьким пьяницей, а подчас и убийцей. Миссионерство в Индии – величайшая профанация христианства. Ни одно европейское семейство ни за какие блага не наймет в услужение *обращенных*. Миссионеры открывают свои собственные школы, но эти школы, как и результаты оных, – один только фарс. Падкие на даровое учение, индусы посылают к *падре* своих детей только от пяти- до семи-, много до восьмилетнего возраста; после этого едва выучившихся читать детей обыкновенно женят или выдают замуж; раз вступивших в брачное состояние юных супругов, конечно, трудно заманить назад в школы. Надежды на добровольное обращение разлетаются в прах…

Еще безотраднее постановка этого дела у католиков. Основанная на собственные средства богатая иезуитская коллегия Св. Ксаверия[1115] в Бомбее вместо того, чтобы просвещать народ, рассеивать мрак невежества и поучать юных язычников, окончательно сбивает их только с толку. Воспитанники пресловутой коллегии выходят из нее, правда, с полнейшим презрением к вере и обычаям своих предков – обыкновенная система и хорошо известная уловка сынов Лойолы, но зато они питают еще сильнейшую, если возможно, ненависть к римско-католической, если не к

[1113] Чарльз Брэдлоу (Bradlaugh, 1833–1891) – английский философ, политический деятель, основатель Лиги свободомыслящих, где проповедовались атеизм и республиканские идеи.

[1114] начальников (*англ.* principal).

[1115] Франциск Ксаверий (1506–1552) – католический святой и миссионер, один из основателей Общества Иисуса (ордена иезуитов), был первым католическим миссионером в Японии.

христианской вере вообще. Не находя возможности прибегать в Английской Индии к столь излюбленным ими насильственным обращениям, отцы-иезуиты являются здесь под такою циническою, отвратительною оболочкой, так грубо извращают и без того шаткие понятия туземных мальчиков о правде и чести, что под их якобы *христианским* управлением в итоге получаются еще худшие результаты, чем под вольнодумною дирекцией таких ученых атеистов, как «принципалы», например, Бомбейской и Лагорской коллегий. В прошлом году один из них постоянно внушал своим давно уже свихнувшимся на Гёксли и Тиндале воспитанникам знаменитое изречение профессора Клиффорда[1116]: «Если справедливо называть какую-нибудь доктрину безнравственною, то как на самую безнравственную справедливее всего указать на ту, которая признает, что провидение или судьба вне нас самих может преодолеть человека»[1117], или другими словами, признает какую-либо силу выше силы самого человека. Критики попрозорливее других старались объяснить напирание профессора на эту фразу политическою целью. «Англичане (говорил мне один юноша, ядовито улыбаясь) задумали хитрую штуку; они, видимо, желают внушить нам идею, что они и только *они одни* – провидение и всемогущая, всесокрушающая, как и вновь созидающая, длань, управляющая судьбами наших народов. От наших богов, как и от Бога *падре*, нам, видимо, ожидать нечего»…

Поэтому с психологической точки зрения Индия представляет необычайно интересное зрелище. За исключением горсти «реформаторов» она разделяется на два враждебных друг другу лагеря: *фанатиков* и *ультра-скептиков*. Первые, полные религиозного суеверия, видят божество во всем: в тигре, в корове и ее хвосте, в дереве, вороне и во всякой гадине; вторые, не менее полные того, чтò позволяю себе назвать *суеверием научным*, отрицают все, кроме материи. То, чтò их предки считали за бессмертную душу, в том «юная Индия» видит лишь результат взаимодействия углерода, водорода, кислорода и азота, нечто существующее лишь вследствие комбинаций этих элементов и исчезающее с исчезновением причин, то есть газов. Человек – дитя *космического газа*, «огненного облака», повторяют они за Тиндалем; в нем «не только более грубые образы бытия, не только восхитительный и чудный механизм человеческого тела, но даже сам человеческий разум, ум, воля и все их явления… вся наша философия, вся наша поэзия, вся наша наука и все наше искусство, Платон, Шекспир, Ньютон, Рафаэль[1118] – все это находилось в нем в сокровенном и потенциальном состоянии»[1119]…

«Чудны творения твои, о Тиндаль!..» – хором восклицают юные индусы, поклоняясь этому светилу науки.

Но со всем этим обе партии, как ортодоксальная, так и атеистическая, глухо враждебны к своим правителям. Партия ярых, до безумия экзальтированных браманами *фанатиков*, само собою разумеется, никогда не помирится в душе с правительством, которое дает им в собственной их стране лишь отрицательные преимущества над миссионерами ненавистной им религии. Лагерь *материалистов*, ежегодно подкрепляемый целыми партиями блистательно кончивших курс индусов, выброшенных в океан житейский этими университетами и коллегиями буквально без ладьи и компаса, без надежд в этой жизни, – вследствие устраняющей их от всякого участия в управлении страной политики и без надежд на жизнь будущую, в которую наши азиатские

[1116] Уильям Кингдон Клиффорд (1845–1879) – английский математик и философ.

[1117] *Fortnightly Review,* December, 1874, p. 730. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: *Clifford W.K.* Body and Mind // Fortnightly Review, Vol. XXII, December, 1874. P. 730 (*Клиффорд У.К.* Тело и разум // Fortnightly Review, 1874, т. XXII, декабрь. С. 730).

Цит. по: *Elam C.* Winds of Doctrine: Being an Examination of the Modern Theories of Automatism and Evolution. London, 1876. P. 2 (*Элам Ч.* Ветры доктрины: исследование современных теорий автоматизма и эволюции. Лондон, 1876. С. 2).

Чарльз Элам (1824–1889) – английский врач, физиолог, критиковал теории Дарвина, Гексли, Спенсера и Тиндаля.

[1118] Рафаэль Санти (1483–1520) – итальянский живописец, график и архитектор.

[1119] *Scientific Use of the Imagination,* by Prof. Tyndall. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: *Tyndall J.* The Scientific Use of the Imagination. London, 1870. P. 31 (*Тиндаль Дж.* Научное использование воображения. Лондон, 1870. С. 31).

Цит. по: *Elam C.* Winds of Doctrine: Being an Examination of the Modern Theories of Automatism and Evolution. London, 1876. P. 26.

поклонники европейских «апостолов разума» стыдятся веровать (как то делали их «глупые предки»). Им остается в жизни нуль. Поэтому мы их и застаем в последней четверти XIX века перефразирующими на все лады известное изречение эпикурейцев[1120]: «Станем есть, пить и веселиться… ибо завтра все мы превратимся в угольную кислоту, воду и аммиак!»

Позволяя себе это предисловие, я не отступаю от моего рассказа. Я только желаю представить русским читателям Индию такою, какою ее сделала Англия, и приготовить их этим самым к яснейшему пониманию рассуждения, в которое мы не раз вступали с учеными пандитами[1121]. Узнав о нашем приезде, эти пандиты и туземные философы стали приходить к нам целыми партиями; некоторые из них приехали нарочно для свидания с нами из Бенареса. Все они говорили превосходно по-английски; все, подобно нашему другу Шамраò, начитались Молешота и Бюхнера[1122], знали на память и, главное, понимали Герберта Спенсера, Луиса и Джона Стюарта Милля; бредили Гёксли и Тиндалем и поклонялись Дарвину в лице его пророка Геккеля.

Они не сумели, как наш наивный Шамраò, выбрать из этого ученого сумбура наиболее подходящие к древним философиям своей родины идеи, отбросить все остальное и остаться при собственном мнении. Они не сохранили даже и искры той неугасимой и несокрушимой веры, которой не потушить никаким Бюхнерам: веры в верховную силу и загробную жизнь. Как ни искажаема подчас эта вера, как ни смешон порою бедный, недоучившийся и вместе переучившийся какой-нибудь Шамраò, величающий свой винегрет из Ману и Геккеля «новейшею религиозною философией», но, слушая ученые бредни аллахабадских и бенаресских пандитов, мы не раз в душе делали сравнение и, конечно, не в пользу последних.

Вернувшись от бабы Сандасси, мы нашли у профессора Баттачарии огромное общество пандитов. Они просидели с нами в саду далеко за полночь. Мы приехали из Америки изучать философию их древних и современных религий, а они пришли таращить с неподдельным изумлением глаза на «западников», имеющих глупость и безумие предпочитать Капилу и Патанджали – Гёксли и Тиндалю, философию Ману и буддизм – позитивизму Огюста Конта[1123]. Отказавшись от всякой веры, они, однако же, не посмели отказаться от касты и ее требований. Стыдясь носить даже затаенный образ какого-либо божества в глубине сердца, они беззастенчиво выставляли половые символы Шивы и Вишну красною и белою краской на лбах. Они смеялись над всем божественным и вместе с тем страшились людей и общественного мнения. Не так ли зачастую бывает и у нас в Европе?..

Разговор, конечно, зашел об их древней философии, о риши, йогах и аскетах. Пандиты вполне распоясались и с гордостью, достойною лучшего дела, стали раскрывать пред нами все нравственные язвы, нанесенные, а затем постоянно растравляемые в них одною и тою же искусною рукой их английских «принципалов». «Неужели нас могли интересовать бредни древних метафизиков и богословов? – спрашивали они. – Кто же, кроме ханжей, факиров да полоумных аскетов, может еще видеть какое-либо значение, напр[имер], в тройном божестве? Баба Сандасси – старый дурак, а факиров, лезущих для очищения от грехов в Гангу и остающихся

[1120] Эпикуреизм (эпикурейство) – философское учение, исходящее из идей Эпикура и его последователей. Согласно ему, высшим благом считается наслаждение жизнью, которое подразумевает отсутствие физической боли и тревог, а также избавление от страха перед смертью и богами, представляющимися безразличными к происходящему в мире смертных.

Эпикур (342/341–271/270 до н.э.) – древнегреческий философ, основатель эпикуреизма в Афинах («Сад Эпикура»).

[1121] *Пандит* – ученая степень в Индии, соответствующая степени доктору философии. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Панди́т – в Индии почетное звание ученого брахмана, а также человека высокообразованного в области классической индийской литературы на санскрите. Брахман, названный пандитом, занимается повседневной религиозной практикой, помогает людям разных каст в изучении религиозных основ индуизма, проведении ритуальных мероприятий, назначении даты свадьбы, момента зачатия ребенка на основе индийской астрологии. Является также почтительной формой обращения к лицам из касты брахманов.

[1122] Якоб Молешотт (Moleschott, 1822–1893) – итальянский физиолог и философ, представитель вульгарного материализма.

Людвиг Бюхнер (1824–1899) – немецкий врач, естествоиспытатель, крупнейший представитель материалистического направления в европейской философии.

[1123] Огюст Конт (1798–1857) – французский философ, родоначальник позитивизма.

под водой, рискуя в ней утопиться, пока они трижды не прочтут *мантры*, правительству следовало бы засадить в рабочий дом»…

Наши доводы и противоречия ужасно раздражали некоторых из них. Один статный индус, драпированный в белую с золотом шаль, с золотыми кольцами на всех пальцах ног, огромным знаком Вишну на лбу и в золотом pince-nez[1124] (!) обратился, наконец, ко мне уже с прямым вопросом: «Неужели я, прожив так долго в Америке, родине Томаса Пена[1125], верю еще в какое-либо божество?»

– Признаюсь, верю и вовсе не каюсь в такой невежественной слабости, – последовал мой ответ.

– И в «душу» человека? – переспросил он со сдержанною усмешкой.

– Да, и в душу; и как ни удивительно, даже в *бессмертный* дух…

Юный магистр, нервно заиграв кольцами на ногах, обратился с новым вопросом, довольно на этот раз оригинальным:

– Стало быть, по-вашему, Гёкели – шарлатан и глупец?

В свою очередь мне пришлось вытаращить глаза.

– Это почему же?.. – осведомилась я у «pince-nez».

– Потому что или он, признанный всеми авторитет, знает, о чем он говорит, или же он шарлатан, рассуждающий о том, чего не понимает…

– Гёкели, – сказала я, – как натуралиста, физиолога и ученого не только признаю, но и преклоняюсь пред его знанием, уважая в нем одного из величайших авторитетов нашего времени, то есть во всем касающемся чисто физических наук, но как о философе имею о нем весьма невысокое мнение.

– Но ведь против логических выводов, основанных на *фактах*, трудно идти… Вы читали его статью в *Fortnightly Review* об «автоматизме человека»?

– Кажется, что читала… и кой-что запомнила из его удивительных софизмов… Но чтò ж о ней?

– Вот чтò. Профессор в ней *неоспоримо* доказал, что человек не более как сознательный и сознающий себя *автомат*[1126], добавляя к этому в своих *Lay Sermons*, что человек – «хитрейший из часовых приборов природы»[1127], но не более.

Мне немного начинал надоедать этот спор; я взглянула на Гулаб-Лалл-Синга. Тот сидел, нахмурив брови, не мешаясь до этого времени в разговор. Зная его презрение к современному материализму, мне захотелось втянуть и его в спор. Как бы поняв мою мысль, он тут же поспешил мне на помощь.

– Позвольте мне отвечать вам за нашу гостью, пандит-саиб. Я прочел упоминаемую вами статью очень недавно и у меня, может быть, сохранились свежее в памяти ученые софизмы Гёкели; я готов привести вам самые резкие из них. Действительно, Гёкели называет человека «автоматом» и «часовым прибором природы»… Но дело не в самом выражении, а в том, успел ли он доказать то, чтò говорит? Я говорю и докажу, что не только не успел, но что он самым ребяческим образом противоречит своим словам…

[1124] пенсне (*фр.*).

[1125] Томас Пейн (Paine, 1737–1809) – англо-американский писатель, философ, публицист, представитель политического и религиозного рационализма, автор труда «Век разума», проникнутый идеями деизма и верой в торжество разума.

[1126] *Fortnightly Review*, November, 1874, p. 577. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: *Huxley T.H.* On the Hypothesis that Animals are Automata, and its History // Fortnightly Review, Vol. XXII, November, 1874. P. 577 (*Гексли Т.Г.* О гипотезе, что животные являются автоматами, и ее истории // Fortnightly Review, 1874, т. XXII, ноябрь, 1874. С. 577).

Цит. по: *Elam C.* Winds of Doctrine: Being an Examination of the Modern Theories of Automatism and Evolution. London, 1876. P. 17.

[1127] *Lay Sermons*, p. 164. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: *Huxley T.H.* Lay Sermons, Addresses, and Reviews. London, 1871. P. 164 (*Гексли Т.Г.* Светские проповеди, речи и рецензии. Лондон, 1871. С. 164).

Цит. по: *Elam C.* Winds of Doctrine: Being an Examination of the Modern Theories of Automatism and Evolution. London, 1876. P. 3.

«Pince-nez» просто подскочил при таком кощунстве против науки.

– Как? где?.. великий Гёксли противоречит себе?.. Укажите и объясните…

– Если позволите, объясню и укажу и, право, это не будет стоить большого труда. Вы забываете, что сокрушив достоинство человека эпитетом «автомат», быть может, из сожаления к недозревшей до его великих идей публике, к маленьким слабостям меньшей и *неученой* братии, то есть тех, которые (говоря языком Герберта Спенсера) «не поспевают за современным быстрым движением завоевателей на почве естественной истории и поэтому отстают от физических наук»[1128], – Гёксли тут же снисходительно добавляет нечто весьма странное. Называя человека «автоматом», он между тем великодушно допускает, что эта машина «одарена *до известной степени* свободною волей, так как во многих случаях человек способен поступать согласно с собственными желаниями»[1129]. Не так ли, если помните?

– Кажется, так… – смущенно заявляет «pince-nez».

– А если так, то мы должны думать, что эта оговорка является лишь ради общего предрассудка и подносится профессором публике в виде сахара на горькой пилюле, потому что ведь иначе выходит, что наш Гёксли, величайший из современных ученых, просто противоречит сам себе… И, однако, даже и вы должны согласиться, что человек одарен свободною волей?..

– Конечно. Но в чем же вы видите тут такое великое противоречие?..

– Неужели же вам не совершенно ясно, что этим добавлением, этою, по-видимому, простою оговоркой, Гёксли вроде японского самоубийцы сам накладывает на себя, как и на свою теорию, руки и что так ловко придуманное им выражение «автомат» является через эту несчастную для него оговорку чистою нелепостью?.. Сперва, по его уверению, человек в буквальном смысле и не менее лягушки и кролика есть не чтò иное, как не обладающий никакою собственною волей «автомат»; затем допускается, что этот автомат в известных случаях может поступать по собственному усмотрению и, наконец, что его «*воля* должна приниматься как условие, влияющее на течение дел» (*Phisycal Basis of Life*)[1130]. В итоге получается то, что человек остается после этого ученого объяснения тем же, чем всегда был, то есть *мыслящим и одаренным свободною волей существом*. Этот одаренный свободною волей «автомат» является интересною и, конечно, неожиданною новостью в области физических наук, как заметил его оппонент Dr. Элам. Потому что ведь ни скептику, ни верующему никогда не может придти в голову, что свободная воля есть что-либо иное, кроме простого свойства поступать по собственной воле[1131]!.. Таким образом, «автомат» рассыпается в прах, и мы видим, что Гёксли недурно было бы поучиться логике у нашего Канады и других философов, которых вы так презираете.

– Прекрасно… положим, что в этом вы правы… – бормотал огорошенный магистр. – Но вот возьмем другой пример… Тиндаля, который говорит существенно то же самое: «Материя и только одна материя содержит в себе все обещания, все могущество земного бытия!» – объявлял он в 1874 году пред отборнейшею и ученейшею публикой в мире на Белфастском собрании[1132]. Это счастливое выражение: «In matter I discern the promise and potency of all terrestrial life»[1133], вызвав

[1128] *Elam C.* Winds of Doctrine: Being an Examination of the Modern Theories of Automatism and Evolution. London, 1876. P. 24–25.

[1129] *Fortnightly Review,* ibid., стр. 577. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: *Huxley T.H.* On the Hypothesis that Animals are Automata, and its History // Fortnightly Review, Vol. XXII, November, 1874. P. 577.

Цит. по: *Elam C.* Winds of Doctrine: Being an Examination of the Modern Theories of Automatism and Evolution. London, 1876. P. 17.

[1130] См.: *Huxley T.H.* On the Physical Basis of Life. New Haven, Connecticut. 1870. P. 34 (*Гексли Т.Г.* Физическая основа жизни. Нью-Хейвен, Коннектикут. 1870. С. 34).

Цит. по: *Elam C.* Winds of Doctrine: Being an Examination of the Modern Theories of Automatism and Evolution. London, 1876. P. 19.

[1131] См.: *Elam C.* Winds of Doctrine: Being an Examination of the Modern Theories of Automatism and Evolution. London, 1876. P. 17.

[1132] Речь идет о вступительной речи Дж. Тиндаля на открывшемся 19 августа 1874 г. в Белфасте 44-м съезде Британской ассоциации содействия прогрессу науки, которая была впервые напечатана в журнале «Nature» (1874, №251, 20 августа).

[1133] «В материи я распознал перспективу и могущество всей земной жизни» (*англ.*).

на Тиндаля злобу всех отсталых фантазеров, облетело теперь весь свет… Оно сделалось настоящим лозунгом физики!..

– Но только совершенно напрасно привело в трепет ужаса весь верующий мир, можете добавить. Подобно Гёкели, Тиндаль в другой лекции сам опровергает свое «счастливое выражение». Не угодно ли вам заглянуть в его *Scientific Materialism*[1134], ответ на критику (Dr. Мартино[1135]) этого самого, поднявшего мир на дыбы выражения. Там он совершенно ясно сознается в том, что наше «внутреннее сознание» (*consciousness*) принадлежит «совершенно к *другому* классу явлений, соотношение коего с физическою наукой *немыслимо*» (?!), и тут же, разделяя явления природы уже на *два*, а не на *один* класс, почтенный материалист начинает рассуждать о той (между обоими классами) бездне, перешагнуть которую невозможно и которая так и «останется навеки *непроходимою* в умственном смысле (*intellectually impassable*)»[1136]. Увы! где же оно теперь? Куда девалось это пресловутое всемогущество его материи?..

Пандиты переглядывались. Видно было, что нашла коса на камень. Слышать, как двух таких патриархов науки, каковы Гёкели и Тиндаль, обвиняют в том, что они сами еще не знают того, чему желают учить других, и не быть в состоянии заступиться за этих пророков положительных наук и грустно и обидно. Наша партия торжествовала…

– А теперь, – продолжал Такур, – позвольте и мне, в мою очередь, цитировать слова другого не менее ученого и столь же известного, как и те двое ученых, натуралиста – в подтверждение шаткости их теорий. Вспомните, что̀ говорит Дюбуа-Реймон[1137] о явлении сознания: «Совершенно и навеки остается непостижимым, чтобы данное количество атомов углерода, водорода, азота и кислорода могли являться науке иначе, как безусловно пассивными (indifferent) к своему положению и движениям, и это в прошлом, настоящем, как и в будущем»[1138]. Эти слова, вдобавок, цитируются самим же Тиндалем[1139]. И к ним уже в собственных словах он добавляет следующее: «Непрерывность (continuity) между молекулярными процессами и явлениями сознания… *скала*, на которой материализму суждено неминуемо разбиваться при каждой его претензии считаться полною философией человеческого мышления»[1140]… И, несмотря на такое полное сознание в одной статье, он в другой статье «О научном материализме» (стр. 419), не запинаясь, рассуждает об «отношениях физики к сознанию» как о чем-то *«неизменном»* и положительном[1141]…

См., например: Advancement of Science. The Inaugural Address of Prof. John Tyndall, Delivered Before the British Association for the Advancement of Science, at Belfast, August 19, 1874. New York, 1874. P. 77 (Развитие науки. Вступительная речь профессора Джона Тиндаля, произнесенная перед Британской ассоциацией содействия прогрессу науки в Белфасте 19 августа 1874 года. Нью-Йорк, 1874. С. 77).

Цит. по: *Elam C.* Winds of Doctrine: Being an Examination of the Modern Theories of Automatism and Evolution. London, 1876. P. 14.

[1134] «Научный материализм» (*англ.*).

[1135] Джеймс Мартино (1805–1900) – английский религиозный философ, наиболее влиятельный в истории унитаризма.

[1136] *Tyndall J.* Scope and Limit of Scientific Materialism // *Tyndall J.* Fragments of Science. London, 1871. P. 121 (*Тиндаль Дж.* Возможности и пределы научного материализма // *Тиндаль Дж.* Фрагменты науки. Лондон, 1871. С. 121).

Цит. по: *Elam C.* Winds of Doctrine: Being an Examination of the Modern Theories of Automatism and Evolution. London, 1876. P. 14.

[1137] Эмиль Генрих Дюбуа-Реймон (1818–1896) – немецкий физиолог, философ, представитель механистического материализма.

[1138] *Du Bois-Reymond E.* Ueber die Grenzen des Naturerkennens. Leipzig, 1872. P. 26 (*Дюбуа-Реймон Э.* О пределах познания природы. Лейпциг, 1872. С. 26).

[1139] *Fortnightly Review,* November, 1875, p. 585. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: *Tyndall J.* «Materialism» and Its Opponents // Fortnightly Review, Vol. XXIV, November, 1875. P. 585 (*Тиндаль Дж.* «Материализм» и его оппоненты // Fortnightly Review, 1875, т. XXIV, ноябрь. С. 585).

Цит. по: *Elam C.* Winds of Doctrine: Being an Examination of the Modern Theories of Automatism and Evolution. London, 1876. P. 14–15.

[1140] *Tyndall J.* «Materialism» and Its Opponents // Fortnightly Review, Vol. XXIV, November, 1875. P. 575.

Цит. по: *Elam C.* Winds of Doctrine: Being an Examination of the Modern Theories of Automatism and Evolution. London, 1876. P. 15.

[1141] *Tyndall J.* Scientific Materialism // *Tyndall J.* Fragments of Science. London, 1876. P. 419.

– В этом его поддерживают все другие авторитеты науки… – уже робко ввернули слово пандиты, – и Вирхов[1142] тоже…

– Далеко не все, – перебил полковник спорщиков, – а только некоторые, да и те в умеренном числе.

– И, право, требуется не более самого поверхностного знакомства с физиологией и патологией, – добавил Гулаб-Лалл-Синг, – чтобы придти к убеждению, что не только «неизменного», но даже и исключительного отношения очень мало найдется между чистою физикой и даже физиологией, а не только что между чисто психическими явлениями… Что же касается Вирхова, то он, отделав *Антропогению* Геккеля, в то же время (хотя и косвенно) отделал и тех, кто так горячо поддерживали это сочинение при его появлении[1143].

– Очень жаль, – буркнул пандит в pince-nez, – потому что в таком случае Вирхов идет против авторитета одного из величайших мыслителей своей родины, именно против Бюхнера. А ведь сам же Бюхнер говорит в *Kraft und Stoff*[1144] (стр. XXVII, предисловие): «Натуралисты все давно *доказали*, что за исключением сил физических, химических и механических *нет других сил в природе*»[1145].

– Не сомневаюсь, что Бюхнер это говорит, как и в том, что у вас отличная память, – насмешливо ответил Такур. – Да то ли еще он говорит! Вот, например, он как бы повторяет слова нашего Ману: «Материя – начало всего существующего; все естественные и умственные силы природы присущи ей» (стр. 32); «Природа, всезарождающая и всепожирающая, есть собственное начало и конец, рождение и смерть. Она произвела человека собственным могуществом и берет его к себе назад…» (стр. 88)[1146]. Но Ману, говоря то же самое[1147], одним простым заявлением, что все *видимое* зарождается от *невидимой*, но *сознательной* силы, стоит в отношении логики, как и философии, стократ выше всех Бюхнеров, прошлых и будущих. Что некоторые естественники и так называемые философы *уверяют* нас, будто кроме этой тройной материальной силы нет других сил в природе, то это всякому известно. Но чтоб они когда-либо *доказали* свои гипотезы прямым подтверждением науки, это я положительно отвергаю…

– Но неужели же нам в XIX столетии предпочитать Бюхнеру и Гёксли – Ману?

– Если Ману, в сущности, учит тому же, что̀ и западные современные ученые, так почему бы и нет? Вы не можете не согласиться, что Ману *предупреждает* в своем учении почти все то, что̀ проповедуют теперь свету гг. эволюционисты – «апостолы разума», выдавая свои теории за нечто совершенно новое. Если же Ману успевает еще и в том, на чем обрываются эти апостолы материи и поэтому отрицают оное, то есть если он логически доказывает необходимость связи между

[1142] Рудольф Вирхов (1821–1902) – немецкий ученый и политический деятель, врач, патологоанатом, гистолог, физиолог, археолог, антрополог и палеонтолог.

[1143] Речь идет выступлении Р.Вирхова на съезде естествоиспытателей в Мюнхене в 1877 г. с речью «О свободе науки в современном государстве» в ответ на доклад Э.Геккеля «О современном состоянии учения о развитии и его отношении к науке в целом».

[1144] «Сила и материя» (*нем.*).

[1145] *Büchner L.* Force and Matter. London, 1870. P. XXVII (*Бюхнер Л.* Сила и материя. Лондон, 1870. С. XXVII).

Цит. по: *Elam C.* Winds of Doctrine: Being an Examination of the Modern Theories of Automatism and Evolution. London, 1876. P. 16.

[1146] *Büchner L.* Force and Matter. London, 1870. P. 32, 88.

Цит. по: *Elam C.* Winds of Doctrine: Being an Examination of the Modern Theories of Automatism and Evolution. London, 1876. P. 12.

[1147] «Из собственной его (Брамы) эссенции сгущается мировой эфир – материализация его воли, видимая и невидимая, осязаемая и неосязаемая материя, разлагающаяся по его дуновению на *огонь, воду, землю* и *воздух*. Из паров земных (дыхание Брамы) зарождаются все твари и вещества, органические и неорганические, из семени, брошенного в землю, оплодотворенного божественным духом и зародившегося из его собственного бесконечного и безначального вещества – всемирного семени» (*Шлока*, XV)… «Дав миру время развиться по законам перерождения (эволюции), верховный властелин, оплодотворяющий после каждой *пралайи* (периодического мирового разрушения или, правильнее, исчезновения мира из объективного в субъективный) лучезарное яйцо природы, по окончании своих перерождений (трансформаций) снова погружается в душу вселенной – Парабраму» (*Ману*, книга I)[*].

Брама – мировое воплощение Парабрамы, бог в образе природы. Невидимый и без всякого образа дух оживотворяет лишь лучезарное чрево (яйцо), из которого и появляется двуполый Брама, или творческая сила Парабрамы, при начале каждого нового цикла. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] См.: Законы Ману, I, 75–80.

духом и материей и устами Патанджали[1148] подтверждает эту связь экспериментальными демонстрациями над самою двоякою природой человека – этого высшего тайника духа и материи, – то я положительно утверждаю, что Ману стоит несравненно выше современной науки, по крайней мере, во всем касающемся как чисто духовной природы, так и физиологии человека.

– Вы нам, кажется, советуете вернуться к идолопоклонству? – последовал иронический вопрос.

– Нисколько. Наши древние философы никогда не учили нас поклоняться идолам. К тому же и советовать вам это было бы напрасно, когда вы и без того воздаете честь Вишну и Шиве и другим богам, до сих пор еще не стерев их знаков с вашего лица… Если уж вы решили раз откинуть все обычаи старины, то почему же вы не расстаетесь и с этими языческими знаками?

– Это… это обычай касты… и не имеет ничего общего с верой в идолов, – бормотали переконфуженные пандиты.

– Как не имеет? Неужели вы забыли или никогда и не знали, что касты, по учению браманов, основаны самими богами; что боги первые подчиняются касте и лица идолов украшаются ежедневно каждое знаками своей особенной секты? – неумолимо преследовал их Такур.

– Но ведь и наши лучшие философы, – спорили пандиты, – вероятно, носили эти знаки… Если мы верим Дарвину и Геккелю, то, быть может, лишь потому, что эти ученые дополняют и окончательно развивают материалистические воззрения Капилы и Ману. *Санкиа*[1149] Капилы, например, не менее атеистическая философия, нежели геккелевская *Антропогения*.

– Вы, вероятно, забыли учение Капилы… Там, где Геккель видит силу и творчество в одной материи, Капила считает немыслимым что-либо приписывать *пракрите*[1150] без содействия *пуруши*[1151]. Он сравнивает их: «пракриту» с человеком со здоровыми ногами, но безглазого и безголового, а «пурушу» – с существом с глазами и мозгом, но без ног и движения. Для того чтобы мир мог развиваться и произвести наконец человека, *пуруша* (дух) должен был сесть на шею безголовой *пракриты* (материи), и только тогда она стала одарена сознанием жизни и помысла, а *пуруша* получил способность двигаться ее ногами и заявить о своем существовании. Если *пуруша* бессилен в своих заявлениях и есть как бы одна не существующая абстракция без помощи объективной формы *пракриты*, то последняя и того хуже. Без содействия духа и его оживотворяющего влияния она одна куча безжизненного навоза…

– Мы слышали, что вас также занимает и древний зороастринизм, – приставал ко мне другой пандит. – Какое ваше мнение о солнце как о божестве – о *Сурье*?

– Лучше, по-моему, верить даже в *Сурью*, нежели ни во что̀. Солнце, которое нас греет и кормит, давая жизнь всей земной природе, куда лучше Бюхнера и членов Королевского общества, пред которыми вы творите, как пред какими-то божествами, «пуджу»…

– Но если верить в Сурью, так почему же разом не вернуться к вере во все тридцать три миллиона наших древних богов – в Кали, Кришну и даже Ханумана?..

– Да я вам вовсе и не советую верить в того или другого, – защищалась я. – Я говорю сравнительно и повторяю, что, по-моему, лучше верить *даже* в Ханумана, чем, например, в Bathybius haeckelii или в мифического бесхвостого антропоида, которого Геккель нам жалует в предки…

– Он доказывает то, что̀ говорит… Геккель начинает эволюцию бытия с первых атомов и логически развивает постепенную трансформацию от первородной протоплазмы…

[1148] Патанджали – основатель системы *йогизма* и психологического развития человека посредством постепенного изменения его физической природы. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1149] Санкхья (*санскр.* saṃkhyā).

[1150] *Пракрита* – пластическая материя, природа в своем хаотическом и неявном состоянии. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Пра́крити (*санскр.* prakṛti – «причина, материя», «природа») – фундаментальное понятие философской системы индуизма санкхьи, означающее изначальную природу, материальную первопричину Вселенной. Считается женским основополагающим элементом, контактирующим с мужским элементом – духом (пуруша).

[1151] *Пуруша* – дух не осязаемый и не проявляющийся в природе иначе, как чрез пракриту или материю, которую он оживляет. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

– Так пускай и развивает на здоровье. А по-моему, *мукус*[1152] и все протоплазмы гг. Окена[1153] и Геккеля ничуть не умнее первобытной тины и чудовищ, которыми Берозий заселяет эту тину в своей древней сказке о сотворении мира[1154]…

Пандиты, наконец, ушли, унося с собою полное убеждение в том, что мы невежественные ретрограды.

– Ну, хороша же ваша ученая «юная Индия»! – говорил полковник. – У меня положительно разболелась голова от их бредней…

– За это благодарите англичан, – отвечал Такур, – а с нас несправедливо взыскивать за чужие грехи.

[1152] Слизь (*англ.* mucus).

[1153] Лоренц Окен (1779–1851) – немецко-швейцарский ботаник, миколог, натуралист, физиолог, натурфилософ.

[1154] См.: *Cory I.P.* Ancient Fragments of the Phoenician, Chaldaean, Egyptian, Tyrian, Carthaginian, Indian, Persian, and Other Writers. London, 1832. P. 23–25 (*Кори И.П.* Древние фрагменты финикийских, халдейских, египетских, тирских, карфагенских, индийских, персидских и других писателей. Лондон, 1832. С. 23–25).

См.: «Было, говорит, время, когда все было мраком и водой, и в них зародились чудовищные существа, имеющие необычный облик. Ибо появились двукрылые люди, а некоторые четырехкрылые и двулицые, тело имели одно, а голов – две, мужскую и женскую, и стыд двойной, мужской и женский. И другие еще люди, кто с козьими ногами и рогами, кто с лошадиными ногами, кто с задней частью коня, а передней – человека, эти имели облик гиппокентавров. Народились и быки с человеческими головами, и собаки с четырьмя телами, с рыбьими хвостами, торчащими сзади, и собачьеголовые кони, и люди, и другие существа, имеющие головы и тела лошадиные, а хвосты – рыбьи, и прочие существа имеющие формы разнообразных животных. Кроме них рыбы, и гады, и змеи, и много других удивительных существ, попеременно соединявших в своем облике черты друг друга. Изображения их выставлены в храме Бела. Властвовала же над ними над всеми женщина по имени “Оморка”; по-халдейски – это “Талаттх” (Тиамат), а на греческий переводится как “море”, а в числовом выражении – это луна.

Когда все находилось в таком состоянии, Бел, взобравшись на женщину, разорвал ее посередине, и одну половину ее сделал землей, а другую половину – небом, и животные, которые были внутри нее, исчезли. Так, говорит, аллегорически рассказывается о природе. Все было влагой, и в ней зародились живые существа, а этот бог отрубил собственную голову, остальные же боги смешали хлынувшую из головы кровь с землей и создали людей. Поэтому они разумны и причастны к божественной мысли» (*Беросс.* Вавилонская история).

Берос (Беросс, *лат.* Berossos, ок. 350/340 – 280/270 до н.э.) – вавилонский историк, жрец бога Бэла в Вавилоне. Беросс прославился написанным им на греческом языке сочинением по истории древней Месопотамии – «Вавилонская (халдейская) история» в 3 книгах. Это сочинение сохранилось до нашего времени лишь в отдельных отрывках и цитатах, воспроизведенных рядом античных авторов. «Вавилонская история» охватывает события от начала мира до Александра Великого. Первая книга посвящена истории допотопной Месопотамии и содержит по большей части обработанные религиозные тексты и мифы, в том числе цикл мифов творения мира и человека.

Исаак Престон Кори (1802–1842) – английский адвокат, антиквар и коллекционер книг.

XXVI

Мы снова в темных, душных вагонах. Чрез пять минут поезд с оглушающим грохотом промчит нас чрез длинный мост на Джумне, а чрез шесть часов мы будем в Каунпуре, где Англо-Индия перевернула самую кровавую страницу своей истории. Нас провожают наши голоногие друзья-пандиты в шитых золотом шалях; к ним присоединились несколько бенгальских бабу́ в белоснежных кисейных тогах и все до одного простоволосые. Вдали мелькает «обер-шпион»; мы видим, как он садится в соседний с нами вагон в сопровождении большой корзинки, наполненной бутылками водки и содовой воды и ящика со льдом. Такур уехал с Нараяном накануне приготовить для нас такое место, куда еще «никогда не ступала нога англичанина – и не ступит» (говорил он). А пока мы должны удовольствоваться этим обещанием и даже не расспрашивать его об этом, особенно в присутствии мистера У*** и мисс Б***, которые хотя теософы и наши друзья, но все же англичане. Можно положительно сказать, что в Индии никто из этой нации не будет произведен в святые…

Все окна вагона с темно-зелеными стеклами, иначе пассажиры могли бы ослепнуть. Когда их спускают, то на их место подымаются подвижные ставни из кус-куса на шалнерах[1155]. Вделанные по обе стороны оконных рам в стенах вагона гидравлические машины при каждом повороте колес поезда обливают ставни водой, отчего они вертятся, как вентиляторы в форточках, и якобы пропускают рассекаемый поездом прохладный воздух. Но – увы! – не отъехали мы и двух миль, как пощупав ставень рукой, я чуть было не обожгла себе пальцы: вода на солнце сделалась совершенно горячею. В прошлом году в июне (рассказывал нам за несколько минут до отъезда содержатель келлеровского ресторана на аллахабадском вокзале француз Монкутье) с полуденным поездом приехало семейство одного полковника. Когда пассажиры стали выходить на платформу, то из вагона полковника выскочили два мальчика, крича и плача… В вагоне неподвижно лежали полковник – мертвецки пьяный, и жена его, болезненная женщина лет двадцати двух, – мертвая. Доктора решили, что смерть приключилась вследствие апоплексии от жары. У самого Монкутье умерли в один день его два сына (двенадцати и четырнадцати лет), выбежав только на несколько минут на солнце. Бедный француз со слезами рассказывал нам про смерть своих сыновей, суетясь в то же время за прилавком, где он втридорога продал нам папиросы, постоянно притом предлагая нам un verre d'absinthe ou de vermout[1156]. «Ah, le gredin de pays! – повторял он, захлебываясь слезами при воспоминании о детях. – Un vrai enfer, quoi!.. Et puis, pas un de ces cochons d'Anglais qui sache un mot de français. Oh, que je voudrais donc voir un jour les Russes ici!»[1157]…

Мы засмеялись, но сочли за лучшее не принимать участия в его опасных пожеланиях. Обернувшись, мы увидали за спиной нашего белокурого шпиона, которому лакей наливал «прохладительное» питье из бутылки рома. На этот раз бедный Монкутье, должно быть, срезался в своих сведениях о не говорящих по-французски англичанах. Возвращаясь в Бомбей едва чрез месяц после того, мы уже не застали француза за прилавком, подрядчик Келлер сменил его и услал на другую и дальнюю станцию за «болтовню».

Накануне отъезда Такур принес нам пучок свежих листьев и предложил попробовать их. Вкусом они напоминали щавель, оставляя во рту прохладное, как после мяты, ощущение. Он взял с нас формальное обещание держать по маленькому кусочку этих листьев во рту во все время переезда до Каунпура и вообще днем во время жары. «Пока вы их будете жевать, как бетель, жара не будет иметь на вас вредного влияния (сказал он нам) и вам подчас даже будет слишком прохладно». И действительно, мы с тех пор будто не чувствовали зноя. Но нам не удалось уговорить У*** держать эту траву во рту, а мисс Б*** постоянно ее выплевывала, и оба чуть было не заболели. Искренно сожалею, что не имею права ни описать этого растения, ни послать его в Россию для исследования: индусы странный народ, и даже сам Такур, лучший и благороднейший

[1155] шарнирах (*прост., устар.*).

[1156] стакан абсента или вермута (*фр.*).

[1157] «Ох, несчастная страна! Сущий ад!.. И к тому же ни одна английская свинья не говорит и слова по-французски. О, как бы я хотел, чтобы в один прекрасный день здесь были русские!» (*фр.*).

из всех нам известных индусов и наш преданнейший друг, не свободен от этих странностей. Он как будто скрывает познания своей родины, особенно такие, на которые современная наука взирает как на нечто сказочное. На наши вопросы: почему бы ему не обогатить и западную науку лишним открытием, столь полезным в этой знойной стране, он как-то загадочно улыбнулся, заметив, что эта трава растет только в Индии, да и то встречается весьма редко, и что всех-де не спасешь. «Наука на Западе богата и без наших крох, и вы, которые у нас *все* взяли, оставьте нам хоть эти крохи», – добавил он.

Каунпур – место без всякой истории, и пока англичане не избрали его в 1777 году передовым постом для своих гарнизонов в Индии, оно оставалось в полной неизвестности. Станция железной дороги находится за городом, и мы уже собирались взять две раззолоченные *гарри* на волах, когда слуга Такура объявил нам, что его *маха-сааб* (великий господин) выслал нам европейский экипаж. Это был обитый ярко-пунцовым бархатом четырехместный ландо[1158] с двумя висевшими позади, как две крупные капли крови, *саисами*[1159] в красных с золотом кафтанах и таких же тюрбанах и с четырьмя такими же саисами в ливреях, долговязыми и быстроногими скороходами, бежавшими впереди ландо. Прибавьте к этому четырех конных раджпутов, телохранителей Гулаб-Лалл-Синга, и вы поймете, почему полковник, садясь в карету, заметил: «Перенесись мы каким-либо волшебством в Нью-Йорк, нас, наверно, приняли бы за продающих зубной эликсир и магические порошки приезжих шарлатанов». Но мы были в Индии, и народ, встречаясь с нами, чуть не бросался на землю пред таким ярким величием.

Первое бросившееся нам в глаза строение была пустая, из темно-красного кирпича огромная церковь без окон и дверей с высокою остроконечною колокольней. Это здание в продолжение с лишком трех недель служило слабою крепостью перерезанному впоследствии гарнизону, засевшему в нем при открытии мятежа 6 июня 1857 года.

Что̀ было первою причиной этого кровавого мятежа? Европа читает реляции англичан и воображает, что читает *историю*. Ей даже и в голову не приходит спросить, есть ли между многими историями бунта хоть одна написанная верно и беспристрастно. Индусов никогда и никто не спрашивал, сколько в показаниях их завоевателей истины, которая из двух сторон виновна в бо́льших преступлениях и кто совершил более зверских жестокостей: образованный ли, гуманный европеец, или дикий, доведенный до исступления азиат? По этому поводу мы собирали *факты* не от одного, а от многих, отнюдь не сговорившихся между собою людей. Их показания в главных чертах согласуются вполне, поэтому мы и верим им более, нежели всем «историям» мятежа 1857 года, взятым вместе. «Смазанные свиным салом патроны», причина бунта *мусульман*, и «ремни» из коровьей кожи, возмутившие *индусов*, – не что̀ иное, как последняя, переполнившая сосуд горечи капля…

За несколько времени до мятежа в Битхпуре[1160], большом местечке на правом берегу Ганги, в 12 милях от Каунпура, проживал индус из старинного и гордого рода по имени Дундху Пунт[1161], более известный под прозвищем Наны Саиба. Он был усыновленным наследником последнего «пешвы» (царственного главы Махратской конфедерации) Баджи-рао[1162] и по смерти последнего получил в наследство все его поместья, сокровища и имения. Некоторые англичане, подобросовестнее, сознаются в том, что этот молодой человек, двоюродный брат махараджи Синдии, имел полное право ненавидеть правительство. В своем официальном рапорте полковник Шерер[1163] пишет, например, следующую многознаменательную фразу: «Этот человек имел к нам претензию, на которую мы, бритты, с обычным всем преуспевающим господам несимпатическим обхождением не обратили никакого внимания». Усыновленный в 1832 году еще ребенком, Нана Саиб вырос в полной уверенности, что он наследует титул и положение «пешвы» – честь, в

[1158] Ландо (*фр.* landau) – легкая четырехместная повозка со складывающейся вперед и назад крышей.

[1159] Саис – грум; слуга, верхом сопровождающий всадника или едущий на козлах, на задке экипажа.

[1160] Битур (*англ.* Bithoor).

[1161] Дхонду Пант (*англ.* Dhondu Pant).

[1162] Баджи-рао II (1775–1851) – пешва государства маратхов.

[1163] Джон Уолтер Шерер (1823–1911) – сотрудник Бенгальской гражданской службы, автор воспоминаний «Daily Life During the Indian Mutiny: Personal Experiences of 1857» («Повседневная жизнь во время индийского мятежа: личный опыт 1857 года», 1898).

сущности, благодаря англичанам, более номинальная, чем действительная, но все же льстившая самолюбию того, кто имел на нее право. За пять лет до бунта старый Баджи-рао умер, а вслед за его смертью тогдашнее правительство лорда Дальгузи[1164] тотчас же и без всякого повода объявило, что звание «пешвы» упразднено и что принц Дундху наследует лишь частные поместья и собственность отца. Вследствие этого получаемый старым раджой пенсион был прекращен; армии приказано не отдавать чести наследнику, и даже несколько старых, давно негодных артиллерийских орудий, великодушно оставленных свергнутому с престола принцу, которым бедный узник тешился на старости лет, отняты у Наны Саиба. В продолжение четырех с лишком лет юный принц разорялся в напрасных усилиях заставить директоров Компании отменить несправедливое решение[1165]. Вместо того чтобы твердо, но ласково обратить его внимание на тщетность его хлопот, дирекция показала ему на дверь, грозя отнять у него даже его частное наследие. Между тем у Наны Саиба были две сестры, двенадцати и тринадцати лет; старшая красавица и обе замужем. Поехав однажды с кормилицей и слугами на богомолье, они подверглись нападению пьяных офицеров, которые ворвались в передний двор пещерного храма, когда те только что сошли раздетые в священный танк, и… обесчестили обеих. Единогласное показание уверяет, будто Нана Саиб убил обеих девочек собственною рукой и *по их же неотступной просьбе*, а убив, выпил по капле крови каждой и поклялся на ней отмстить женам и дочерям англичан или же умереть самому. У Наны Саиба был доверенный и любимый им друг, индус, насильно обращенный в мусульманство, который, бежав из Гайдерабада и получив приют и защиту у Наны Саиба, вернулся к индийской вере. Англичанам индус был известен под именем Азим-муллы-хана[1166]. Этот Азим был правою рукой и секретарем Наны Саиба. В начале 1855 года Азим был послан своим господином в Англию искать защиты в парламенте. Теперь англичане представляют его каким-то низким лакеем и поставщиком для гарема Наны Саиба, хотя последний по смерти отца был посвящен в звание *брамачарии*, то есть светского монаха, и не только никакого гарема, но и жены не имел. Англичане в своих «историях» жалуются на Азима, называя его «тигром в человеческом образе», обвиняют его в том, что он будто бы шпионил за ними под Севастополем и, проведав об их слабостях, преувеличил-де оные в глазах своих соотечественников, которые поэтому и осмелились взбунтоваться; наконец, Азим-мулла-хан вошел будто бы «в заговор с врагами Великобритании в Турции и даже тайком ездил в Россию». Но в дни пребывания Азим-муллы в Англии его живописные костюмы, бриллианты, шали и драгоценности очаровывали не одних сходившим по нем с ума английских леди, но даже важных сановников. Он был принят в высшем обществе Лондона и Брайтона[1167], все газеты расхваливали изящество его манер и образования… Как же теперь называть его «подлым лакеем»? Несколько знатных леди уже собирались исполнить данное ему в Лондоне обещание – навестить его господина, принца Нану, в его поместье в Битхпуре, когда преждевременно вспыхнул давно подготовленный мятеж и планы Наны Саиба рушились[1168].

Можно наверное сказать, что Наной Саибом, как и всеми главными заговорщиками, гораздо более руководило чувство мести и ненависти к англичанам, чем надежда на политический переворот. Конечно, если бы планы Наны Саиба удались, то в Индии снова водворилась бы Могульская и Махратская империя. Но чувство ненасытной мести, страстное желание обесчестить Англию в лице ее знатнейших жен и дочерей, обесчестить так, чтобы (по словам передававшего нам эти подробности) «бесчестие это сделалось историческим и предание страны воспевало бы справедливую месть махратского принца до будущей *пралайи*», было главным и первым его побуждением. Так ловко сыграл свою роль Азим-мулла-хан, что не менее 14 знатнейших дам при

[1164] Джеймс Эндрю Дальхузи (Dalhousie, 1812–1860) – британский государственный деятель, генерал-губернатор Индии (1848–1856).

[1165] См.: *Keene H.G.* A Hand-book for Visitors to Lucknow: With Preliminary Notes on Allahabad and Cawnpore. Calcutta, 1875. P. 33.

[1166] Азимулла-хан (Azimullah Khan Yusufzai, 1830–1859) – секретарь и советник Наны Сагиба.

[1167] Брайтон – курортный город в Англии на берегу пролива Ла-Манш в 50 милях от Лондона; во второй половине XVIII – XIX веке модный аристократический курорт.

[1168] См.: *Keene H.G.* A Hand-book for Visitors to Lucknow: With Preliminary Notes on Allahabad and Cawnpore. Calcutta, 1875. P. 42.

лондонском дворе (как сказано выше), очарованные этим азиатским дипломатом, готовы были добровольно посетить логовище сторожившего их зверя, и их приезд в Битхпур должен был послужить сигналом к общему восстанию. Слепая судьба – *кисмет*[1169] – спасла, конечно, их, но не спасла их англо-индийских сестер.

Девизом Наны Саиба сделалось изречение побежденной богини[1170] Вергилия[1171]. И действительно, он, по выражению его биографов, «выдвинул весь ад»[1172], созвав вдобавок всех демонов восточной мести к своим услугам…

Насолив ему со всех сторон, лишив его сначала сестер, а затем звания, почестей, пенсии, англичане с доверчивостью невинности и чистой совести, вследствие нескольких ловко придуманных и заданных им, Наной Саибом, пиров, вообразили себе, что наследник «пешвы» их величайший друг. Ежедневно ожидая, что сипаи его полка последуют примеру своих товарищей и взбунтуются, генерал Уиллер[1173] еще 26 мая вызвал Нану Саиба из Битхпура «помочь ему успокоить сипаев и предупредить мятеж». Нана явился немедленно и привел с собою двести из своих пятисот вооруженных телохранителей и три или четыре оставшиеся у него пушки. Его назначили охранять казначейство, и он поселился в собственном доме в Навабгундже[1174]. Ему были известны все переговоры между гражданскими и военными властями, и он вместе с англичанами приготовлял «убежище» женщинам и детям…

Когда 6 июня взбунтовались сипаи и вместо того, чтобы по обыкновению своему перерезать офицеров, разграбили полковую кассу, а затем отправились по дороге к Дельи, желая присоединиться к корпусу главных мятежников, то англичане, укрепившись в церкви и провиантских бараках, великодушно передали в руки клявшегося им в «вечной дружбе» Наны Саиба арсенал, пороховой магазин, парк и все, что̀ оставалось от казны, поручая своему «верному союзнику» защищать их от народа. Тогда Нана, сбросив, наконец, маску, вернул сипаев с дороги и на другой же день, то есть 7 июня, открыл было по своим «друзьям» огонь, но тотчас же опять прекратил его: адская мысль озарила махрата. Смерть мгновенная и не дающая времени страдать – не наказание. Как кошка с мышью, принялся он играть со своими пленниками: он знал, сколько было в бараках провизии, и начал морить их голодом… Чрез две недели из 250 человек, вошедших в укрепление гарнизона, оставалось только 150, а из 380 женщин и детей наполовину менее. Трупы гнили почти на поверхности земли пред глазами переживших. То была долгая, страшная агония…

Наконец, Нана решился покончить с ними. 26 июня он послал им сказать, что если они доверятся ему, то он спасет оставшихся в живых. Гарнизон, предпочитая скорую расправу мукам голодной смерти, согласился. Тогда лишенный престола принц велел заготовить лодки, обещая своим пленникам выгрузить их в Аллахабаде, и на утро 27-го часть их была размещена на тридцати баркасах. Как только они были размещены, лодочники зажгли соломенные навесы лодок, а сипаи стали стрелять в пленников. Из тридцати лодок только две успели потушить огонь и отплыть на средину реки, которая в том месте имеет целую милю ширины. Одна из этих двух лодок, пробитая ядрами, скоро потонула, другая спаслась каким-то чудом, но из 28 человек только четверо пережили это утро, попрятавшись в тростнике. Не утонувших вытащили и привели обратно на берег. Во все это сам Нана не вмешивался. Говорят, будто утром того дня он объявил, что предоставляет пленников в руки судьбы и народа: кто спасется – благо тому, а кому погибнуть – того даже и сам он спасти не в состоянии; притом он добавил, чтобы ни один «белый», который избегнет смерти, больше не попадался ему в руки, а то будет казнен. Всех спасшихся из воды мужчин перестреляли, а женщин и детей посадили в другое здание, называемое «Савади

[1169] Kismat (*хинди*) – судьба, удача; кисмет (в исламе) – предопределенность, неизбежность, судьба.

[1170] Юнона – древнеримская богиня, считавшаяся защитницей и особым советником государства, жена Юпитера.

[1171] См.: «Если небесных богов не склоню – Ахеронт я подвигну» (*Вергилий.* Энеида, VII, 312).

Ахерон (Ахеронт) – в греческой мифологии одна из пяти рек, протекающих в подземном царстве Аида.

Публий Вергилий Марон (70–19 до н.э.) – поэт Древнего Рима.

[1172] См.: *Keene H.G.* A Hand-book for Visitors to Lucknow: With Preliminary Notes on Allahabad and Cawnpore. Calcutta, 1875. P. 34.

[1173] Хью Уилер (Wheeler, 1789–1857) – британский генерал Ост-Индской компании.

[1174] Навабгандж (*англ.* Nawabganj).

Котти»[1175], недалеко от вокзала, и оставили дней на десять в живых. Быть может, Нана и даровал бы им жизнь, но случилось следующее: 10 июля проезжая мимо Битхпура с сильною партией обоего пола беглецов из Фатсагара[1176], полковник Смит был замечен на реке часовыми. Лодку схватили и человек с лишком пятьдесят, включая женщин и детей, были взяты в плен. Наутро их погнали по ужасной жаре пешком в Каунпур и представили Нане Саибу. Вместо того чтобы молчать и, покорясь своей участи, ждать жизни или смерти, англичане (по рассказам) стали страшно оскорблять Нану Саиба, называя его, между прочим, «незаконным сыном» – оскорбление, влекущее за собою у гордых браманов смерть. Тогда мужчин повели на плац-парад и расстреляли, а женщин и детей присоединили к прежним пленникам. Весь этот страшный период покрыт мраком таинственности. Вообще никто из пленников не остался в живых, чтобы рассказать, что̀ именно происходило, но, должно быть, случилось нечто ужасное, неслыханное…

Вероятно, если бы Нане Саибу посчастливилось, он не казнил бы ни женщин, ни детей, которых, как известно, он оставил в живых до последней минуты своей власти. Но 15 июля при Аунде[1177] он проиграл сражение и должен был скрыться. В минуту безумного бешенства, в последнюю ночь своей власти и пребывания в Каунпуре он отмстил, говорят, за своих сестер: он впустил толпу опоенных опиумом и *багом* сипаев (мусульман и индусов) в дом, где содержались европейские женщины, за несколько часов до их смертной казни. Рассказывают также, что четверо мужчин: судья Торнгилл, полковник Смит и двое других, были нарочно оставлены в живых, дабы сделать их свидетелями этого национального бесчестья. На заре мужчин вытащили на улицу и зарезали, а также 250 женщин и детей. Всех их бросили в глубокий и знаменитый с тех пор «колодезь».

Продолжать повествование напрасно, ибо вся Европа знает остальное. Добавлю лишь некоторые подробности, о которых она никогда не слыхала. Когда Каунпуром снова овладели англичане и в нем водворилась тишина (что̀ случилось вечером того же дня), Наны Саиба уже там не было: он исчез бесследно. Как известно, англичане долго показывали в железной клетке узника, которого, за неимением оригинала, хотели выдать за принца Дундху, но они принуждены были, наконец, выпустить этого человека, так как вся Индия хохотала над этим. Между тем, Нана Саиб, говорят, жив, и до сих пор есть люди, еще не потерявшие надежды увидеть его в Индии. О пленниках же коллектор, полковник Шерер, рассказывает следующее:

«Подъехав к дому убийства и резни, мы нашли в нем на шесть вершков[1178] глубины запекшейся крови… Мы заглянули в колодезь и пред нами мелькнула вся ужасная истина: спасать было уже некого. Пред нашими глазами открылась та ужасающая картина, при одной мысли о которой еще теперь в далекой Англии осиротевшие сердца обливаются кровью… Колодезь был глубок, но узок; заглянув в него, мы нашли его наполненным до краев мертвыми и совершенно нагими телами. Всех трупов насчитали 253»[1179].

Вот что̀ рассказывает англичанин и очевидец. Но он умалчивает о том, как на другое утро сгоняли жителей Каунпура и расстреливали *каждого десятого* человека; умалчивает о том, что, схватив между ними несколько сотен людей (вероятно, большею частью невинных), их заставляли *слизывать запекшуюся в комнатах кровь*; умалчивает о том, что эту кровь *слизывали*, не вставая, человек до пятисот в продолжение сорока восьми часов, что две трети из них умерли от рвоты, а остальную треть англичане добили прикладами; умалчивает, наконец, о том, что не несколькими десятками мятежников заряжали пушки (как уверяют английские рассказы), а что такою смертью погибло их *несколько тысяч*.

Лорд Каннинг[1180] приказал все *белые* трупы, не трогая их, оставить в колодце и засыпать землей и известью. Площадь превратили в сад, а над колодцем построили знаменитый «Memorial monument»[1181], памятник 1857 года[1182].

[1175] Savada Kothi.

[1176] Фатехгарх (*англ.* Fatehgarh).

[1177] Aong.

[1178] 27 см.

[1179] См.: *Keene H.G.* A Hand-book for Visitors to Lucknow: With Preliminary Notes on Allahabad and Cawnpore. Calcutta, 1875. P. 34–44.

[1180] Чарльз Джон Каннинг (1812–1862) – генерал-губернатор и вице-король Индии (1856–1862).

Прямо с железной дороги мы поехали в этот сад. Сад тенист, наполнен кипарисами, плакучими ивами и другими превосходными растениями и цветами, но ни архитектура часовни, ни стены сада, ни самый памятник над колодцем не соответствуют ни великому трагическому событию, ни суммам, пожертвованным на исполнение задуманной Каннингом идеи. Статуя представляет какого-то вульгарного на вид ангела с распростертыми ладонями вниз руками, точно ему холодно и он их греет над камином. Статуя работы барона Марокетти[1183] и по его идее представляет «Ангела милосердия». Но почему эта поза именно *милосердия*, а не чего-либо другого, определить трудно. Статуя помещена внутри гранитной, четырехугольной ограды с чугунною решеткой на гребне; с фасада мраморные ступени ведут к калитке, вделанной в этой решетке, что̀ еще смешнее, так как в здании без крыши, казалось бы, и калитке делать нечего, тем более что она словно висит между небом и землей. Желающему приблизиться к подножию статуи приходится снова спускаться по таким же ступеням вниз, внутрь ограды; и только тогда, очутясь в квадратной яме с памятником посредине прямо против пьедестала, «прохожий» может остановиться, но далеко не умилиться. Пред ним по розовому полю белыми рельефными буквами красуется вокруг всего подножия легенда мятежа. Легенда эта – чистый курьез. Она есть как бы соединение всех отборнейших, *непечатных* ругательств и проклятий язычников… Ограбленный, выгнанный из своих наследственных владений принц Дундху Пунт (Нана Саиб) предается в ней «огню вечному» как «раб презренный и мятежный, осмелившийся взбунтоваться против законных властелинов *избранного Богом народа*». Англичане – «избранный Богом народ»! Вся симпатия, все глубокое сожаление к столь незаслуженному страданию, к этим погибшим мученическою смертью несчастным детям и матерям – все это исчезает при чтении непристойно ругательной, до приторности высокомерной, напыщенной эпитафии. Мученический прах, покоящийся под нею, забывается; остается пред глазами лишь высокомерная надпись, из которой так и бьет в нос фарисейство гордых и жестоких отцов, братьев, сыновей! Во всем саду между многими десятками надгробных надписей ни одной, положительно ни одной из Нового Завета! Дух древнеизраильской нетерпимости, мстительности, дух заповеди: «око за око, зуб за зуб»[1184] деспотически царствует в этом саду смерти и пуританства. Но уж если так, то, соболезнуя о неповинных мертвых, нельзя в этой ужасной трагедии не видеть справедливого «закона возмездия»: «что̀ посеешь, то и пожнешь» – слышалось мне в шелесте каждой плакучей ивы над каждою могилой, в далеком журчанье ручья. Велики и ужасны прегрешения Наны Саиба. Но кто осмелится утверждать, что его поступками не руководили кровавые слезы и стоны двухсотмиллионного населения, народа, попираемого ногами завоевателя, народа оплеванного, издыхающего с голоду сотнями тысяч в продолжение последнего долгого века? И поверят ли христиане-читатели, что чья-то рука начертила на множестве надгробных памятников следующее, столь подходящее к святыне места размышление: «Оправдана гордость расы, кричащей вослед каждому азиату: “Hic niger est, hunc tu, Romane, caveto”»[1185].

Полковник, гуманнейший из либералов, проливавший когда-то кровь за освобождение настоящих *негров* (за «Хамово племя», как их в то время называли в Америке проповедники) просто выходил из себя. Мы наткнулись, наконец, на памятник какому-то убитому сержанту с надгробною надписью: «О, Господи! Ты дал мне нечестивых язычников в наследие, так сокруши же их, рассей с лица земли, и да погибнут *проклятые* филистимляне; а Ты, Господи, прославь *свой* народ!» Все эти надписи в своем напускном смирении казались мне до того гнусно иезуитскими, до того полными затаенного лицемерия, что я поспешно отошла в сторону и стала звать наших спутников-англичан вон из сада. Я положительно чувствовала, что еще минута и я не выдержу:

[1181] «Мемориальный монумент» (*англ.*).

[1182] См.: *Keene H.G.* A Hand-book for Visitors to Lucknow: With Preliminary Notes on Allahabad and Cawnpore. Calcutta, 1875. P. 44.

[1183] Карло Марочетти (Marochetti, 1805–1867) – французский скульптор.

[1184] Лев. 24, 20.

[1185] См.: «У этого черная душа, от этого, римлянин, ты остерегися» (*Гораций.* Сатиры, I, 4, 85).

Цит. по: *Keene H.G.* A Hand-book for Visitors to Lucknow: With Preliminary Notes on Allahabad and Cawnpore. Calcutta, 1875. P. 42.

Квинт Гораций Флакк (65–8 до н.э.) – древнеримский поэт

выскажу пред сторожем свое мнение об англичанах, о живых, как и о мертвых, и напущусь вдобавок на «белокурого шпиона», следовавшего за нами как неотвязная тень. Мы уже были подготовлены к раздражению с первой минуты нашего приближения к памятнику: пропустив нас, европейцев, нам объявили, что наши друзья, бабу́ и Мульджи, должны оставаться в саду *за воротами*, которые им и захлопнули под носом. В ответ на наши протесты старый сторож молча указал нам прибитую к воротам доску. На ней большими буквами объявлялось запрещение «индусам, язычникам, как и магометанам, приближаться к ограде».

Мисс Б*** проливала горькие слезы и сморкалась над каждым памятником. С большим трудом мы оттащили ее от двух переплетенных над двойною могилой мраморных любовников, «дух» коих, по ее убеждению, «витал в эту минуту» над ее *топи* и размокшею от слез вуалью. Она ужасно огорчилась и даже обиделась, когда я ей сказала, что, по-моему, ничего здесь не витает, кроме «духа чванства да британского высокомерного фарисейства»…

– Ma chère, – всхлипнула англичанка, – vous n'avez vraiment pas de coeur[1186]…

– Быть может, – отвечала я, – но у меня зато есть то, чего у вас, видимо, нет: j'ai du nez[1187]…

И мы вернулись к нашим индусам.

[1186] Моя дорогая, у вас действительно нет сердца (*фр.*).

[1187] у меня есть чутьё (*фр.*).

XXVII

Милях в четырех от Каунпура на скалистом правом берегу Гангеса, в темном и почти дремучем лесу находятся замечательные руины. То остатки нескольких огромных древних городов, построенных один на развалинах другого. От последнего остались одни лишь колоссальные куски стен, бойниц, храмов да развалины когда-то величественных дворцов, от которых там и сям уцелело по одной, много по две комнаты, скорее, стены бывших покоев. Над этими стенами бедные поселяне начали устраивать крыши из листвы и селиться в них, пока мало-помалу не превратили древний город Джаджмóу[1188] в деревню. Но развалины тянутся на много миль, а новое поселение скучилось кое-как, оставив прочие руины в полное владение обезьянам. Об этих городах история (англичан) умалчивает, отвергая предания летописей Индии, что Джаджмóу стоит на месте родной сестры и соперницы своей Асгарты – города солнца. Асгарта, по словам древней летописи в Пуранах, построена сынами солнца два века спустя по взятии царем Рамою острова Ланки, то есть за 5000 лет до Р.Х. по летосчислению браманов. А прошлое Джаджмóу, несколько раз разоренного набегами из-за Гималайских гор, совершенно неизвестно европейским историкам. Раз только упоминается этот таинственный, ныне «не помнящий родства» город – это в автобиографии Бабера (Загир-эд-дина Магомета)[1189], могульского императора, жившего в начале XVI века[1190]. В одной из его многочисленных кампаний против афганцев последние искали убежища и пожелали укрепиться в *древнем* городе Джаджмóу, пишет султан. Но Хумайюн[1191], его сын, разбил их[1192]. Таким образом, эти развалины одно из многих мест, совершенно неизвестных англичанам ни в прошлом своем, ни, добавим, в настоящем.

Дорога к Джаджмóу ужасная. Мы ехали на слонах, и только благодаря твердой поступи этих умных животных не полетели несколько раз в глубокие овраги, как и не повисли новыми Авессаломами за волоса на ветках[1193]. Тихо и осторожно ступали слоны по карнизам обрывов, останавливаясь пред каждым низко висящим сучком и раздробив его на щепки хоботом, прежде чем сделать хоть шаг далее. Собственно им, слонам, ветки и не мешали, но они уже так приучены и относятся к ездокам необычайно понятливо. Мы ехали мили три по скалам и лесу, прежде чем доехали до первых развалин, и почти все время по узким тропинкам, по которым не проехать даже и туземной скорлупе на быках, называемой «эккой». Наконец, мы стали проходить пред жилыми зданиями из одного оврага в другой, из ямы в провалы и, окончательно попав на что-то вроде широкой тропы, оглянулись вокруг. И оглянувшись – онемели! Ни одного человеческого существа кругом, но зато не было той развалины, куска стены или повалившейся колонны, на которой бы не восседало нескольких десятков обезьян. Их было без преувеличения несколько тысяч. Жители жалуются, что они воруют у них последнюю провизию; что как далеко ни припрятать просо, или кукурузу, или какую-либо зелень – эти лесные «дакоиты» непременно украдут ее ночью. И, однако же, ни в одну из них туземец не осмелится бросить камнем: то священные, как и всюду, обезьяны, «девы-саабы», или в буквальном переводе «господа-боги». Жители умирают с голоду, зато мартышки жиреют.

[1188] Jajmau, Jajesmow.

[1189] Захир-ад-дин Мухаммад Бабу́р («Бабур» означает «лев, полководец, барс», 1483–1530) – потомок Тамерлана, среднеазиатский полководец, поэт и государственный деятель, падишах Индии и Афганистана, основатель династии и империи Бабуридов.

Тамерлан, Тимур (1336–1405) – среднеазиатский государственный деятель, эмир (1370–1405), полководец, основатель династии Тимуридов.

[1190] Император Бабер – литературная знаменитость в Индии, племянник самаркандского султана и прямой потомок Тамерлана; он завоевал Кабул в 1504; затем в 1519 завоевал Пенджаб, а в 1526 – Дельхи. Он первый устроил сообщение и почту между Агрой и Кабулом и написал свою биографию или *мемуары*, знаменитые в Индии изобилием исторических сведений. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1191] Хумаюн (1508–1556) – второй падишах империи Великих Моголов (1530–1540, 1555–1556), отец императора Акбара.

[1192] См.: *Thornton E.* A Gazetteer of the Territories Under the Government of the East-India Company, and of the Native States on the Continent of India. London, 1862. P. 433.

[1193] Авессалом – третий сын Давида от Маахи, дочери Фалмая (Талмая), царя Гессура (2Цар. 3, 3). За бесчестие сестры Фамари (Тамар) убил единокровного брата Амнона; позже восстал против отца, был разбит, во время бегства запутался длинными волосами в ветвях дерева и был убит.

У самой опушки леса протекает Гангес, и на правом его берегу еще доселе виднеются гигантские остатки мраморных ступеней, ширина коих как бы предназначалась, во времена оны, для великанов. Весь песчаный берег на протяжении многих миль, весь лес покрыты глубоко осевшими в землю обломками колонн, разбитыми, резной работы пьедесталами, идолами и барельефами. Рисунок резьбы, архитектурные остатки, самый размер развалин представляют нечто грандиозное, неожиданное даже для тех, кто побывал в Пальмире[1194] и в египетском Мемфисе. Непонятно, почему эти развалины еще никем не описаны, тем более что они под самыми стенами Каунпура. В пространном сочинении *О территориях, приобретенных Ост-Индскою компанией* сказано о них всего два слова. «Джаджмóу – бывший город, ныне деревня, с пустым развалившимся базаром. Как говорят местные летописи, он построен на развалинах двух городов. Расстояние от Калькутты 620 миль, шир[ота] 26° 26', дол[гота] 80° 28'»[1195]. Вот и все! И однако же под Джаджмóу похоронен древнейший город древней Индии… Для прямого доказательства его древности достаточно следующего примера. Не много лет тому назад во время сильного урагана несколько толстых и старых баньянов были сломлены грозой, а некоторые так и совсем вырваны с корнями. На концах последних были найдены куски изваянного мрамора, в которых корни совсем вросли. Стали копать глубже, и ярда на четыре[1196] под землей найдены вершины развалин громадных зданий. Но дело теперь не столько в этих зданиях, как в том, сколько веков потребовалось, во-первых, для такого наноса на берегах Гангеса, чтоб уровень земли пришелся, наконец, не только в уровень зданий (некоторые из них в 300 ф[утов][1197] высоты), но чтоб он даже покрыл их на четыре ярда землей, а во-вторых, сколько промежуточного времени прошло между этим событием и временем, когда ныне 1200-летние баньяны стали пускать корни в эту наносную землю? По концентрическим кругам стволов[1198] было доказано, что этим баньянам не менее двенадцати веков, а есть в лесу деревья старее и этих. Особенно одна группа этих *Ficus indica*[1199] поразила нас своим ростом, разве немногим менее знаменитого баньяна на берегу Нербудды, возле Броча[1200], и называемого в народе «Кабир-баром»[1201].[1202] Это последнее дерево – историческое. Ему было 700 лет уже тогда, когда Александр Македонский отдыхал под тенью его со всею своею армией. Теперь оно состоит из 356 толстых стволов и около 3000 меньших, а еще 200 лет тому назад другая семитысячная армия отдыхала под его сенью.

Мы кочевали в лесу целых три дня. Такуру были известны все закоулки и тропинки, и он сдержал свое слово. Он повел нас туда, куда действительно не заходила еще нога англичанина: в

[1194] Пальмира – один из богатейших городов поздней античности (обычно ограничиваемый III–VI вв.), расположенный в одном из оазисов Сирийской пустыни, между Дамаском и Евфратом. В настоящее время на месте Пальмиры развалины величественных сооружений, принадлежащих к числу лучших образцов древнеримской архитектуры и признанных ЮНЕСКО памятником Всемирного наследия. Второе открытие Пальмиры произошло в начале XVII в., когда на античные руины наткнулся итальянский путешественник Пьетро делла Валле (1586–1652).

[1195] *Thornton E.* A Gazetteer of the Territories Under the Government of the East-India Company, and of the Native States on the Continent of India. London, 1862. P. 433.

[1196] 3,7 м.

[1197] 91 м.

[1198] Как известно, лесные деревья увеличиваются в объеме слоями, нарастающими снаружи, и каждый новый слой образует род кольца вокруг дерева, так что, считая их, можно придти к довольно верному заключению о летах оного. Адансон* нашел *баобаб* возле Гореи**, которому между 5 и 6000 лет. Гумбольдт***, говоря о нем, называет его древнейшим в мире деревом****. В объеме некоторые *баобабы* имеют от 90 до 100 футов*****. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Мишель Адансон (1727–1806) – французский естествоиспытатель и путешественник.

[**] Горé (*устар.* Горея, *фр.* Gorée) – небольшой остров у побережья Сенегала.

[***] Фридрих Гумбольдт (1769–1859) – немецкий ученый-энциклопедист, физик, метеоролог, географ, ботаник, зоолог и путешественник.

[****] См., например: The New American Cyclopædia. Vol. I. New York, 1858. P. 197.

[*****] 27–30 м.

[1199] Опунция индийская.

[1200] Бхаруч, Броч (*англ.* Bharuch, Broach).

[1201] Kabirvad – баньян, связанный с индийским поэтом Кабиром (1440–1518).

[1202] См.: *Thornton E.* A Gazetteer of the Territories Under the Government of the East-India Company, and of the Native States on the Continent of India. London, 1862. P. 433.

темное подземелье на глубине 140 с лишком футов[1203] под землей. Мы отправились туда до зари, когда еще все спали. Такур кроме нас взял с собою лишь одного Нараяна да доверенного слугу, старого, седого раджпута, который сопровождал нас от самого Бомбея. У*** и мисс Б*** оставались в Джаджмóу с бабý и Мульджи и даже не знали когда и куда мы ушли. Это подземное путешествие осталось для меня, как и для полковника, самым интересным событием нашего путешествия – вероятно вследствие его необычайной таинственности…

Более часа нам пришлось идти лесною чащей, спугивая еле продравших глаза обезьян, кидавших в нас непечатными продуктами. Словно стая лесных демонов-карликов, они щелкали на нас зубами, сверкая хитрыми глазками из-за каждого куста. Наконец, мы вступили в узкое, заросшее кустарниками ущелье – не то природное, не то искусственное, разбирать было некогда. Впереди шел Такур, за ним я, за мною Нараян, потом полковник со слугой-раджпутом в замке[1204]. Пробираясь гуськом, мы шли в глубоком молчании, так как путь становился труден и было не до разговоров. Наконец, мы стали спускаться по крутым извилистым ступенькам, у подошвы коих вышли на маленькую поляну. Направо у одинокой скалы стояла лачуга, в которую мы и вошли. Если не светло было в лесу, так как не совсем еще рассвело, то в этой мазанке, осененной густыми баньянами и прислоненной в упор к скале, которая таким образом служила ей заднею стеной, царила полная темнота. Раджпут высек огонь и зажег глухой фонарь, который и подал Такуру. Тогда, взяв в одну руку фонарь, а другою мою руку, последний прошел со мной, как мне показалось, в этой египетской темноте прямо сквозь стену. Новость ли необычайного положения, или просто следствие постоянно возбужденных нервов, но, признаюсь, при вступлении в эту неизвестную остальному миру подземную область меня стало сильно коробить: однако любопытство и стыд превозмогли и я молча последовала за ним. Фонарь слабо освещал наш путь, бросая резкую полосу света лишь под самые ноги; кругом царила непроницаемая мгла, а меня неудержимо увлекала вперед мощная, одетая вся в белом фигура гиганта, лицо которого мне казалось теперь темнее самой ночи… Он быстро и не колеблясь шел твердо вперед. Все молчали и даже наши шаги беззвучно падали на ровный, мягкий грунт прохода, словно мы ступали по толстому ковру. Невзирая, однако, ни на торжественность шествия, ни на радклифовскую[1205] обстановку, полковник и тут не утерпел, чтобы не побалагурить. «Великолепная *темная камера* для вызывания духов… Жаль, что между нами нет медиума!» – неожиданно раздались трунящие слова. Несмотря на выражение шутливости, звук его голоса в этой зловещей тишине заставил меня, да кажется и его самого, сильно вздрогнуть. Как-то глухо, словно надорванный, и вместе с тем протяжно прозвучал он, словно сверху, и понесся далеко, далеко вперед, пробуждая по дороге сонное эхо…

Вдруг Такур остановился, крепко сжав мне руку.

– Чтò это?.. Неужели вы в самом деле и серьезно… *трусите*? – неожиданно спросил он меня, презрительно подчеркивая последнее слово. – Рука ваша дрожит как в лихорадке!..

Я почувствовала, как вся кровь мне хлынула в лицо при этой *заслуженной* обиде, но сделала то, что всякий другой сделал бы на моем месте: внутренне «поднялась на дыбы» и попробовала оправдаться.

– Я не трушу… да и бояться мне нечего… – пробормотала я, чувствуя в темноте вперяемый в меня взгляд Гулаб-Синга. – Я просто устала…

– Жен-щи-на… – тихо и как бы про себя прошептал с какою-то снисходительною горечью в голосе Такур, но пошел тише.

Не имея в руках достаточно веских доказательств противного и не отрицая этого нового как мне самой, так и моему полу оскорбления, я проглотила оное и смолчала. Так шли мы с четверть часа, если не долее, по ровной, немного покатой и мягкой дороге и, как мне казалось, необыкновенно высокому проходу: мой старый приятель – не выпуская моей руки, полковник – уже начиная громко пыхтеть, а я – внутренне злясь на собственную слабость и посрамление. Но вот, наконец, Такур снова остановился и, высоко подняв фонарь, разом открыл все его глухие

[1203] 43 м.

[1204] То есть замыкающим.

[1205] Анна Радклиф (1764–1823) – английская писательница, одна из основательниц готического романа.

стенки. Пред нами явилась гладкая и ровная стена из скалы. Ни одной трещины не было видно на ней.

– Вот взгляните, – обратился Гулаб-Синг к полковнику, – и убедитесь, какие чудеса совершали наши механики-предки, незнакомые, по мнению европейцев, с науками. Держу пари на что̀ угодно, что явись сюда все лучшие механики Запада, им никогда не открыть секрета этой… двери! Я вам теперь хочу доказать, что это – дверь, а не скала…

Наш любознательный президент, получивший когда-то медаль за лучшее сочинение о механике в Ранселаровском[1206] (Rensselaer) Технологическом институте Трои (Нью-Йорк)[1207], стал зорко исследовать стену. Его старания увенчались полным *фиаско*. Ни постукивание, ни ощупывание впадин ни к чему не привели. Между тем, пользуясь полным светом открытого фонаря, я разглядела местность. Род полукруглой комнаты со скалистыми стенами и теряющимся на огромной высоте потолком; грунт словно усыпан черным порошком.

– Если верите мне на слово, – заметил, наконец, Такур, терпеливо следивший за исследованиями полковника, – то я могу вас уверить, что этот ход прорыт и устроен много тысяч лет тому назад. Как видите, – добавил он, дотрагиваясь и напирая плечом на угол скалы, – «сыны солнца» были хорошо знакомы с законом рычага и подъема, а также и с правилами центра тяжести еще до Архимеда[1208]. Иначе как бы они могли придумать вот это?..

И когда он напер сильнее и повернул какой-то незаметный в стене штифт, пред ним неслышно и тихо образовалось отверстие фута в два шириной и во весь его рост в высоту – точно одна из новомодных дверей в американских домах, вся до замка ускользающая в стену. Но здесь дверной ручки не было; не видно было и продолбленной дверной стены…

Мы все вошли, и Такур снова неуловимым движением и давлением на *что-то* задвинул стену. Невзирая на любопытство полковника и его бесконечные расспросы, он отказался выдать секрет прохода. «Довольно того, что я доказываю вам, что эти тайные подземные ходы существуют уже много тысяч лет в Индии, – говорил он нам, – и еще более тысяч народа нашли здесь в разные времена спасение через тех, кто посвящен в тайну их существования. Теперь таких уже немного осталось, – добавил он, как мне послышалось, с нотой грусти в голосе. – И не успели они спасти против ее воли одну из храбрейших, благороднейших женщин Индии, последнюю из великих героинь нашей “матери”[1209]!.. Чрез несколько минут мы сядем отдохнуть и тогда я вам расскажу эпизод из последнего мятежа. В Европе он почти, если не совсем, неизвестен»…

Теперь мы шли по широкому, высокому коридору со сводом. По всей вероятности, последний сообщался так или иначе с поверхностью земли, ибо воздух в подземелье, хотя и немного сырой, был, однако же, чистый, невзирая на его 140 футов глубины под землей. Впрочем, дорога шла все время покато, немного под гору и только к концу третьего коридора из пещеры, которую тотчас опишу, шла незаметно в гору. Очевидно, часть этих проходов была уже подземельем в то время, когда Асгарта еще находилась в числе других городов, процветая на земной поверхности. По обеим сторонам коридора нам попадались бездверные отверстия, продолговатые квадраты, ведущие в другие боковые ходы, но Такур нас туда не водил, заметив только, что они ведут в жилье, то есть иногда *занимаемые* покои. Что подземелье посещалось еще весьма недавно, в этом мне служила порукой находка старого измятого конверта с какими-то иероглифическими знаками, но совершенно современного покроя и с клеем под запечатанною стороной. Весь этот проход, то есть коридоры, насколько мы могли судить, длиной верст в пять или шесть. Пройдя мили три, считая от потаенной двери, то есть почти на середине между двумя ходами, мы очутились в природной и огромной пещере с небольшим озером в центре и искусственными вырубленными из скал скамьями кругом бассейна. В воде, посреди озерка, стоял высокий гранитный столб с пирамидальною верхушкой и толстою заржавленною цепью, обмотанною вокруг него. Уже идя по коридору, мы замечали, что временами темнота почти

[1206] Политехнический институт Ренсселера основали в 1824 г. Стивен ван Ренсселер III (1764–1839), американский землевладелец, бизнесмен и политик, и Эймос Итон (1776–1842), американский ботаник, геолог и педагог.

[1207] Трой (Troy) – американский город в штате Нью-Йорк.

[1208] Архимед (287–212 до н.э.) – древнегреческий математик, физик и инженер из Сиракуз.

[1209] Говоря о родине, индусы всегда называют Индию «матерью». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

рассеивалась и слабый, словно сумеречный свет озарял нас в такие минуты сверху; в пещере же – вероятно, самая низкая местность подземелья – было темно, как в Гизехской пирамиде[1210]. Но тут Такур приготовил нам сюрприз. Он дал старому раджпуту приказание на непонятном для нас диалекте и тот, словно снабженный глазами кошки, тотчас отправился куда-то в темноте, пошарил в углу и тут же начал зажигать один за другим факелы, вставляя их в приделанные к стенам железные кольца. Скоро вся пещера осветилась ярким блеском. Тогда, уставшие и крепко проголодавшиеся, мы разместились на окраине озера и принялись за корзину с провизией.

А теперь постараюсь вкратце рассказать историю как пещеры, так и обещанный Такуром эпизод из мятежа 1857 года. Последний принадлежит прямо истории, хотя англичане и старались исказить оный, как исказили и даже *скрыли* многие из фактов этой позорной для них эпохи. Услыхав о нем впервые от Гулаб-Лалл-Синга, мы впоследствии узнали касающиеся этого случая интересные подробности от многих старых индусов, из коих некоторые были даже очевидцами в этом деле, а в одном случае и от англичанина, старого англо-индусского офицера.

О древнем городе Асгарте и его печальном конце *Пураны* рассказывают следующую легенду. Судаза-риши был священным главой духовенства, «браматмой»[1211], а его брат Агасти – маха-кшатрием (великим царем-воином) Асгарты. В отсутствие обоих царством управляла махарани (великая царица), бывшая некогда *кумарикой*[1212] (Девой Солнца) в храме *Сурья-Нари* (Солнца-Природы). Ее красота пленила царя; и вот в самый момент ее приношения себя в жертву на алтаре огня (то есть религиозного самосожжения) он, воспользовавшись древним обычаем, дававшим право царям спасать индийских весталок от смерти, потребовал ее себе в жены. До него уже раз явился другой претендент на ее руку, царь Гимавата, но она отказалась от предложения, предпочитая смерть в пламенных объятиях супруга-бога, священного огня. Оскорбленный загималайский царь поклялся отомстить. Много лет спустя, когда Агасти-царь был на войне в Ланке (Цейлоне), его побежденный соперник, воспользовавшись его отсутствием с войсками, сделал набег на Асгарту. Царица защищала свой город с храбростью отчаяния, но, наконец, он был взят приступом. Тогда, собрав всех «дев Сурьи» из храмов, жен и дочерей своих подданных и собственных детей, всего 69000 женщин, включая *кумарик*, царица заперлась в громадных подземельях храма Сурья-Нари и, приказав построить священные костры вдоль всего подземелья, сожглась на них вместе с другими женщинами и всеми сокровищами города, предоставляя в распоряжение победителей одни пустые здания.

Вернулся царь и, найдя на месте дворца, царицы и детей лишь пепел, бросился догонять победоносную армию. Настигнув ее, он разбил ее совершенно и, захватив вместе с царем ее 11000 пленных, вернулся к развалинам Асгарты. Здесь он заставил пленных выстроить на пепелище погибшего новый и еще более богатый город и затем, когда он был окончен, соорудить посреди города, пред храмом Нари, костер, способный вместить в себе 11000 человек. На нем и гимаватский царь, и его воины среди проклятий и поруганий всего народа Асгарты были сожжены живыми в отмщение за погибшую царицу[1213].

По преданию и древним летописям, уже пройденное нами подземелье, как и то, которое нам оставалось пройти по другую сторону пещер, есть то самое подземелье храма, в котором сожглась царица. Этот мягкий грунт, принятый мною за черный и мельчайший песок, есть пепел 69000 женщин и *кумарик*, то есть девственниц!

Это – легенда, а теперь следует быль. Всего двадцать два года прошло с того времени и в Пуне, как и в Гвалиоре, все подробности этой эпической трагедии еще свежи в памяти людской.

По дороге от Агры к Сагору[1214] расположена территория Джанши (Jhansi)[1215]. Теперь она находится в британской провинции Бунделькунд[1216], но в 1854 году принадлежала независимым

[1210] Речь идет о пирамиде Хеопса на плато Гиза в пригороде Каира (Египет).

[1211] «Душа Брамы», высший духовный сан. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1212] Kumārikā (*санскр.*).

[1213] См.: *Jacolliot L.* La femme dans l'Inde. Paris, 1877. P. 309–334 (*Жаколио Л.* Женщина в Индии. Париж, 1877. С. 309–334).

[1214] Сагар (*англ.* Sagar).

[1215] Джханси.

[1216] Бунделкханд (*англ.* Bundelkhand).

пешвам махратским. Радж Джанши состоит из двух частей, разделенных лишь одною узкою полосой земли, принадлежащею к территории туземного раджи или такура Техри. К северу западная часть Джанши обрамлена Гвалиором и Дуттеей[1217], к востоку – Техри, к югу и к западу – снова Гвалиором. В 1832 году, по статистике Ост-Индской компании, в этом радже было 956 деревень и 286000 населения, разбросанного на пространстве 2922 квадр[атных] миль. Давало оно круглым счетом 28 *лакков* рупий дохода[1218]. Часть владения Урзхского[1219] раджи из фамилии принцев Бунделлы[1220], она была им уступлена еще при Сиваджи пешвам, которые и посылали туда управлять своих *субадаров* (губернаторов). В 1804 году англичане заключили с одним из них, в качестве данника пешвы, оборонительный союз, а в 1817, когда друзья и союзники отняли по своему обыкновению у пешвы все права и он *уступил* (!!) им, между прочим, и право владения Бунделькундом, Компания заключила с субадаром Джанши другой договор, по которому она признавала его независимым раджой «с правом передачи наследия детям, а если не будет таковых – ближайшим наследникам» за плату Компании 74000 рупий в год. В 1832 году принц Рам-Рамчунд-рао[1221] был формально признан раджой. Но в 1835 он умер без прямого наследника мужского пола, оставив престол внучке, недельному ребенку его дочери, с тем, чтобы выбранный для нее муж наследовал трон. Но Компания, невзирая на договор и не только против желания народа, а даже и против самого закона престолонаследия в Индии – закона, запрещающего прокаженным царствовать, – выбрала дядю умершего раджи Ругонат-рао[1222]. Прокаженный, полубезумный и болезненный раджа умер три года спустя. Компания только этого и ждала. Под тем предлогом, что из туземцев никто не умеет управлять своим домом, и делая вид все время, что они ищут приличного для Джанши наследника, англичане, назначив пенсию Лакшми-бай, замужней внучке (прямой наследнице) и ее мужу Гунгадар-рао[1223], овладели раджем в 1843 году. В 1854 году, за три года до мятежа, Гунгадар-Рао, муж Лакшми-бай, умер[1224], оставив вдову и сына, который имел все права на престол прадеда и матери. Но англичане объявили ребенка *незаконным* сыном и даже отняли у Лакшми-бай пенсию. Ей было тогда 16 лет. Ее-то Такур и назвал величайшею героиней современной Индии.

Махарани Лакшми-бай была двоюродною сестрой как махараджи Синдии Гвалиорского, так и Наны Саиба. При самом начале восстания, когда последний сбросил маску, она открыто приняла его сторону и, успев собрать двадцатидвухтысячную армию в Джанши, приготовилась поддерживать Нану Саиба до конца. Говорят, будто Нана Саиб успел привлечь на свою сторону не только войско Гвалиора, но и самого Синдию. Но на следствии махараджа вполне оправдался, где и доказал, что обвинение шло от его врагов. Получив известие, что войско Синдии готово, по соглашению с Наной Саибом махарани во главе своей армии направилась на Гвалиор, столицу Синдии, где ожидала по прибытии своем найти ворота крепости отпертыми, а войско и народ приготовленными объявить свою независимость. По предварительному соглашению эта индийская Иоанна д'Арк[1225] должна была, вступив в Гвалиор, завладеть городом во имя Наны Саиба, а затем уже, при счастливом окончании дела, возвратить Синдии его владения. Но вышло иначе. «Деван» (первый министр), на которого надеялись, что он все приготовит и предупредит народ, как и армию, оказался изменником общему делу. Махараджи Синдии тогда не было дома – он был с англичанами. Вместо того чтоб отпереть ворота города Лакшми-бай и ее армии, «деван» заперся и послал предупредить англичан, угрожая все время своим солдатам местью махараджи и его союзников Компании. Солдаты колебались и, услыхав ночью условленные знаки, не знали, что̀ им делать. Между тем, «царица Джанши»[1226], видя, что ей не отпирают ворот, и подозревая

[1217] Диттеа (*англ.* Ditteah, Dutteah, Dateya).
[1218] 2800000 рупий. – *Примечание Е.П.Блаватской.*
[1219] Орчха, Орачха (*англ.* Orchha, Orachha).
[1220] Bundela.
[1221] Ramchandra Rao (1806–1835).
[1222] Raghunath Rao III.
[1223] Gangadhar Rao (1814–1853).
[1224] См.: Jhansi // *Thornton E.* A Gazetteer of the Territories Under the Government of the East-India Company, and of the Native States on the Continent of India. London, 1862. P. 448–449.
[1225] Жанна д'Арк (1412–1431) – национальная героиня Франции.
[1226] Так зовут ее в народе. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

измену, ворвалась в город с другой стороны, взяв его положительно приступом. Рассказывают, будто ей отперли другой, потайной ход.

Тогда началось царство ужаса и продолжалось в городе целую неделю, пока не поспели на помощь англичане. Лакшми-бай перерезала бóльшую часть армии Синдии, умерщвляя всякого, кто только колебался присоединиться к ней. «Деван» успел скрыться[1227]. Когда английская армия прибыла на помощь Гвалиору, некий *брамачариа*, одетый в платье *саньязи* (аскета), предложил ей спастись, уверяя ее наперед, что иначе она погибнет. Он умолял ее последовать за ним с сыном в окрестности Каунпура, где в подземелье Джаджмóу она найдет друзей и полную безопасность. Но Лакшми-бай гордо отвергла предложение, уверяя его, что смерти не боится и предпочитает ее даже жизни в виду унижения ее родины. Тогда началась возле городских ворот и вне крепости, которую наша героиня не успела взять, памятная на долгие годы в стране битва. Махарани сама повела своих солдат на бой верхом на бешеной лошади. На минуту произошла в их рядах паника и бóльшая часть непривыкших к регулярной службе новобранцев бросилась бежать. Одна с горстью приверженцев она защищала свою позицию с мужеством отчаянной решимости в продолжение трех часов против неприятеля втрое ее сильнее. Заметив, наконец, что ее силы слабеют, она приказала своим приближенным тут же воздвигнуть костер и приготовить все необходимое, дабы зажечь его тотчас же, как раздастся ее приказание. «Братья, – воскликнула она, по словам очевидца, – клянусь тенью всех павших в честном бою предков моих умереть прежде, нежели коснется одной нитки моего *сари* рука *беллати*. Поклянитесь и вы, коли мне суждено здесь пасть, сжечь мое тело, не дозволяя врагу прикоснуться даже и до праха его!» Все поклялись, и Лакшми-бай ринулась верхом в самую густую толпу сражающихся. Говорят, будто еще и в эту торжественную минуту тот же таинственный аскет снова предложил ей спасенье, но она снова отвергла его. Все увеличивающая народная молва уверяет, будто она собственноручно убила *несколько сот* англичан! Но что она убила многих также верно, как и то, что англичане тщательно скрывают это постыдное для них событие. Наконец, ее лошадь, чего-то испугавшись, рванулась так бешено, что махарани выпустила поводья из рук. В несколько скачков обезумевший конь отнес ее назад под городские стены, где сраженный неприятельскою пулей пал, сбросив с себя наездницу. Махарани не была, однако, убита. Она была в полной памяти и только обе ноги ее, вероятно, были сломаны. Ее посадили у стены, и она продолжала отдавать приказания. Но заметив, что несколько англичан, видя ее падение, спешили к ней с целью овладеть ею и уже перерезывали ее приближенным дорогу к костру, она мигом решилась и отдала последнее приказание. Пока часть ее верных товарищей удерживала приближение неприятеля, другая, положив махарани на сено и навалив на нее целую кучу соломы и хвороста, мгновенно зажгла ее. Затем и они кинулись отражать наступление англичан, дозволяя им рубить и резать себя одного за другим лишь бы дать огню время довершить свою работу, а махарани превратиться в пепел…

– Этот благородный пепел, вполне достойный смешаться навеки с пеплом царицы Асгарты, покоится здесь и его уж никто и никогда не потревожит, – так кончил наш собеседник.

Мы вышли из пещеры другим коридором, и этот узкий проход повел нас в гору. Дорога шла отлого; ноги также утопали, как и в первом, словно в мягком ковре. Наконец, круто повернув вправо, она привела нас к такой же глухой стене, как и первая. Единственная между двумя разница состояла в том, что запиравшая отверстие скала вместо того, чтоб уходить в боковую стену, при открытии опускалась вниз, оставляя низкую, фута в полтора[1228], стенку, которую нам и пришлось перешагнуть. За этою стеной в небольшой пещере находится глубокий колодезь. Здесь, кругом нас на 16 миль в квадрате, погребены развалины давно усопшего города Асгарта.

Чтобы выбраться снова на землю, нам пришлось всходить три раза сряду по бесчисленным ступеням. Еще нечто вроде двери – камень между двумя скалами, поворачивающийся на чем-то неизвестном мне, – и мы снова в какой-то пещере; свет, хотя и слабый, ослепляет нас после восьми часов темноты. Выйдя на чистый воздух, мы почувствовали, как должен чувствовать себя человек, вышедший из прохладного погреба и залезший в духовую печь. Жара стояла невыносимая. Все спало в лесу и кроме неумолкаемой трескотни кузнечиков неслышно было ни

[1227] Он еще жив и получает от англичан огромную пенсию. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1228] 0,46 м.

шороха. Даже обезьяны дремали в листве… Был полдень и нам приходилось под страхом апоплексии выжидать в тени, пока не спадет полуденный зной. Шагах в десяти стоял старый разрушенный храм, от которого остался один *гопарам*, ворота с комнатой или двумя внутри здания. Там мы скрылись от этого ужасного, невыносимого зноя, спугнув по дороге сотни разноцветных попугаев, сверкавших, словно подвижная радуга, пред нами своими блестящими крыльями на солнце… Мы вернулись на кочевку[1229] к вечернему чаю.

Говорить подробнее о подземном путешествии не приходится по многим причинам, из коих главная та, что эта местность совершенно никому неизвестна, да и многое из виденного и слышанного нами так странно, что, вероятно, у меня не достало бы и слов для более точного описания. Есть и другие подземелья, например, в Амбере возле Джейпура[1230], в которых не был еще, кроме нас, ни один европеец; также подземный, ведущий далеко под море ход из Элефанты, где, забравшись мили на две в его глубину, мы чуть было не задохлись вместе с сопровождавшими нас парсами. Но про эти ходы известно и англичанам, хотя никто из последних еще не посещал их. Про подземелья же в Джаджмóу, к удивлению своему, сколько я ни расспрашивала англичан, никто ничего не знает. Недаром наш друг Такур, взявший с нас честное слово никогда не намекать о дороге, ведущей к ним, так спокоен насчет их открытия англичанами. Индусы – народ скрытный и загадочный вообще[1231], а из всех индусов Такур загадочнее всех их, взятых вместе. Недавно, собираясь описывать эту поездку, спрашиваю его:

– Вы ничего не имеете против моего описания для русской публики вашего подземелья в Джаджмóу?

– Ровно ничего, – говорит, – коли надеетесь на свою память.

– В памяти я уверена. Но вы говорили, что англичанам самое даже существование этого места неизвестно? А если они, которые с жадностью читают все русские газеты, немедленно переводя все сколько-нибудь касающееся Индии и вообще Азии, прочтут мое описание да примут к сведению?

– Чтò ж из этого? Пусть принимают.

– А если пойдут искать, да и отыщут его?

Гулаб-Синг как-то странно прищурился и посмотрел на меня не то пытливо, не то немного презрительно.

– Чтò же в моих словах такого странного? Кажется, предположение весьма естественное?

– Весьма… – подчеркнул Такур, – только с точки зрения европейцев, а не с нашей. Извиняясь заранее в смелости, осмеливаюсь предположить, что я, быть может, немного более вас изучил не только англичан, но и человеческую природу вообще. А изучив ее, скажу вам наперед следующее: девять шансов из десяти, что, прочитав это описание, всякий англичанин примет ваш рассказ за сочиненную вами сказку. Они народ слишком гордый и чванный, чтобы допустить, что есть такие места в их владениях, о которых они еще никогда не слыхали и куда не ставили еще своих часовых…

[1229] На стоянку.

[1230] Джайпур (*англ.* Jaipur).

[1231] Они до того загадочны, что при всех стараниях полиции вообще и тайной полиции в особенности англичане до сей поры не могут сообразить следующего: «Как могли во время мятежа 1857 года *без телеграфов и железной дороги* передаваться с такою быстротой новости с одного конца Индии на другой? Едва чтò случалось в Калькутте, как за 2000 миль оттуда где-нибудь на севере Индии через несколько часов уже знали на базаре об этом, а англичане узнавали только чрез неделю». Сэр Джон Кей в своем сочинении *Sepoy War 1857–8*[*], в подробной истории о мятеже, замечает этот странный, «необъяснимый для правительства факт». «Когда был вырезан наш штаб в Аллахабаде, пишет капитан Морель, я был в то время в Мадрасе. На другое утро, 8 июня, является ко мне знакомый браман и рассказывает о случившейся катастрофе. Не веря, я бегу в дом губернатора. Там ничего не знают. Мы официально узнали об этом лишь чрез шесть дней!» (*A Few Days in 1857 in India*[**])[***]. *– Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Джон Уильям Кей (1814–1876) – английский военный историк, колониальный чиновник, секретарь политического и тайного департамента министерства по делам Индии (1858–1874), автор многих трудов, среди которых «A History of the Sepoy War in India, 1857–1858» («История сипайской войны в Индии 1857–1858 годов», в 3-х т., 1864–1876).

[**] «Несколько дней 1857 года в Индии» (*англ.*).

[***] Ср.: *Kaye J.W.* A History of the Sepoy War in India, 1857–1858. Vol. I. London, 1864. P. 491.

– Ну, а если билет вынется, как нарочно, с *десятым* нумером[1232]… Что̀ тогда?

– Тогда они пойдут на поиски и – ничего не отыщут.

– Да как же вы можете так наверное ручаться?.. Ведь подземелье существует… Не исчезло же оно с лица земли?..

– Именно потому, что оно существует в действительности, они и не найдут его. Вот если бы вы выдумали его, то они нашли бы его непременно, если бы даже им пришлось для того прорыть его самим… Они бы сделали это хоть бы для того, чтобы задать нам, туземцам, острастку и вместе показать до́ма – вот какие мы в Индии тонкие молодцы: ничто не ускользает от нашего всевидящего ока!.. Ведь сочиняли же они подложные политические корреспонденции и ловили мнимых политических преступников, подкупая для этого воров из острога; и все это только для того, чтоб оправдать ими же сочиненные и посланные самим себе доносы…

– Последнее предположение. Они, то есть все власти и их шпионы, знают, что вы были с нами в Каунпуре и Джаджмо́у… Ведь я опишу дело, как оно было… Если они пристанут к вам показать им, где это подземелье, извините меня, если они вздумают *заставить вас* открыть им эту тайну… Что̀ вы тогда станете делать?..

Такур засмеялся тем тихим, неслышным смехом, от которого меня всегда бросало и в жар, и в холод.

– Успокойтесь, этого никогда быть не может. Но в случае, если б они вздумали «приставать», то предупреждаю вас наперед, что *вы*, а не *я* увидите себя в фальшивом положении. Поверьте, что я даже и слова не вымолвлю в таком случае, а предоставлю защиту коллектору моего округа и всем знающим меня жителям. А коллектор мистер В. донесет, что *с 15 марта по 3 июня 1879 я не выезжал из своего «раджа» и что он посещал меня два раза в неделю*, а жители, между прочим все англичане, подтвердят это…

С этими словами он встал и, сев на свою лошадь, простился и уехал, бросив мне на прощание следующее немного насмешливое замечание.

– Почем вы знаете… Быть может, у меня есть брат-*близнец*, о котором миру так же мало известно, как и о подземелье?.. Вот запишите и это; не то и ваши земляки примут вас, вместе со всем нашим Теософическим Обществом, за дополненное издание *Барона Мюнхгаузена*[1233].

И наверное примут.

Подобное событие уже раз случилось с Такуром. Его все видели в Пуне, где он открыто показывался в продолжение целого месяца. Когда же его захотели замешать в одно политическое дело, коллектор, магистрат и *два миссионера* показали, что Гулаб-Лалл-Синг не выезжал из своего поместья более шести месяцев. Заявляю *факт*, отказываясь, как и всегда, объяснить оный. Еще не прошло и года, как оно случилось.

[1232] номером (*устар.*).

[1233] «Удивительные путешествия барона Мюнхгаузена на воде и на суше, походы и веселые приключения, как он обычно рассказывал о них за бутылкой вина в кругу своих друзей» – книга немецких писателей Рудольфа Эриха Распе и Готтфрида Августа Бюргера, опубликованная в 1786 г.

Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен (1720–1797) – немецкий фрайхерр (барон), ротмистр русской службы и рассказчик, ставший литературным персонажем. Имя Мюнхгаузена стало нарицательным, как обозначение человека, рассказывающего невероятные истории.

XXVIII

И вот мы в Дельи – великом граде могулов. Если другие города и места Индии держали нас, словно очарованных, под влиянием волшебного сна с его мимолетными грезами обо всем, что̀ когда-либо являлось прелестного в архитектуре, то Дельи остался навеки запечатленным в наших воспоминаниях как воплощение на вид несокрушимого и все же побежденного гиганта, уснувшего Самсона, оставившего свои густые пряди в руках предательской Далилы[1234]. Нигде во всей разоренной Индии не найдете вы стольких свидетельств о могуществе мусульманской империи, нигде не почувствуете себя столь вынужденными с благоговением преклониться пред памятью великих мастеров, создавших «Надир-шах моск»[1235], башню Кутаб, дворец Делийский, а главное, *Тадж-Махал* в Агре.

Дельи вынырнул пред нами из-за пригорка за несколько минут до солнечного заката и мигом вызвал во мне воспоминание о золото-жемчужной столице Магометова рая, по рассказам Пророка. Во время одной из своих духовных экскурсий в эту вновь открытую им небесную область поэт-пророк имел случай видеть и подробно описать нам одного ангела, нижняя половина тела коего состояла из пламени, а верхняя из прозрачного льда: оба враждебные друг другу элемента превосходно уживались, нисколько не вредя друг другу. При первом взгляде на древнюю столицу Шах-Джегана мне припомнился образ этого ангела. Предположив, что Магомет пророчески узрел Дельи в далеком будущем и при таком солнечном закате, его «огне-ледяной» ангел является лишь восточною и весьма верною метафорой этого города. Залитая багрово-золотистым пламенем заходящего солнца, вся нижняя часть дворцов, мечетей, минаретов Дельи, построенная без исключения из красного песчаника, казалась громадным горящим костром, из недр которого высоко воздымалась, теряясь в прозрачной и уже потухающей синеве вечернего воздуха, верхняя часть строений – глыбы ослепительной белизны мраморных куполов, минаретов, башен… А над всем этим, словно туловище и голова «ангела», водруженная на скалистом пригорке, столь высоком, что платформа, на коей она построена, стоит на 30 с лишком футов[1236] над уровнем самых высоких крыш Дельи, – возвышалась Джама-Масжид, главная мечеть города. С ее лесом башен, стенных зубцов и минаретов над полосатою, из черного и белого мрамора головой о трех куполах, эта мечеть – самая замечательная по своей оригинальности, если не по красоте, в Индии[1237]. Зрелище было величественное и вырвало у всех нас единодушный крик удивления.

Древний город, на развалинах коего Шах-Джеган выстроил в XVII столетии Дельи, назывался в истории Индии Индрапрештой[1238], а затем Индерпутом. Основателем оного был царь Юдиштира[1239], смерть которого по древним летописям браманов последовала в 3101 году до Рождества Христова. До христианской эры история этой столицы покрыта непроницаемым мраком, среди которого изредка являются беглые проблески событий, историческая верность коих подтверждается историей других народов. Летопись Индерпута, от самого его основания и до конца, существует, конечно, но она в руках браманов и скрывается ими, как и многое другое, под предлогом, что пока будет продолжаться *Кали-июг* (черный период) арийцы не должны открывать

[1234] Далила – в Ветхом Завете женщина, предавшая Самсона. За его беззаветную любовь и преданность Далила отплатила ему предательством: выдачей секрета богатырской силы Самсона его злейшим врагам, филистимлянам.

[1235] Mosque (*англ.*) – мечеть. По всей видимости, речь идет о мечети XVIII века Сунехри-Масджид (букв. Золотая мечеть), с которой иранский шах Надир-шах (1688–1647) наблюдал за разграблением Дели в 1739 г.

[1236] 9 м.

[1237] Джама-Масжид была заложена и начата Шах-Джеганом на четвертом году его царствования (в 1633) и окончена на десятом. Она стоила около 100000 фунт[ов] стерл[ингов] на английские деньги за один материал, так как постройка ее и рабочие были, конечно, даровые. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1238] Индрапрастха, Индра-прастха (*санскр.* indraprastha – «плоскогорье Индры», от «прастха» – «равнина»), также Шакра-прастха (*санскрит.* Çakra-prastha, çakra – «могучий», «сильный») – древнеиндийский город, часто упоминаемый в «Махабхарате»; столица царства Пандавов. Располагался на берегу Джамны, притока Ганга, и близко к нынешней столице Дели; его развалины – между Дели и Кутубом.

[1239] Юдхиштхи́ра (*санскр.* «стойкий в битве») – герой «Махабхараты», старший из братьев-Пандавов, сын царицы Кунти и царя Лунной династии Панду. Его небесным отцом был бог справедливости Дхарма, отождествляемый с богом смерти и посмертного воздаяния Ямой. Был царем Индрапрастхи и, позднее, Хастинапура. В битве на Курукшетре был лидером Пандавов. Юдхиштхиру также описывают как воина, виртуозно владевшего копьем.

своей истории «белым» врагам. А так как до конца этого и до начала будущего «Сатьи-юга» остается ждать 42721 год, то до тех пор наши ученые ориенталисты успеют и состариться и не нашему поколению будут открыты великие тайны древней истории Индии. Европейские ученые мстят за это браманам, отвергая их показания и историческую достоверность даже того немногого, что̀ туземные историографы соглашаются им поведать… А что помимо их известно и принято всеми – может быть рассказано в нескольких словах. Даже это представляет необычайный интерес, благодаря словно сказочным событиям…

Пропустив целые столетия, мы находим Индерпут, выбираемый столицей своей царем Анунгпалом[1240] за несколько сот лет до Рождества Христова. За этим опять длинный антракт. Браманы не пускают профанов за кулисы, но рассказывают друзьям и врагам о необычайных богатствах и цивилизации этой столицы Северо-Западной Индии и переводят целые страницы из древних рукописей.

Около 980 года нашей эры раджа Индерпутский является членом и союзником туземной конфедерации, сперва побежденной пенджабским раджой Себектегином[1241], а затем – Махмудом из Гёзни[1242] в 1008 году. Наконец и лишь по вторжении в Индию Магомета Шахаб-уд-дина Гхорского[1243] в 1191 году мы находим Индерпут одною из четырех великих держав Индии, переименованною в 1193 году Шахаб-уд-дином в империю Дельи. Мусульманский историк Фериштa уверяет, будто султан Гхорский отнял эту империю у Притви-раджи[1244], раджпутского принца, который, несмотря на кавалерию из 300000 всадников и 3000 слонов, проиграл сражение. Но эти «исторические» якобы события до того запутаны и неясны, что в летописях Аджмира[1245] говорится напротив, что не Притви-раджа пал, а сей последний победил Магомета Шахаб-уд-дина и, отрезав ему голову, сделал из нее чучело, которое и сохранялось многие столетия в оружейной раджпутских царей. Но зато те же летописи повествуют, что несколько лет спустя вследствие ссоры между конфедератами Кутб о-Дин[1246], генерал гхорский, действительно победил защитников Индерпута и затем основал в нем независимую магометанскую династию, известную между восточными историками под именем Дельи или «рабыни гхорских султанов». С тех пор эту несчастную империю перекидывали из рук в руки как мячик. В 1288 году кхильджи[1247], «племя искателей приключений» из Афганистана (по словам той же летописи), зарезав владетеля Дельи Кейкобада[1248], передали страну своему предводителю Джеллал уд-дину[1249] и основали династию Кхильджи, длившуюся до 1321 и пресекшуюся с убиением султана Мобарика[1250]. За этим империя перешла в руки Гхейяса уд-дина Тоглука[1251], основавшего Тоглукскую династию. Потом ворвался в Индию Тамерлан и, проникнув в 1398 году в Дельи, ознаменовал свой подвиг тем, что перерезал 100000 пленных индусов. «Высокие башни были построены из голов убитых и тела их преданы хищным птицам», – говорит историк. Промелькнув всеразрушающею грозой по всему горизонту Индии, Тамерлан тотчас же бросил Дельи, предав страну забвению. В продолжение 50 лет в городе, где не осталось по его уходе ни одного живого существа, царствовало гробовое молчание,

---

[1240] Анангпал II (? – ок. 1081) – индийский правитель в 1051–1081 гг., основал Дели.

[1241] Себук-Тегин (ок. 942–997) – правитель Газневидского государства с 977 по 997 г.

[1242] Махмуд Газневи (971–1030) – эмир и падишах государства Газневидов (с 998 г.).

Газни́ – город в Афганистане.

[1243] Мухаммад Гури (Шихаб-ад-дин Мухаммад, Muhammad of Ghor, Muhammad Shihab ad-Din, 1149–1206) – завоеватель Северной Индии.

[1244] Притхвирадж Чаухан (Prithviraj Chauhan, 1149–1192) – раджпутский царь, правитель Аджмера и Дели.

[1245] Аджмер.

[1246] Кутб ад-Дин Айбак (Quṭb al-Dīn Aibak, Quṭb ud-Dīn Aibak, Qutub ud-Din Aybak, 1150–1210) – основатель династии мамлюков и первый султан Делийского султаната (1206–1210).

[1247] Хильджи́ (Хальджи, Хилджи, Халджи) – феодальная династия тюркского или афганского происхождения, правившая Делийским султанатом с 1290 по 1320 г. Такое название династия получила по названию племени халаджей, из которого происходил основатель династии Джалал ад-Дин Фируз

[1248] Муизз ад-дин Кай-Кубад (Qaiqabad, 1270–1290) – султан Дели (1287–1290).

[1249] Джалал ад-Дин Хильджи (ок. 1220–1296) – основатель и первый султан династии Хильджи (1290–1296).

[1250] Кутб-уд-дин Мубарак-шах (Qutb-ud-din Mubarak Shah, ?–1320) – последний делийский султан из династии Хильджи (1316–1320).

[1251] Гийяс ад-дин Туглак (Ghiyath al-Din Tughluq, ?–1325) – основатель династии Туглак в Индии и ее первый правитель (1320–1325).

тишина смерти и тления[1252]… Только в 1450 году Бехлал[1253], глава патанов (афганское племя лоди)[1254], снова завладел покинутым городом и страной. Его внук Ибрагим[1255] был побежден и убит в сражении при Панипуте[1256] знаменитым в истории султаном Бабером в 1526 году. С тех пор водворилась и царствовала последняя династия Бабера, называемая падишахами, а город переименовался затем, в честь своего последнего основателя, из Дельи в Шахджеганабад[1257]. Но не знала и эта злополучная династия покоя. Сын Бабера, султан Хумайюн, был побежден в 1540 году и изгнан из Индии Шир-ханом Патанским[1258] и, только благодаря помощи Персии, вернул свое царство в 1554. Один император Акбар, сумевший возвести свое Индийское царство на высшую точку могущества тем, что мог одно время выставить 4400000 солдат[1259], удержал для себя и потомства великую империю Дельи, дававшую ему 37724615 ф[унтов] ст[ерлингов] ежегодного дохода до 1707 года. С этого времени до 1803, то есть в продолжение более столетия, эта несчастная страна была театром постоянных войн. Великие Могулы ее подвергались всевозможным злополучиям. По очереди патаны и сикки, науабы[1260], махраты и раджпуты делали набеги, выкалывали царям глаза, сожигали их живыми и то захватывали, то снова теряли Дельи. Наконец, сердобольная Ост-Индская компания, сжалясь над несчастными, пожелала спасти эту династию *даже против воли ее*. С достохвальным и беспримерным в истории самоотвержением генерал Лэк[1261] отправился в 1803 году под стены Дельи. Там, воспользовавшись не то доверчивостью, не то оплошностью некоего авантюриста-француза Луи Бурксена[1262], главнокомандующего махратской армии, он с большим беспристрастием потопил в реке Джумне как осаждавших город французов, махратов и патанов, так и защищаемых им могулов, на помощь коих он якобы явился, а затем, овладев городом, навеки прибрал его к рукам. С тех пор бедные баберяне попали «из огня да в полымя». Настал для них великий *dies irae*[1263] и длился он до 1857 года, когда вследствие мятежа последний из номинальных «великих могулов» Магомет Бахадур[1264] отправился, наконец, из места изгнания и заключения на земле… в высшие райские сферы своего Пророка. Так мы, по крайней мере, надеемся ради бедного, разжалованного могула. Он довольно выстрадал, дабы получить хоть эту одну из стольких обещанных ему привилегий[1265].

Ничто не может сравниться с прелестью не только заветных уголков и исторических памятников полуразрушенного Дельи, но и вообще окрестностей и даже городского вала. Эти еще грозные на вид стены, осеняемые густою бахромой акаций и финиковых пальм, красноречиво

[1252] См: «Кстати, многое должно быть пересмотрено будущими летописцами. Даже пресловутая кровожадность Тимура, может быть, будет переоценена. Кто знает, может быть, великий завоеватель вовсе не был настолько жестоким. Известно, что он насаждал духовные общества дервишей и заботился о духовном образовании своих воинов» (*Рерих Н.К.* Листы Дневника. Т. 3. М., 1996. С. 76).

[1253] Бахлул-хан Лоди (Bahlul Lodi, ?–1489) – первый султан Дели из династии Лоди (1451–1489).

[1254] Патаны (*санскр.* paṭhān) – индоарийское название пуштунов.

[1255] Ибрахим-шах II Лоди (Ibrahim Lodi, ?–1526) – последний представитель династии Лоди на престоле Делийского султаната (1517–1526).

[1256] Панипат (*англ.* Panipat).

[1257] Шахджеханабад (*англ.* Shah Jehanabad).

[1258] Фарид ад-Дин Шер-шах Сури ибн Хасан-хан (первоначальный титул Шер-хан – «Лев-повелитель», ок. 1486–1545) – мусульманский военачальник пуштунского происхождения. Начав службу у правителя Бихара как рядовой солдат, дошел до командных постов в могольской армии, а затем в 1540 г. изгнал Великих Моголов из индийских пределов и подчинил себе всю Северную Индию, основав последнюю династию Делийского султаната – Суридов. Один из крупнейших реформаторов в истории Индии.

[1259] См. *Историю* Эльфинстона*, со слов историка Абул-Фазла**. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* См.: *Elphinstone M.* The History of India. Vol. II. London, 1841. P. 340.

Цит. по: Delhi // *Thornton E.* A Gazetteer of the Territories Under the Government of the East-India Company, and of the Native States on the Continent of India. London, 1862. P. 263.

** Абу-л Фазл (1551–1602) – визирь Акбара, автор «Акбар-наме», летописи, описывающей историю империи Великих Моголов.

[1260] Навабы.

[1261] Джерард Лейк (Lake, 1744–1808) – главнокомандующий британскими вооруженными силами в Индии.

[1262] Louis Bourquin.

[1263] день гнева (*лат.*).

[1264] Бахадур Шах II.

[1265] См.: Delhi // *Thornton E.* A Gazetteer of the Territories Under the Government of the East-India Company, and of the Native States on the Continent of India. London, 1862. P. 258–265.

напоминают туристу о прежнем их величии и о тех славных рыцарских временах, когда на укрепленных валах прохаживались часовые непобедимых султанов Акбара и Аурунгзеба. Теперь, обрамленные траурною тенью темной *сальвадоры*[1266], остались одни разбросанные по гласису минареты могил, гробницы да одинокие памятники навеки уснувших героев… И долго не забыть нам унылой, таинственной долины Кутаба! По этой долине, растягиваясь беспрерывною полосой в семь миль ширины и более чем на тридцать миль в длину вдоль берега Джумны, разбросаны развалины не одного, а *нескольких* древних и новейших городов. Это целая эпопея из гранита и мрамора, эпическая поэма славного прошлого бессчетных поколений героев!.. От самого сада Шахлимар[1267] у городских ворот почти до полдороги к Агре вся долина усеяна развалинами циклопических построек и разрушающимися зданиями более современной эпохи: когда-то грозных крепостей царей раджпутских; дворцов, мраморные стены коих точно изваяны руками фей; изразцовых башен, гранитных бастионов и странной, невиданной формы зданий. Вот обширные (как целые храмы) гробницы с гигантскими воротами и входными арками, словно пятимиллионная армия Ксеркса хоронила с военными почестями каждого покойника; разваленные обелиски – останки массивной патанской архитектуры; уцелевшие комнаты от царских дворцов (ныне превращенных в хижины, в даровые квартиры парий), стены коих сооружены из кирпича, покрытого сплошь драгоценною эмалью и прелестнейшею мозаикой; древние золоченые купола, из трещин коих повырастали целые леса кактусов; куски стен, сквозных, как дорогое венецианское кружево, и развалины старинных языческих храмов, посвященных неизвестным богам, с жертвенниками, живопись на коих доселе еще представляет ослепительно яркие цвета и свежесть будто вчера намазанных красок!.. Что ни шаг, то новая руина; куда ни взглянешь – опрокинутые стены, упавшие статуи, разбитые колонны… И среди этого чудного, диковинного мира, как бы животрепещущих развалин, царит и день и ночь мертвенная тишина. Что за дикая сцена запустения! Когда мы очутились в этой местности, нам почудилось, будто мы попали в сказочное царство «спящей красавицы»…

Недавно еще, не более четверти века тому назад, эта долина от города и до самой башни Кутаб-Минара (выговаривается, впрочем, *Катб*-Минар), стоящей за 9 миль от ближайших к ней городских ворот, была обителью роскоши, наслаждения и могущества. Она еще была усеяна загородными дачами богатых вельмож и придворных Великого Могула. А ныне она превратилась в обитель полного тления и недаром зовется в народе Долиною Смерти. Ее избегает как пешеход, так и всадник: одни туристы рискуют еще вступать на проклятую почву. Ее когда-то великолепные чертоги повалились, мозаичные стены потрескались и стонут, задыхаясь в объятиях дикого кактуса. Только благодаря цепким ветвям этого растения, они еще не совершенно рухнули, но стоят словно приговоренные к смерти мученики… Здесь каждый император могучих династий патанов, раджпутов и могулов увековечил себя каким-либо памятником. Можно следовать по какому угодно направлению на 25 миль кругом и все еще не видать пред собою конца этому необычайному, диковинному миру развалин!..

Пять дней мы бродили по ним. Уходя из дома с рассветом, мы и завтракали и обедали среди этой обстановки прошлых веков, возвращаясь только к вечеру. Каким-то грустным, тоскливым чувством сжимается сердце при входе в эту пустынную долину, гробницу стольких поколений! Все кругом тихо, мертвенно, безмолвно… Ни малейшего звука не доносится даже с далеких городских стен, где угрюмо торчат среди памятников и минаретов тяжелые английские бастионы и где, следя за нами, точно вражьи глаза, чернеют на каждом из них по девяти пушек, направленных на проходящих. Изредка лишь что-то шарахнется под ногами, и встревоженный непривычными людскими шагами дикобраз, взъерошив иглы во все стороны и фыркая, как испуганная кошка, откатывается клубком в сторону; пролетит стая павлинов, затемняя на секунду дорогу и блестя дождем разноцветных искр; лань пугливо выглянет из-за темной зелени алоэ да проскользнет в траве проворная ящерица, сверкая радужною спиной на солнце. Кругом ни единого отголоска. Разве только от времени до времени среди этого тяжелого безмолвия раздастся еле различаемый ухом шорох, а вслед за ним легкий стук как бы оторвавшегося камешка: то рука

[1266] Сальвадора персидская (Salvadora persica).
[1267] Шалимар (*англ.* Shalimar).

неумолимого времени непрестанно производит работу разрушения над «Долиною Смерти», отрывая кирпич за кирпичом, камень за камнем от мозаичных стен древних чертогов: словно крупные мраморные слезы роняют они на свои красные как алая кровь подножия. И падают они век за веком, пока, наконец, и чертоги, и самые стены не превратятся в прах…

Да, пал гордый Дельи, но пал, как падают одни гиганты: как пал Самсон жертвой измены и собственной доверчивости. Он уснул в объятиях Далилы, которую уж столько лет он холил и озолачивал и в *честь* которой он имел глупость верить. Поэтому верная своему «историческому призванию», Ост-Индская компания и поступила как настоящая Далила. Она не только потворствовала ему в его сластолюбии, но сама увлекала его на пути бешеного разврата. В последние годы своей *самостоятельной* жизни под крылышком Далилы Дельи перещеголял Древний Рим в распутстве и изнеженности… И вот, воспользовавшись его временною слабостью, Далила окорнала беспомощного великана, а затем, выколов ему глаза, предала в руки филистимлянам[1268]. А уж как, казалось, любили они друг друга! Какая нежная дружба связывала Англию-Далилу и индо-могульского красавца! До какой степени первая кокетничала с последним можно судить из следующего примера. Полковник Скиннер[1269], герой времен Ост-Индской компании, прожил безвыездно сорок пять лет в Индии. Поселясь в Дельи, он тотчас же забыл всякую разницу между религиями, преобразовался в настоящего мусульманина, женился на нескольких женах и, только что отказав в выдаче небольшой казенной суммы на постройку христианской церкви, соорудил с огромными издержками, якобы на *собственный счет*, богатую мечеть, а затем и храм для индусов. Сооружение церкви в Дельи, пишет он в донесении, «справедливо оскорбило бы чувство Великого Могула и его народа». Кроме того, нам показывали в Дельи десятка два мечетей и языческих храмов, в которых находились богатые бронзовые колокола, серебряные идолы и художественной отделки дорогие люстры и лампады, и даже жертвенники, с именами жертвователей. Все эти предметы до одного были «благодарственными дарами» и добровольными приношениями вследствие *обетов* «за избавление от тяжких болезней» и других невзгод, *поднесенными англичанами идолам и Магомету*!! Имена жертвователей все европейские[1270].

Но теперь все это изменилось. Лицемерие более не у места и вместо лукулловских празднеств и кокетничанья Альбион-Далила наступила на Дельи, как и на всех соседей его, тяжелою ступней своею – и мусульманский город задохся. Великий Могул исчез; исчезли и все изнеженные вельможи его. Les apparences sont sauvées[1271], а больше ничего и не требуется. Могулы *не умели* управлять народом, как не умели и науабы Аудские и *как не умеет ныне злополучный Тейбо*[1272] – король Бурмы[1273]. Филантропия Англии не дозволила ей, как и никогда не дозволит, хладнокровно видеть, как страдает под гнетом деспотического управления чей бы то ни было народ. Ведь она Богом посланная спасительница азиатских народов, друг страждущего человечества.

По дороге, ведущей к долине Кутаба, на старом памятнике у древней крепости Феруз-шаха[1274] я начертила карандашом известный стих Данте, надпись над воротами ада, как нельзя лучше подходящий к унылой долине и ведущему к ней пути…

[1268] Суд. XVI, 4–21.

[1269] Джеймс Скиннер (1778–1841) – британский офицер Ост-Индской компании, писатель.

[1270] См.: *Gordon Cumming C.* From the Hebrides to the Himalayas. Vol. II. London, 1876. P. 52–53.

[1271] Приличия соблюдены (*фр.*).

[1272] Тибо Мин (Thibaw Min, 1859–1916) – последний бирманский король.

[1273] Не раз приходилось нам разговаривать на счет взводимых английскими журналами на короля бирманского «преступлений» и «ужасов» с только что вернувшимися оттуда буддистскими монахами. На наши вопросы все до одного уверяли, что ничего подобного не слыхали. Эти буддисты – миролюбивые английские подданные с острова Цейлон, чрезвычайно довольные управлением их страной и даже весьма преданные англичанам, чтò после деспотических, кровожадных и особенно фанатичных голландцев и португальцев и весьма понятно. Но эти буддисты газет не читают и поэтому не могли вникнуть в хитрую политику своих правителей, девизом которой следовало бы избрать известную французскую поговорку: *«Quand on veut tuer son chien on dit qu'il est en ragé»*[*]. *– Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] «Быть собаке битой – найдется и палка» (*фр.*).

[1274] Фируз-шах III Туглакид (Firuz Shah Tughlaq, 1309–1388) – делийский султан из династии Туглаков (с 1351 г.).

Per me si va ne la cittá dolente,
Per me si va ne l'etterno dolore,
Per me si va tra la perduta gente[1275]…

Едва отошли мы на несколько шагов, как я обернулась и предо мною мелькнули желтые усы и румяное лицо нашего высокоблагородного шпиона, капитана Л. Он стоял пред памятником с начертанным на нем стихом и чесал в затруднении затылок. Затем вынул карандаш и бумагу и тщательно списал мою надпись: Данте будет еще раз прочитан лордом Литтоном[1276], а быть может, и самим Беконсфильдом…

Какой-то путешественник выразился о гробницах магометанских вельмож в Индии следующим образом: «Если вы желаете получить верную идею о них, то представьте себе лондонскую церковь Св. Павла, превратившуюся в мрамор и перенесенную в огромный сад со всеми пресловутыми воротами старого Йорка вместо калитки, или же целую массу куполов, покрытых инкрустациями из черепиц, разрисованными вощаными красками невозможных и самых блестящих металлических оттенков – зеленых, голубых, золотистых, бронзово-фиолетовых… И все это собрание куполов на высоких, грациозных пилястрах и арках, девственно-прекрасных и столь же совершенных, как и в тот день, когда они вышли из-под резца скульптора»[1277]… А подобные здания буквально испещряют окрестности Дельи! Работа на некоторых из таких гробниц до того ажурная и изящная, что при заходе солнца мраморные стены сквозят, как алебастровый абажур на лампе...

Подивясь «посоху Фероз-шаха» (огромный из красного песчаника столб, который, несмотря на то, что при падении ушел на две трети своей величины в землю, все еще имеет 37 фут[ов][1278] длины и десять в объеме на заостренном конце), мы отправились к памятнику султана Хумайюна, вид которого так часто красуется на много знаменитых делийских брошках. Он стоит на мраморной платформе в 200 футов в квадрате, покоясь со всех четырех сторон на аркадах, к которым ведут три высоких яруса ступеней из гранита. Каждая арка четырех аркад служит навесом для нескольких гробниц, а высоко над ними возвышается императорский мавзолей, величественное здание из красного камня, выложенное белым мрамором. Стиль архитектуры чисто сарацинский. Внутри мавзолея круглая комната, посреди которой стоит мраморный саркофаг. С плоской крыши памятника открывается чудный вид на много миль кругом; мы принесли с собою телескоп и превосходно рассмотрели в него, не теряя дорогого времени, памятник Низам-Уддину[1279], святому, прожившему долгую жизнь на навозе и покоящемуся после смерти среди драгоценного мрамора и порфира; мавзолей принцессы Джаханары[1280], дочери несчастного Шах-Джегана (о которой ниже с целою поэтическою легендой, относящеюся к ней и ее памятнику), и последнее роскошное жилище Сафдара Янга[1281], великого визиря империи в XVIII веке и предка последнего злополучного короля Ауда[1282].[1283] Целые города мавзолеев и саркофагов из драгоценнейшего мрамора – вот все, что̀ осталось от некогда богатейшей из мусульманских империй! «Эти белеющие вдали памятники, – говорил мне недавно один более

[1275] Мой путь ведет во град мученья,
Мой путь ведет на вечное страданье,
Мой путь ведет средь проклятых людей[*]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] *Данте.* Божественная комедия, Ад, песнь III.

[1276] Эдвард-Роберт Бульвер (1-й граф Литтон, 1831–1891) – английский дипломат, вице-король Индии (1876–1880), поэт.

[1277] *Gordon Cumming C.* From the Hebrides to the Himalayas. Vol. II. London, 1876. P. 61.

[1278] 12,4 м.

[1279] Низамуддин Аулия (Nizamuddin, 1238–1325) – один из наиболее значимых суфийских святых.

[1280] Джаханара (1614–1681) – дочь Шах-Джахана.

[1281] Абул Мансур Мирза Мухаммад Муким Али Хан, также известен как Сафдар Джанг (ок. 1708–1754) – крупный могольский государственный деятель, 2-й наваб-вазир Ауда (1739–1754).

[1282] Ваджид Али Шах (1822–1887) – последний правитель Ауда (1847–1856).

[1283] См.: Delhi // *Thornton E.* A Gazetteer of the Territories Under the Government of the East-India Company, and of the Native States on the Continent of India. London, 1862. P. 261.

других откровенный англичанин-судья, – положительно производят на меня какое-то нервное, непонятное чувство страха, когда я сижу один по вечерам на балконе… Точно армия покойников в белых саванах, пришедшая требовать отчета в судьбе своих потомков»…

В «Чандни-Чок»[1284] красуется императорский дворец, описанный епископом Гебером как одна из самых величественных царских резиденций, когда-либо виденных им, «далеко оставляющая за собою Кремль, но в некоторых деталях уступающая Виндзору»[1285]. Наивное национальное хвастовство! В наших глазах, т.е. во мнении даже англичан-артистов и архитектора У***, этот дворец далеко превосходит все европейские дворцы, древние и современные, как своею оригинальною красотой, так и прочностью. Одна готическая арка в центральном дворе большой башни, арка, за которою следует длинное крыло со сводом, наподобие крыла в готических соборах, приводит знатоков в восторг. Арка за аркой тянутся под сводом, уподобляя этот проход скорее длинному тоннелю, нежели пристройке… В самом центре крыла – открытый восьмиугольный дворик из гранита, каждый вершок коего покрыт инкрустациями мельчайшей, почти мозаичной работы цветов и фруктов из разноцветного мрамора и камней. «Девани-Хас»[1286] (комната императорского совета) – белый мраморный павильон под куполами из того же материала, с арками и колоннами превосходнейшей резьбы и весь покрытый золотыми арабесками, цветами из перламутра, сердолика и малахита и надписями из Корана персидскими буквами самой изящной работы. Богатая листва из чистого серебра, некогда украшавшая потолок, отобрана победителями, и прелестный павильон ныне служит резиденцией совам и летучим мышам. В этом же вкусе и восьмиугольный павильон среди запущенного великолепного сада, и «Моти-Масжид» – родная сестра другой «Моти-Масжид» (*Жемчужной мечети*) в Агре – придворная капелла императоров, и даже «зала аудиенций», она же тронная зала Великих Могулов, с престолом в глубине, мозаика коего выложена в виде павлиньего хвоста. Этот трон только недавно очищен от голубиного навоза, густо покрывавшего престольное седалище…

Проехав мимо красивой мечети с целою рощей минаретов, заглядывающих целый день в прозрачные воды залива реки, мы остановились возле «Джама-Масжид», великой мечети. Ее громадный фундамент из красного песчаника составляет четырехугольник, а стены словно предназначены для крепости. На каждом углу этой террасы по башне, мраморные купола коих покоятся на тонких красных колоннах. С трех сторон невероятно широкие мраморные ступени ведут к трем главным воротам. Это целое путешествие в гору; крыши всего города находятся под ногами туриста на последней ступени. Что касается центральных четвертых ворот, обращенных к востоку, то они считаются до того священными, что к ним не дозволено даже и близко подходить. Эти трое ворот ведут во двор – сквер в 450 футов[1287] с открытыми аркадами, окруженный с трех сторон колоннадами красных столбов и с большим мраморным бассейном посредине, наполняемым особенным механизмом из нескольких источников в долине. На западной стороне, обращенной к востоку, т.е. к Мекке, возвышается мечеть – «Красавица Востока». Весь фасад покрыт толстыми плитами из белого мрамора, а вдоль карниза расстилаются надписи – стихи из Корана, буквами из черного мрамора с золотом в четыре фута длины каждая. Три огромных белых купола исполосованы таким же черным мрамором, а высокие минареты – красным и белым. Каждая из башенок являлась чудом изящества.

Была пятница и к тому же какой-то праздник, и на дворе, способном вместить 12000 народа, толпились правоверные. Наши индусы не пошли с нами, а остались внизу у знакомого, одного из несметных кумовьев бабу́. Мы же оставались в самой мечети всего несколько минут, так как к великому афронту[1288] У*** его и полковника заставили разуться и, по их уверению, вследствие этой прогулки по холодным мраморным плитам оба схватили насморк. Пол самой мечети представляет подобие шахматной доски из белых и черных плит…

[1284] Чандни-Чоук (*англ.* Chandni Chowk) – рынок в Дели.

[1285] *Heber R.* Narrative of a Journey through the Upper Provinces of India. Vol. II. London, 1827. P. 290.

Цит. по: Delhi // *Thornton E.* A Gazetteer of the Territories Under the Government of the East-India Company, and of the Native States on the Continent of India. London, 1862. P. 259.

[1286] Диван-и-Хас (*англ.* Diwan-i-Khas).

[1287] 137 м.

[1288] неудаче (*фр.* affront).

В нескольких ста шагах от городской стены находится обсерватория, громадная, как и все остальное. Как и несколько других обсерваторий и по тому же плану, она была выстроена знаменитым раджой Джейпурским, Джай Сингом[1289], ученым астрономом и астрологом в начале XVIII столетия, тем самым астрологом, что̀ по желанию императора Магомета Шаха[1290] преобразовал местный календарь. Кроме громадных солнечных часов, мы нашли на этом пространном, как целая площадь, дворе «азимутальные круги», как их представил нам Гулаб-Синг, какой-то удивительной формы столбы для измерения высот и тому подобные ужасные орудия астрономии. Весь этот двор завален и застроен кривыми стенами, каменными треугольниками со ступенями, ведущими в пустое пространство, странными геометрическими фигурами из гранита «для местных астрологов», как мы узнали, и все это покрытое непонятными нам знаками, ужас наводящими абракадабрами, цифрами, среди которых один Такур был как дома, а мы, бедные профаны, совершенно сконфузились и ушли домой с головною болью…

«Кутб-Минар», башня в девяти милях от города, считается высочайшею колонной в нашем мире, даже и теперь, когда она глубоко осела и верхнюю часть ее отбило молнией. Эта колонна, в настоящее время 349 футов[1291] высоты, по местным преданиям, служила придворным магикам для их приятельских совещаний с «планетарными» духами. Действительно, судя по высоте башни, можно с достоверностью предположить, что эти стихийные жители часто спотыкались об оную и рвали себе крылья на ее острых зубцах. Быть может, они для того и направили молнию, чтобы сокрушить последние?.. От фундамента башня заостряется доверху, где, когда крышу еще не разгромило, умещались 12 магов, каждый с 12 фолиантами «заклинаний». Ее стены покрыты куфическими[1292] надписями и гигантскими буквами, выдолбленными на несколько футов глубины. Красная снизу доверху, высоко паря под облаками, «Кутб-Минар» кажется издали каким-то чудовищным, кровавым восклицательным знаком, поставленным над «Долиною Смерти»…

Вокруг башни жмутся сотни пилястров, арок и колонн. Каждый из этих обломков в ином от прочих стиле и часто *не* в мусульманском стиле, а во вкусе Индии, что̀ одно доказывает их древность и сколько времени должно было пройти между каждым стилем. Немного в стороне, распластавшись, как гриб, широко раскинутыми террасами, стоит особняком и под куполом пирамидальное, состоящее из четырех ярусов замечательное строение. То «коллегия Акбара», знаменитая необычайною красотой своей резьбы и построенная им для сходок «мудрецов», нарочно приглашавшихся из всех стран света для «религиозных диспутов»[1293]. Совершенно сквозное в нижней террасе, со стенами, покрытыми живописью, мозаикой, барельефами с инкрустациями всякого рода, нишами с выпуклою работой на золотом фоне и бесконечною вереницей геометрических узоров и надписей, это здание как бы служит великолепным преддверием к башне-великану[1294]…

Пять дней прошли как один день, и мы уезжали в тот вечер в Агру, древнюю столицу Акбара. Прощаясь, быть может, навсегда с долиной Кутаба, мы отправились отдохнуть в последний раз под тенью гигантской башни. Никто не знает когда, кем и для чего именно она была построена. Черные мраморные полы четырех опоясывающих ее балкончиков покрыты теми же странными знаками, как и ступени ее внутренней витой лестницы. Ее четыре комнаты – одна в каждом ярусе – ведут чрез низкую дверь на наружную галерейку, и находились охотники подниматься по ней. Но мы отказались от подобного путешествия под облака: я по причинам, о которых из самолюбия умолчу; остальные просто из лени или, скорее, пресыщения.

[1289] Савай Джай Сингх II (Sawai Jai Singh, 1688–1743) – махараджа Дхундхара, основатель Джайпура, организатор астрономических обсерваторий в Дели, Бенаресе, Удджайне, Джайпуре и Матхуре.

[1290] Мухаммад Шах или Насир уд-Дин Абу-л-Фатх Мухаммад (1702–1748) – падишах империи Бабуридов в Индии с 1719 г.

[1291] 106 м.

[1292] Куфическое письмо – один из старейших видов арабского письма, созданный в конце VIII в. после основания двух иракских городов – Басра и Эль-Куфа.

[1293] Известно, что император Акбар никогда не был *правоверным* мусульманином, но целую жизнь, отыскивая истину во всех религиях, постоянно колебался между христианством, мусульманством и религиями парсов и браманов. Он был великим астрологом своего времени. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1294] См.: *Gordon Cumming C.* From the Hebrides to the Himalayas. Vol. II. London, 1876. P. 56.

Действительно, мы все начинали чувствовать признаки болезни, которую можно было бы назвать «индижестией[1295] руин». У нас начинали являться по ночам кошмары в виде башен, дворцов и храмов; видения, во время которых быстроногие минареты гонялись за нами, а черные мраморные саркофаги отплясывали на нас танец смерти... Но Такур отправился с Нараяном Кришнарао наверх, оставив нас под покровительством тезки последнего, бабу́ Нараяна Дас-Сена, а бабу́ тотчас же начал пугать мисс Б*** рассказами о привидениях и духах, посещающих Кутб-Минарскую башню.

Вероятно, и наш махратский Геркулес увидал в таинственной башне нечто очень страшное, потому что когда оба сошли чрез полчаса вниз, Такур казался серьезнее и суровее, нежели когда-либо, а смуглые щеки Нараяна совсем сделались земляного цвета, а губы его нервно дрожали.

– Смотрите, – шепнул вполголоса мисс Б*** неудержимый бенгалец, – смотрите, бьюсь об заклад, что Такур-саиб вызывал для Нараяна одного из своих предков… На бедняге лица нет!..

Что-то глубоко страдальческое и вместе с тем зловещее блеснуло в черных глазах брамина… Но он тотчас же опустил глаза и, сделав видимое над собою усилие, смолчал…

Я хотела вмешаться и разом остановить неуместные поддразнивания бабу́, но Такур предупредил меня. Не переменяя разговора, он незаметно отвел наши мысли от этого щекотливого предмета, дав им совершенно другое направление…

– Ты прав, бабу́, – задумчиво отвечал он, не обратив ни малейшего внимания на очевидную иронию бенгальца, – нет во всей Индии местности более подходящей к вызыванию памяти о событиях великого прошлого *моих* раджпутских предков, чем эта башня!.. Здесь, – продолжал он, указывая на Дельи, – полководцы и владетельные принцы Раджистана были в конце XVII столетия в последний раз лишены престола по праву принадлежащего им царства, достояния их отцов… Здесь фанатические, жестокие могулы, водворясь на троне, завоеванном ими лишь хитростью, перевернули произвольно последнюю кровавую страницу истории великой независимой Индии!.. Да! – вдруг произнес он, сверкая блестящими, словно разгорающиеся угли глазами и как бы в дотоле сдержанном, но тем более ужасном порыве внутреннего бешенства. – Да!.. Один разврат да изнеженность этой небом проклятой расы широко раскрыли дверь европейским завоевателям!.. То могулы, одни они, погубили нашу Индию! Не поселись это поколение гаремов на нашей родине, не было бы сегодня ни одного англичанина на нашей земле!..

У***, нахмурив брови и повернувшись к стене, казался чрезвычайно занятым рассматриванием куфических надписей. Но мисс Б*** с патриотическим жаром, достойным лучшего дела, ощетинилась, как кошка, и разом ринулась в битву.

– О-о-о!.. – иронически прогнусила старая дева на все тоны национальной дисгармонии. – Гей-гей!.. Неужели вы хотите этим сказать, что *мы* не сумели бы справиться даже и с вами, раджпутами?.. Нас, англичан, еще *никто* и *никогда* не побеждал, и мы никогда еще не уступали раз попранной нами территории!..

Мне сделалось положительно страшно за эту глупую женщину! Ничего и никогда не случалось мне видеть в человеческих глаза подобного тому зловещему, мрачному огню, который зажегся в широко раскрытых зрачках гордого Такура. Но он молчал и только глядел на нее. Так должен был глядеть на будущую жертву свою Сфинкс – до решения загадки…

К счастию, полковник нашелся и разом выручил нас всех, учинив счастливую диверсию[1296] в свою сторону.

– Вас-то, англичан, *никогда* не били? – переспросил он, добродушно подсмеиваясь. – Кроме нас, американцев, добавьте… Вспомните какие трепки мы, янки, задавали вам от 1775 до 1783 года, когда мы навеки прогнали вас с наших берегов… А затем в 1812, когда на одного американца приходилось *восемь* убитых англичан[1297]!.. Не следует, любезнейшая мисс Б***, не следует забывать историю даже из патриотизма.

[1295] Индижестия (*устар., мед., англ.* indigestion) – несварение желудка, нарушение пищеварения.

[1296] То есть отвлекающий маневр.

[1297] Речь идет о войнах за независимость США в 1775–1783 и 1812–1815 гг. между Англией и ее колониями в Северной Америке.

Полковник не ошибся в своем великодушном расчете. Этих простых слов оказалось достаточно, чтобы навлечь на него бурю, окончившуюся, как и всегда, потоком истерических слез. Англичанка делалась нам с каждым днем противнее…

Неоднократно уже полковник в качестве президента Теософического Общества собирался серьезно пригласить ее вернуться в Бомбей, где среди более родственной и симпатичной ей сферы разбогатевших бакалейщиков и гордых английских экс-сапожников она могла бы себя чувствовать и спокойнее, и счастливее. Но я всегда протестовала. Как ни несносно нам было ее общество, но как англичане она и У*** были нам несомненно полезны в виду глупейших подозрений и преследования нас тайною полицией. А это шпионство, неуклюжее и грубое, старавшееся да не умевшее оставаться тайным, делалось нам день ото дня тяжелее. Присутствие двух англичан, и ярых патриотов к тому же, среди нашего кружка не только могло пригодиться впоследствии, но и выставляло англо-индийское правительство в самом глупом виде…

По обыкновению своему, Такур, проводив нас до железной дороги, простился и обещал встретить нас, *быть может*, в Агре, во всяком случае, в Бертпуре[1298]. Мы расстались.

В дороге Нараян был неузнаваем и находился как бы под гнетом невыносимого бремени или печали. Бабу́ вертелся, как бес пред заутреней; Мульджи по обыкновению молчал; У*** дулся за свою соотечественницу, которая сушила во всю дорогу свои клыки на солнце; полковник храпел в углу кареты; а я думала, думала до одурения… Что̀ такое происходит между Такуром и Нараяном?.. Что̀ это за тайна… Кто знает!..

Как при нашем въезде в Дельи, солнце и теперь садилось, утопая в расплавленном золоте облаков, а далеко на горизонте виднелся величественный «Кутб-Минар», уже до половины окутанный в темно-фиолетовые ночные тени; верхняя часть башни еще горела, как огненный столб, в золотисто-оранжевом сиянии заходящего солнца…

Император Акбар, царь Соломон[1299] Индии, по великой премудрости своей величайший, как и любимейший, из могульских повелителей Индии и единственный из них, память которого дорога наравне как магометанам, так и индусам. Последними он еще более, может быть, любим, так как всегда выказывал пристрастие к ним. Акбар Великолепный, Благословенный, Акбар любимец богов и «Краса престола мира» – вот прилагательные к его имени. Между туземцами город Агра до сей поры носит его имя и называется в народе *Акбарабад*. Числом жен Акбар превзошел царя Соломона. Какое значение могут иметь 800 законных и 300 незаконных супруг в сравнении с 5000 жен Акбара? Туземная летопись уверяет, будто император обязан своим могуществом единственно этим дамам. Раз решась завладеть всею Индией, великий падишах, дабы вдвойне привязать к себе союзников, женился поочередно на дочерях каждого из них. Как только он узнавал, что у такого-то раджи или соседнего принца есть дочь или дочери, то посылал тотчас же предложение. А такому жениху, как император Акбар, возможно ли было отказать? Таким образом, благодаря армии тестей-союзников, он заранее ограждал себя от войн, а государство от вторжений. Жены были довольны и счастливы, и никому из них не было завидно. Каждая имела свою комнату во дворце и свои особенные права. От этого фамильного дворца остались одни развалины.

Акбар считался четвертым в поколении пророка Магомета; поэтому ему много и прощалось правоверными, хотя он много грешил против веры. Особенно оскорблял их император своими сомнениями и вечною погоней за *истиной*: «Как будто вся божественная истина не сосредоточилась в нашем благословенном Пророке!» – рассуждает один из его историков. Он имел страсть к изучению философии и питал глубокое благоговение к древним рукописям, назначая огромные премии за самые старинные летописи «шести великих вер Востока»: христианской, магометанской, иудейской и вер браманов, буддистов и парсов. Он почитал все

[1298] Бхаратпур (*англ.* Bharatpur).

[1299] Соломон – третий еврейский царь, правитель объединенного Израильского царства в период его наивысшего расцвета; по разным хронологиям даты правления относятся к началу X века до н.э. Соломон – персонаж множества легенд, в которых выступает как мудрейший из людей и справедливый судья, нередко ему приписываются волшебные качества: понимание языка зверей, власть над джиннами.

шесть и не принадлежал ни к одной[1300]. Говорят, будто после него осталась кипа автографных рукописей, и чему еще труднее верится, будто они еще уцелели. Родившись в 1542 году, он умер в 1605, процарствовав около полустолетия[1301]. Не могу промолчать об одной странной, переданной мне истории – легенде, быть может, или просто вымышленной басне. Но так как она находится в тесной связи с историей России, совершенно совпадает с числами ее самых крупных исторических событий и называет одну известную русскую княжескую фамилию, то передаю, как слышала, продавая за то, за что̀ сама купила.

Как и все в Индии, Абкар слепо верил в астрологию и магию. Еще будучи принцем, он пристрастился к одному белолицему юноше, в одно прекрасное утро таинственно приведенному к нему во дворец. Затем юноша исчез, и один принц знал, кто и где он. Но по восшествии Акбара на престол тот снова явился и совершенно завладел императором. Никто не знал его настоящего имени и откуда являлся оба раза таинственный чужеземец, хотя при дворе, где толпились сотни иностранцев, «мудрецы с востока, запада, юга и севера»[1302], никто не обратил сперва на юношу особенного внимания, но вскоре завистники стали коситься на него и подкапываться под царскую милость. Рассказывали, будто юноша, презренный раб, пленник с далекого севера, был подарен Акбару патанским полководцем из Афганистана. Интрига против этого чужеземца достигла, наконец, того, что жизнь его стала не в безопасности. Император испугался, и юноша в одно прекрасное утро также таинственно и во второй раз исчез, как и появился. Острастки ради и в виде внушения Акбар притворился, будто не знает, куда его фаворит пропал; приказал его врагам предстать пред свои грозные очи, и в то утро несколько голов свалилось с плеч. Только чрез двенадцать лет человек, еще молодой и в котором старожилы-придворные, невзирая на перемену, скоро узнали пропавшего юношу, снова появился при дворе. Но возмужалый, важный и сосредоточенный он был представлен самим императором всем придворным как ученый астролог и *гуру* (учитель), и двор повергся пред чужеземцем в прах на этот раз искренно и с сердечным трепетом, ибо слава молодого астролога предшествовала его появлению в Агре и о нем говорили шепотом и со сдержанным страхом: «“Пандит Васишти Аджа́нубаху”[1303] изучал сокровенные науки – “джаду” и “йог-видью” (то есть черную и белую магию) у самих *джиннов* в недрах Гималая, возле Бадринатта, и сам великий император выбрал его своим *гуру*. Велик Аллах! Чужеземец обладает перстнем самого Сулимена (Соломона)[1304], владыки всех *джиннов* (духов). Правоверные, берегитесь оскорбить пандита!»

Хроника уверяет, будто пандит Васишти Аджа́нубаху оставался при Акбаре до самой смерти последнего, а затем, хотя сам уже был в глубокой старости, неизвестно куда исчез. Уходя, он будто бы собрал своих учеников и сказал им следующие знаменательные слова: «Васишти Аджа́нубаху уходит и скоро исчезнет из этого дряхлого тела, но он не умрет, а появится в теле другого Аджа́нубаху, более великого и славного, который положит конец могульскому

[1300] Акбар, хотя мусульманские его поданные взирали на него как на святого и *чудотворца*, далеко не покровительствовал магометанской религии; часто нуждаясь в деньгах, он очень хладнокровно обирал мечети и грабил их казну в пользу кавалерии. Но и христианские миссионеры не были счастливее исламских мулл. Не только император поклонялся солнцу и молился светилу четыре раза в день, но и требовал поклонения самому себе как божеству. «Он изучал магию и окружал себя людьми, предавшимися сатане, – людьми, которые именем и с помощью нечистой силы творили разные нечистые чудеса» (из записок миссионеров Гоа) (Murray’s *Discoveries*)[*]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] См.: *Murray H.* Historical Account of Discoveries and Travels in Asia. Vol. II. Edinburgh, 1820. P. 95, 100–103 (*Мюррей Х.* Исторический отчет об открытиях и путешествиях в Азии. Т. II. Эдинбург, 1820. С. 95, 100–103).

Хью Мюррей (1779–1846) – шотландский географ и писатель.

[1301] *Gordon Cumming C.* From the Hebrides to the Himalayas. Vol. II. London, 1876. P. 10–11.

[1302] Там же. С. 11.

[1303] *Аджа́нубаху* – прозвище, состоящее из двух санскритских слов: *аджа́ну* – «длинные» (до лядвей[*]) и *баху* – «руки». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Лядвеи (*устар.*) – бедра.

[1304] Сулейман – согласно Корану, исламский пророк, третий еврейский царь и правитель объединенного Израильского царства в период его наивысшего расцвета. Сын пророка Давуда (Давида). Отождествляется с библейским царем Соломоном.

владычеству[1305]… Аджáнубаху II отмстит за Аджáнубаху I, *отечество коего было унижено и разграблено* ненавистными сынами лжепророка». Сказав эту святотатственную в глазах учеников речь, старый колдун исчез, «будь его имя проклято», набожно добавляет мусульманский автор[1306].

Прошу читателя держать в памяти как подчеркнутую мною фразу, так и хронологию событий. Сделанное нами недавно открытие, быть может, и ничего не значит, но совпадения и имена многозначительны. Во всяком случае, оно представляет более чем простой интерес для *русских* читателей. Легенд насчет пандита Васишти чтò деревьев в лесу дремучем, но я выбрала лишь эту, прямо относящуюся к делу. Что этот пандит был русским, взятым мальчиком в плен татарами во время победы Иоанна Грозного[1307] в 1552 над Золотою Ордой при Казани, то это не представляет для меня теперь ни малейшего сомнения. А что касается вопроса: кто именно таков был этот легендарный «пандит» и чтò он имел общего с княжескими русскими фамилиями, то предоставляю это на разрешение самих читателей. Наша песня еще впереди, и самое странное из этой странной истории еще не сказано, хотя, конечно, одно имя *Аджáнубаху* ничего еще не значит. Это прозвище дается здесь вообще всем адептам «тайных наук». Народная молва уверяет, будто особа, предназначенная судьбой сделаться «владыкой тайных сил природы», родится с весьма длинными руками… Возвращаюсь к истории.

Во время взятия Дельи приступом в 1857–58 году, когда англичане ворвались, наконец, в город, произошло следующее историческое событие: город был взят, но старый король исчез, и его нигде не могли отыскать. Наконец, как и всегда при таких затруднениях, нашелся и между могулами Иуда-предатель. За мешок золота да щедрые обещания прощения и пенсии сам тесть наследного принца, мирза Эллахи Букт[1308], с помощью некоего Руджиба Али, «мунши» (учителя)[1309], предал Великого Могула в руки авантюриста Ходсона[1310], а вместе с ним и четырех принцев Делийского дома, *шахзаде*[1311]. Короля нашли спрятанным там, где его бы никогда не открыли, и если бы не это предательство, то он успел бы уйти за Гималаи. Разузнали, что он уже успел передать некоторый ящик с драгоценностями и бумагами принцам, и капитан Ходсон, – одно имя коего заставляет краснеть от стыда нелегко краснеющую английскую армию, – бросился в погоню за принцами. Их нашли спрятанными в окрестностях Дельи в одном из тайников гробниц «Долины Смерти». Живыми их взять было трудно, так как все они со всеми сопутствующими им домочадцами приготовлялись взорвать себя на воздух, а Ходсон желал овладеть и получить в сохранности если не самих принцев, то находящиеся при них драгоценности. Он пошел на хитрость. Обещая им *от имени правительства* прощение, дарование жизни и полное помилование, он их уговорил сдаться, и их повезли в город. Стóит лишь прочитать *Войну сипаев* сэра Джона Кея[1312], очевидца описываемых им событий, чтоб узнать в подробности, чтò затем произошло. После всех своих обещаний подлец-Ходсон приказал остановить паланкин принцев, а им самим выйти и стать пред ним на середине дороги, где он их ожидал верхом. Предчувствуя предательство, принцы вышли одни, оставив одного из щитоносцев с ящиком и небольшим древним серебряным ларчиком у паланкина. Тогда, притворясь будто он желает с ними переговорить, Ходсон начал с ними разговор, а между тем его солдаты по условленному знаку перерезали четырех принцев и их свиту, как баранов. Затем он бросился к

[1305] Сиваджи, герой и покоритель могулов, основатель Махратской империи, родившийся во второй четверти XVII и вступивший на престол *пейшвы* в 1664, получил прозвище «Аджáнубаху», так как имел очень длинные руки. Предание утверждает, что Сиваджи был воплощением некоего сильного и могущественного «чудодея с далекого севера». Он родился 17 лет спустя по смерти Акбара – кажется, в 1622 году. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

В «Московских ведомостях» в этом примечании последние два предложения отсутствуют.

[1306] *Легенды о Могульской империи.* Собрание преданий, переведенных с языков урду и махратского. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1307] Иван IV Васильевич, прозванный Грозным (1530–1584) – первый русский царь (с 1547 г.).

[1308] Иллахи Бакш (*англ.* Ilahi Baksh).

[1309] Мунши Раджиб Али (*англ.* Munshi Rajab Ali).

[1310] Уильям Ходсон (1821–1858) – британский офицер англо-индийских войск.

[1311] Шехзаде (шахзаде, *перс.* şāhzādeh) – титул сыновей султанов в Османской империи в XV–XVIII вв. и сыновей шахов в Сефевидском государстве.

[1312] *Sepoy War*, by Sir John Kaye, Vol. III. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: *Kaye J.W.* A History of the Sepoy War in India, 1857–1858. Vol. III. London, 1876. P. 646–655.

паланкину, но ни ящика с драгоценностями, ни ларчика, ни человека, оставленного там, уже не было. Во время свалки и этой ужасной резни сипай исчез, и о нем никогда не слыхали более. Что̀ сталось с сокровищами – не берусь сказать. Но ларчик с бумагами оставил по себе следы. По крайней мере по рассказам, один из свитков пергамента находится у некоего воеводы Северо-Западных провинций. Рукописи написаны частью по-персидски, частью на языке хинди, и каждая бумага носит на себе собственную печать императора. Это заметки, записки, документы, кои в целом составляют как бы записную книжку императора Джеллал-Уддина Акбара[1313]. Узнала же я о существовании их и содержании одного из пергаментов следующим курьезным манером. Один из членов нашего Теософического Общества, близкий родственник обладающего таинственным свертком, пожелал узнать от меня, нет ли в числе русских княжеских фамилий имени и фамилии «Васишти Аджа́нубаху».

– Нет, никогда не слыхала, – говорю. – Есть у нас имя Василий, но не Васишти, а про «Аджа́нубаху» не слыхивала. Это что̀ же за имя такое? *Аджа́нубаху* в переводе с санскритского, кажется, «длинные руки» (*аджа́ну* – длинные, *баху* – руки). Так прозывался Сиваджи, великий вождь махратов и основатель их царства? О нем, что̀ ли, идет дело?..

– Нет, – говорит, – не совсем. Ну, а имя *Лонгиманус* есть в России?

– И того нет, а есть фамилия Долгоруких[1314], если буквально перевести с латинского *Лонгиманус*[1315] и санскритского *Аджа́нубаху*.

– Ну вот и добрались, – замечает мне мой собеседник, – теперь для меня все ясно…

– А для меня так сделалось еще темнее!..

Тогда я узнала от него легенду о пандите Васишти и Акбаре и только что рассказанный мною эпизод при Дельи. Записки Акбара интересовали его уже с давних пор. Хорошо знакомый с языками, он изучил заметки императора и, зная о легенде астролога Васишти в Агре, тотчас же смекнул, что одна из записей в них касается этого таинственного незнакомца. На все мои просьбы показать мне бумаги он должен был отказать мне, так как они хранятся в тайнике, известном одному их обладателю, старшему брату его. Но тут же обещал перевести слово в слово акбаровскую запись, которую он списал для себя. Он сдержал слово. Вот она, как была написана по летосчислению мусульман в 938 году геджры[1316].

Перевожу с английского перевода, сделанного из разбросанных заметок в документах Акбара.

Заметка 1-я. «В начале полнолуния месяца моран[1317] 935 года (1557) приведен был из Гёзни патаном Асаф-ханом[1318] от “уламама” (?) молодой *москов*. Взят и порабощен в Кипчак-ханате (Золотая орда) при *деревне* Казани (?) в те дни, когда шейтан[1319] в образе московского царя, говорят, разбил ханов… Зовут молодого москова в переводе на наш язык *хинди* (то есть санскритский) коср Васишта́ Аджа́нубаху[1320], также – *Лонгиманус* на языке португалов *падре* (миссионеров). Он сын старого коср (князя), убитого в Кипчак-ханате… Васишта говорит так: “Язык свой, московский, знаю, также языки Ирана и Патана. Учился астрологии и *мудрости* в Гилане[1321] (при Каспийском море). Оттуда повезли меня опять в Иран, где служил царю Тамасту[1322]. Падишах рассердился за дурной сон и подарил меня Асаф-хану. Хочу учиться

[1313] Джалалуддин Акбар (*перс.* Jalāl ud-Dīn Akbar).

[1314] Елена Павловна Фадеева (1788–1860), бабушка Е.П.Блаватской, была урожденной княжной Долгорукой.

[1315] Longi manus (*лат.*).

[1316] Иранский календарь или Солнечная хиджра (*англ.* Hijrah, Hijra) – астрономический солнечный календарь, который используется в качестве официального календаря в Иране и Афганистане. Календарь был разработан группой из 8 астрономов под руководством Омара Хайяма, и с тех пор несколько раз уточнялся. Он ведет летосчисление от хиджры (переселение пророка Мухаммада из Мекки в Медину в 622 г.), но основывается на солнечном (тропическом) годе, в отличие от классического исламского календаря, поэтому его месяцы всегда приходятся на одни и те же времена года.

[1317] Мухаррам.

[1318] Асаф-хан (1548(1549)–1611(1612)) – полководец Акбара.

[1319] Шайтан (*араб.* šayṭān) – в исламском богословии представитель категории злых духов.

[1320] А с этого в переводе на русский язык: князь (коср) Васишта (или Василий) Длинные Руки или *Долгорукий*!!? – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1321] Гилян (*перс.* Gilân).

[1322] Тахмасп I (1514–1576) – шах Ирана, второй шах династии Сефевидов (с 1524 г.).

премудрости *суфий* и саманов (вероятно шраманов или шаманов[1323], буддистов) и хочу получить *шаст* (цепь, но в этом смысле – талисман) с Великим Именем на нем»… «Пусть учится». А далее: «Отослан в Кашмир».

Заметка 2-я. «…Вернулся для совещаний, получил *Аллагу Акбар*[1324]. Васишти отыскал Великое имя *Хэ*[1325] и посвящает суфиев благословенной Рабии[1326]».

А в 968 году рукой, по-видимому, самого императора, приписано: «Велик Васишта Аджа́нубаху!.. В его руках и луна, и солнце. Он сбросил *таклид*[1327] (ошейник) обманчивых религий и нашел истинную мудрость суфиев, выраженную в следующей станце:

Как лампа, так и свет ее – *одно*,
Одни глупцы лишь зрят в кумире и его брамине
Отличные друг от друга два предмета[1328]»…

Так кончаются эти выписки. Кто такой был Васишта Аджа́нубаху, останется, вероятно, навеки неразгаданною проблемой. Если то был один из князей Долгоруких, взятый в плен татарами при Иоанне Грозном, то ведь должно же это событие быть упомянутым где-нибудь в летописях этой фамилии, если не в истории? Но что он был русским – это мне доказано тем, что в одной «странной на неизвестном языке строчке», по выражению нашего друга, *срисованной* им с пергамента, я увидала и узнала подпись имени «князя Василия»; она начертана старинными церковными буквами и неумелым почерком, как писали наши прадеды триста лет тому назад, и подпись очень неясная, но как слово *кнез*, так и имя *Василий* могут быть сразу прочтены каждым русским.

Изумительны тайны твои, о седая, молчаливая древность! И чем более изучаем мы ее в Индии, тем тверже поселяется во мне непреодолимое убеждение, что как русские в частности, так и доисторическая Россия, Болгария и вообще все славянские народы теснее связаны с Ариавартой, нежели то известно истории или даже подозреваемо современными ориенталистами.

Не раз приходилось мне на этих страницах категорически заявлять, что я не имею ни малейшего притязания соперничать с учеными этнологами и филологами, но, невзирая на их авторитетные заключения, все же не могу удержаться, чтобы не противоречить им на каждом шагу, замечая как часто и насколько их выводы, столь, по-видимому, логические и блестящие вне Индии, делаются слабыми и неправдоподобными для того, кто изучает страну на месте и принимает в соображение не только местные предания, но и гармоническое сочетание последних в отдаленнейших друг от друга пунктах страны. Вполне сознаю, что поступаю в этом случае в противность строгим научным принципам и выработанному новейшим языковедением методу; знаю, что, навостряя уши при одних фонетических сходствах между языками помимо всяких других соображений, грешу против основных правил этимологии, установленных строгими языковедами и безропотно принимаемых в Европе последователями их школ. Профессор Макс

[1323] Шрамана (*санскр.* śramaṇa, *пали* samaṇa) – странствующий монах, аскет, религиозный подвижник в Древней Индии. Важной отличительной чертой шраманов являлось отрицание авторитета Вед. В качестве примера шрамана можно привести Будду.

[1324] Символический девиз* Акбара, вырезанный на талисмане и который Акбар жаловал лишь признанным магикам и астрологам для ношения оного на тюрбане как знак их достоинства. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Такби́р в исламе – возвеличивание Аллаха словами «Алла́ху А́кбар», переводе с арабского означает «Аллах – Велик!» или «Аллах – Величайший».

[1325] *Хэ, Неи**, в переводе – Он, то есть Бог. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Хех или Хух – абстрактное божество египетской мифологии, ассоциировавшееся с постоянством времени и вечностью, олицетворение бесконечности, бескрайнего пространства. Нун (*др.-егип.* «вода», «водный») – сотворивший себя «отец богов» в древнеегипетской мифологии, первозданный океан в начале времен.

[1326] *Рабиа** была основательницей мистической секты *суфиев* и жила в первом столетии эгиры. Поэт персидский Хафиз принадлежал к этому братству. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Рабиа аль-Адавия аль-Басри (717–801) – видная представительница басрийской школы аскетов.

[1327] Таклид можно перевести как «предание», «традиция».

[1328] Пантеистическая идея суфиев и ведантистов о единстве всего мира. Вселенная составляет *одно*; формы и образы миров физического, как и отвлеченного, – одни волны того же океана. Бог во вселенной и вселенная в Боге. Вне нет ничего, даже хаоса. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Мюллер имеет полное право смотреть на меня с презрительною насмешкой и даже называть мой слух «диким», а теории *unwissenschaftlich*[1329]; и все-таки, невзирая на этот жестокий урок (впрочем, счастливо пережитый мною), каждый раз, когда мне приходится в беседах наших с пандитами присутствовать при разговоре на санскритском языке или услыхать из уст нашего уважаемого друга и союзника суами Дайананда[1330] его частое воззвание к ученику: «Дехи ме агни», то есть *дай мне огня*, то в неученой простоте духа своего не могу воздержаться, чтобы не воскликнуть: «Да это совсем по-русски!..» Позволяя себе перефразировать нашу народную пословицу: «живи просто, проживешь лет со сто», я ее тут же применяю к делу и слово «живи» заменяю словом «думай». И думается мне в такие минуты, что несравненно выше всех ученых языковедов мира сего, с точки простого здравого смысла, одна русская родственница моя, дама умная, образованная и весьма наблюдательная, хотя по-санскритски и неученая[1331], которая недавно прислала мне следующее замечание в письме: «Ты, мать моя, – пишет она, – заступайся за браманское *Тримурти* и фантазируй над сокровенным смыслом и началом оного сколько тебе угодно, а что твое *Тримурти* в русском переводе выходит просто *три морды*, так это уж несомненно». И она совершенно права, так как слово «мурти» по-санскритски значит *лицо* и *идол*, а «Тримурти» в буквальном переводе – *три лика*, тройной образ Брамы, Вишну и Шивы. Поэтому я не могу согласиться даже и с самим великим Максом Мюллером и сразу поверить ему, что «в немецком языке процент чисто санскритских слов гораздо более, нежели в славянском и русском». Тем менее, так как в детстве нас заставляли спрягать немецкий глагол *geben*[1332], то мы чувствуем помимо всякой филологии, что повелительное наклонение «гиб мир фейер»[1333] столько же напоминает «дехи ме агни»[1334], как сам почтенный профессор во фраке – тибетского Далай-ламу без оного. Грузинский язык, уверяют нас новейшие энциклопедии по авторитету гг. языковедов, полон чисто санскритских грамматических форм, а русский – огромным количеством скандинавских, татарских, финских и других неславянских корней. Но вопрос: не наполнился ли русский язык этими «неславянскими корнями» уже в позднейших периодах своего развития и *только потому*, что сами эти «*не*-славянские корни» языков скандинавского, татарского, финского и проч. (заранее извиняясь за невежественную гипотезу у гг. *турано-* и *семитофилов*) одни лишь диалекты или, как выражается профессор Макс Мюллер, примитивные деривации[1335] санскритского, если не в его вполне законченной, совершенной форме, то, по крайней мере, как

[1329] ненаучными, дилетантскими (*нем.*).

[1330] Увы! «уважаемый друг и союзник» превратился с тех пор в опасного недруга и неприятеля! Фанатизм и ханжество взяли свое. В противность первоначальной программе, суами *требовал*, чтобы «Братство человечества» – Теософическое Общество – принимало членами одних лишь «арийцев», то есть особ, отрекшихся от прежней веры и переходящих *безусловно* в веру индусов-ведистов. Когда-то сам «ведантист», он теперь стал гнать и преследовать «Веданту» – самую очищенную и лучшую из древних философий Индии – и заменил ее всецело Ведами с их мертвою буквой, объясняемою им на свой манер и по собственному произволу. Новый Лютер Востока вначале, он мало-помалу превратился в Кальвина*, а теперь быстро следует по дороге, выбранной наследниками Лойолы. Убедясь в том, что ни полковник О***, ни я никогда не согласимся сделаться публично «ария-самаджами» и признать его одного за *непогрешимого* папу, он воспылал гневом, стал публично обзывать нас *«настиками»* (атеистами) и предал анафеме. «Такур», заступаясь за нас, объявляет его страдающим «безумием властолюбия»**. Таким образом, суами потерял около 45 человек англичан и американцев, признававших его своим *учителем*, а наше общество выиграло человек 100 «ария-самаджей», перешедших из его лагеря в наш. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Жан Кальвин (1509–1564) – французский богослов, реформатор церкви, основатель кальвинизма, отличался крайней нетерпимостью в отношении идейных и политических противников.

[**] В Письмах Махатм сказано, что Даянанду Сарасвати погубил «демон тщеславия», и он назван «тщеславным честолюбивым противником» Теософского общества (см.: Письма Махатм. М., 2012. С. 602, 610).

В «Московских ведомостях» (1881, №54, 23 февраля) это примечание отсутствует. В это время Даянанда еще был «другом и союзником» Теософского общества. Примечание появилось в «Русском вестнике» за июль 1883 г.

[1331] Речь идет о Н.А.Фадеевой (1829–1919), тете Е.П.Блаватской, проживавшей в Одессе.

[1332] давать (*нем.*).

[1333] «дай мне огня» (*нем.* gib mir Feuer).

[1334] «дай мне огня» (*санскр.*).

[1335] Деривация (*лат.* derivatio отведение, отклонение) – термин, означающий отклонение чего-либо от основной траектории движения, отклонение от основного значения. Деривация в лингвистике – фигура речи: 1) употребление в одном высказывании двух и более однокоренных слов; 2) замена одного слова другим, близким по значению, но более мягким.

первобытного языка двух третей человечества, – так этот вопрос едва ли когда был не только решен, но даже и затронут гг. языковедами. Не следует забывать многозначительного факта, что в России не существует ровно никаких памятников либо надписей, могущих указать нам на последовательное развитие русского языка.

Но все это *мое* личное мнение, и читателям до него дела нет. Поэтому до поры до времени оставлю этот вопрос в стороне и займусь настоящею Индией, какою она является теперь.

Агра, как и разные другие города, построена на могилах многих предшественников. Настоящий ее вид за исключением исторических великолепных строений и памятников, большею частью могульских, самый плачевный. Грязь, вонь и ужасная, судя по наружному виду жилищ, нищета преобладают в мусульманских кварталах. Индусы «потурчились» и потеряли здесь всю свою оригинальность. Агра – преддверие в Раджистан, род лакейской, в которой «господа» не живут, но чрез которую они только случайно проходят. Англичане, как и во всех других городах, отделясь Китайскою стеной казарм и гордости от туземцев, живут совершенно особенно. У них свой квартал, где не осмелится поселиться ни один «негр», далеко от Джумны и Тадж-Махала, стоящего недалеко от *Моти-Масжид*, известной в народе под поэтическим именем «Жемчужной мечети». Действительно, как *Масжид*, так и *Тадж* можно буквально и без всякой восточной метафоры сравнить с жемчужинами на куче навоза…

Но что̀ за драгоценная жемчужина последний! Исчерпав все потоки красноречия в описаниях Дельи, мне теперь приходится описывать это восьмое чудо света, Тадж-Махал, и я чувствую себя совершенно неспособною исполнить подобную задачу. Если бы возможно было вызвать из таинственной области промелькнувших на земле образов, о существовании которой нас учат алхимики и каббалисты, самые поэтические грезы Микель-Анджело[1336], то, быть может, не видавший Таджа в действительности успел бы создать себе подходящий к нему образ. Он представил бы себе этот величественный мавзолей, громадный, словно готический собор, законченный, как драгоценный царский венец: его четыре жемчужно-белых купола по углам квадрата, среди коих, возвышаясь над ними на 50 футов[1337], сверкает центральный купол, увенчанный двумя золотыми шарами и золотым полумесяцем[1338] и сияя, словно перл, на мягкой синеве неба… Далеко от всякого другого здания, окруженный прелестнейшим садом, Тадж-Махал стоит один в своей невыразимой красоте на берегу голубой Джумны, отражающей его чистый, горделивый облик… Это здание до такой степени совершенно в своих архитектурных размерах, очаровательно и закончено в исполнении малейших деталей и вместе с тем величественно в своей простоте, что не знаешь, чему более удивляться, плану ли, работе или же материалу!..

Этот материал – массы самого дорогого белого мрамора, изредка перемешанного с черным и желтым, перламутра, мозаики, яшмы, агата, изумрудов, аквамарина, жемчуга и сотни других камней. Но белый мрамор преобладает. Во всем здании, от верхушки купола до последнего вершка фундамента, *нет ни одного гвоздя*, ни атома стекла или какого-либо дерева. Даже водосточные трубы мраморные, а стены до того отшлифованы, что, отражая на блестящей поверхности своей неуловимые тени небес и зелени, они напоминают скорее чистейший перламутр, нежели мрамор. Мы еле могли поверить, что Тадж – работа смертных, и были вполне готовы проглотить местную легенду, уверяющую правоверных, будто неутешный халиф был вознесен во время сна неким святым дервишем в райскую обитель Магомета, где сам Аллах повелел архангелу Гавриилу снять для него план одной из своих обителей. По этому плану и был

[1336] Микеланджело Буонарроти (*ит.* Michel Angelo, 1475–1564) – итальянский скульптор, художник, архитектор, поэт.

[1337] 15 м.

[1338] Этот купол 70 ф[утов][*] в диаметре и 260[**] вышины от фундамента нижней террасы[***]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] 21 м.

[**] 79 м.

[***] См.: Agra // *Thornton E.* A Gazetteer of the Territories Under the Government of the East-India Company, and of the Native States on the Continent of India. London, 1862. P. 10.

выстроен Тадж-Махал над телом обожаемой Мумтаз, известной под названием *Арзумунд-Бану*[1339] – «венца сераля»[1340] …[1341]

Когда подъезжаешь со стороны Джумны, первый бросающийся в глаза предмет – массивный четырехугольник из ослепительно белого мрамора в 964 фута[1342] от востока к западу и 229 футов[1343] от юга к северу. То платформа – пьедестал, поистине достойный такого памятника. Самый низ подножия – из красного песчаника, но почти теряется в прибрежной зелени кустов. По обеим сторонам – по одной мечети, тоже из песчаника, с накладными узорами из черного и белого мрамора и тремя белыми куполами на каждой. Но эти мечети как бы не принадлежат к памятнику, а словно поставлены двумя бессменными часовыми возле него. На первой платформе и на террасе в 400 ф[утов][1344] в квадрате и в 60 ф[утов][1345] высоты, тоже из белого мрамора, возвышается мавзолей; по ее четырем углам, блестя на солнце, как четыре ледяные башни, стоят высокие, необычайно изящные минареты в 150 ф[утов][1346] вышины каждый из того же материала и под такими же куполами[1347]. Императорский мавзолей с саркофагами внутри стоит на северной стороне четырехугольника. К главному строению ведут великолепные ворота со сводом, красные стены коего сплошь покрыты изречениями из Корана накладной работы из черного мрамора; затем – сад, разбитый на четырехугольные скверы с фонтанами в мраморных бассейнах, окруженные партерами самых редких цветов, полный вековых кипарисов, темная зелень коих превосходно гармонирует с общим видом белого здания. Прямо пред входом длинная тенистая аллея замыкается широкою мраморною лестницей в два яруса, ведущею на верхнюю платформу, пол которой состоит из громадных белых мраморных плит, обведенных траурною каймой из черного мрамора.

Взойдя на эту верхнюю площадку, в сорока шагах от вас вы видите самый мавзолей и просто замираете… Чувствуешь себя точно во сне: словно пред вашими глазами внезапно предстало видение из другого, лучшего, более чистого мира, и вы стараетесь опомниться, уверить себя, что вы наяву и что пред вами действительность, а не фантазия вашего воображения, грёза из *Тысячи и одной ночи*!.. Видела я соборы и Св. Петра в Риме, и Кёльнский, и Страсбургский; нагляделась досыта на все лучшие произведения известнейших итальянских художников. Но никогда ни один памятник, ни одно изваяние, ни картина и никакой храм не производили на меня такого впечатления, как это здание, задуманное весьма нелюбимыми мною магометанами, исполненное кто знает кем. Говорят, будто в продолжение 22 лет 20000 мастеровых беспрерывно работали над этим мавзолеем и что, не считая даровых рабочих и такого же материала, он стоил три миллиона фунтов стерлингов[1348]. Корреспондент лондонской газеты *Illustrated News*, известный в журнальном мире Симпсон[1349], живописец, архитектор и археолог, возвращаясь в прошлом году из Кабула в Англию, говорил мне, что он не взялся бы выстроить такого памятника за все бывшие сокровища Голконды. «Таких исполнителей нет более в нашем холодном, все отрицающем веке, – рассуждал современный артист. – Для одной отделки этой мраморной глыбы потребовались бы Фидиас[1350] и Бенвенуто Челлини[1351] с Микель-Анджело им в подмогу!..» Мнение это нисколько не преувеличено.

[1339] Арджуманад Бану (*англ.* Arjumand Banu).

[1340] История Индии до того сбивчива и неточна, что одни историки уверяют, что Мумтаз[*] была родной внучкой Акбара, а другие, что она была лишь женой его внука Шах-Джегана, отца знаменитого Аурунгзеба. Но последнее теперь уже не подлежит сомнению. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Мумтаз-Махал (Mumtaz Mahal, 1593–1631) – жена правителя империи Великих Моголов Шах-Джахана.

[1341] См.: *Gordon Cumming C.* From the Hebrides to the Himalayas. Vol. II. London, 1876. P. 2–3.

[1342] Необходимо: 329 футов (100 м).

[1343] 70 м.

[1344] 122 м.

[1345] 18 м.

[1346] 46 м.

[1347] См.: Agra // *Thornton E.* A Gazetteer of the Territories Under the Government of the East-India Company, and of the Native States on the Continent of India. London, 1862. P. 10.

[1348] См.: *Gordon Cumming C.* From the Hebrides to the Himalayas. Vol. II. London, 1876. P. 4.

[1349] Уильям Симпсон (1823–1899) – шотландский военный художник, писатель, военный корреспондент «Illustrated London News».

[1350] Фидий (Phidias, 490–430 до н.э.) – древнегреческий скульптор и архитектор.

Пред вами мраморный фасад величественного в своей изящной простоте храма. Стены совершенно белые и гладкие. Только под стрельчатою аркой, над широким портиком, извиваются затейливые, сквозные, словно окаменелое кружево, украшения из того же материала, представляющие цветы, фрукты и арабески, да над карнизом купола и вдоль боковых стен тянутся узким бордюром изречения из Корана огромными золотыми буквами. Из-под портика вход прямо во внутренность огромной залы в мавзолее, окруженной коридорами и приделами. Те же ослепительной белизны стены с панелями, покрытыми мозаикой – гирлянды прелестнейших цветов из драгоценных камней. Некоторые из них так натуральны, артист так верно копировал природу, что рука невольно приближается к ним, как бы желая удостовериться, что то дело одного искусства. Ветки белого жасмина из перламутра перевиваются с красным гранатовым цветком из сердолика и деликатными усиками виноградной лозы и жимолости, а нежные олеандры выглядывают из роскошной зелени листвы. Все это выложено по белому мрамору не микроскопическою мозаикой флорентинцев, а *восточною* мозаикой Индии, то есть кусками такой величины и формы, что они не портят цельности драгоценного камня. Каждый листик, каждый лепесток – отдельный изумруд, яхонт, жемчужина или топаз; и насчитываешь иногда таких камней до ста штук для одной веточки цветов, а подобных этой ветке – сотни на панелях и решетках[1352]! Таинственный полумрак царил в этой обители смерти, и мы с первого взгляда не различили, сколько сокровищ погребено вместе с царскою четой. Принесенные факелы, ярко осветив панели, разом зажгли миллионы драгоценных искр, вырывая у нас невольные крики удивления.

Потолок под куполом, освещаемый дневным светом из решетчатых стрельчатых окон, вырезанных в цельном мраморе стен, густо покрыт такими же цветами и фруктами из разноцветных камней; только вместо гладкой поверхности мозаика выложена на мраморных украшениях рельефом, так что издали действительно скорее напоминает собою цветущую беседку из живых растений, нежели бездушный камень. Раз увидев Тадж, турист уже готов прочитать без улыбки красноречивый отзыв некоего набожного местного историка, оканчивающего свое описание мавзолея следующим наивным заявлением: «Нет никакого сомнения, что план этого перла Востока, которым мы, мусульмане Индии, так справедливо гордимся, был с самого своего начала предназначен великим Пророком, дабы внушить правоверным правильное понятие о благословенных райских обителях».

Прямо под сводом купола стоят два кенотафа, окруженные сквозною мраморною, как и все остальные, решеткой в шесть футов вышины, сверху донизу выложенною по узорам такими же драгоценными цветами и с бордюром, напоминающим цветы лилии. Резная работа до того мелка и изящна, что, невзирая на толщину решетки (в несколько дюймов[1353]), она представляет совершенное подобие кружева. Гробницы, коих четыре, хотя царских покойников всего два[1354] (красавица Мумтаз-Махал да ее верный по гроб и за гробом супруг, халиф Шах-Джеган), сделаны каждая из куска цельного белого мрамора. Два кенотафа в верхней зале – образцы изящной простоты и резко отделяются от покрытой драгоценностями решетки. Из портика мы спустились по широким ступеням в погребальную залу, где стоят рядом два других саркофага. Гробница императрицы изобилует арабесками, мозаикой, драгоценными камнями и стихами из Корана. Гробница халифа немного выше первой, но проще. Как и верхние, оба саркофага ограждены решеткой необычайно сквозной работы, но без мозаики. Потолок со сводом, как и верхний, но без украшений, а зала восьмиугольная. День и ночь серебряные и золотые лампады освещают эту темную залу, а по пятницам получаются обильные приношения правоверных своему «халифу», приношения, попадающие, конечно, в карман муллы, так как о ремонте мавзолея и его сохранности заботится правительство.

Осмотрев весь мавзолей, мы взобрались по витой лестнице на северный минарет и сидели часа два, отдыхая в нем. Невозможно было оторваться от этой чудной картины. С минаретов

[1351] Бенвенуто Челлини (1500–1571) – итальянский скульптор, ювелир, живописец, музыкант.

[1352] См.: *Gordon Cumming C.* From the Hebrides to the Himalayas. Vol. II. London, 1876. P. 5–6.

[1353] Дюйм – неметрическая единица измерения расстояния и длины, равная 2,54 см.

[1354] Два саркофага с телами стоят в нижней погребальной зале, устроенной в нижнем этаже под двумя платформами, а над ними, в зале мавзолея, в верхнем здании, два пустых кенотафа. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

окрестности Агры на много миль кругом открываются как на ладони. Разбросанные по обоим берегам извивающейся серебристою лентой Джумны, виднеются великие памятники династии Тимура – крепости, дворцы, мечети, башни… Город с этой высоты теряет свой грязный вид и тонет в зелени кустов и деревьев. Описывать что-либо в Агре после *Таджа* было бы нелепостью. *Моти-Масжид,* «Жемчужная мечеть», красотою коей так восхищаются, прелестна, быть может, и замечательна как архитектурное произведение, но оно способно остановить надолго внимание лишь того, кто не видал мавзолея. Колонны, купола и белый мрамор, глыбы последнего, водруженные на платформах из красного песчаника, – вот описание в двух словах дворцов и прочих мечетей Агры.

Поселясь в двух шагах от Тадж-Махала, мы посещали его ежедневно и, можно сказать, сделали нашу гостиную и приемную из тенистого прохладного сада. Сидя там, мы слушали местные легенды и дышали свободнее, чем в душном *дак*-бёнглоу[1355], устроенном правительством в одном из древних мавзолеев и мечети возле ворот Таджа. В этой же мечети над погребальною залой устроена англичанами «с весьма сомнительною деликатностью и тактом, по выражению Гордон-Кемминг, *танцевальная зала для пикников*»!!

«Вообразите, каковы были бы чувства нас, христиан, – добавляет автор, – если бы покорившие нас новозеландцы вздумали отплясывать свой военный танец в *наших* мавзолеях или, скорее, в наших весьма неромантичных кладбищенских часовнях!»[1356]

Воздерживаясь от комментариев сама, нарочно привожу эту критику их же соотечественницы, дабы показать англичанам, что не одни русские, в каждом из коих им грезится шпион, замечают, выставляя на суд света, их отвратительный эгоизм и неделикатность к чувствам порабощенных наций. Не Россия, а сами они навлекают справедливую ненависть азиатских народов подобными опасными выходками.

Говорят, что после смерти его многолюбимой Мумтаз, идола души его, бедный халиф впал в глубокую меланхолию. Но вот явился святой дервиш и направил его мысли к сооружению умершей такого памятника, который удивил бы весь мир, обещая ему для этого покровительство Пророка. Дервиш сдержал слово. По первоначальному плану халиф готовился выстроить и для себя совершенно подобный этому мавзолей на противоположном берегу Джумны, соединив оба памятника мостом из белого мрамора. Но задолго еще до окончания Таджа император заболел и сам очутился у преддверия смерти. Тогда его четыре сына, дети Мумтаз, не дожидаясь его смерти, затеяли войну за престол. Аурунгзеб остался победителем в этом почтительном сыновнем турнире и запер как трех братьев, так и собственного отца в Гвалиорскую крепость – род Бастилии Индии, куда нередко попадали ближайшие родственники могульских халифов. А отца – бедного, овдовевшего Шах-Джегана – он заключил в старую крепость Агры, где сверженный император прожил семь лет и где он и умер, утешаясь лишь тем, что постоянно глядел из окна на мавзолей возлюбленной подруги жизни своей и горюя лишь о прекращении работ[1357]… На свое заключение, впрочем, ему следовало бы взирать как на нечто весьма естественное и в природе вещей. Ни один еще император, за исключением Акбара, не овладевал могульским престолом без кровопролития и заключения всех мешавших ему претендентов в вечную тюрьму. Шах-Джеган сам взошел на престол лишь по трупу родного брата[1358], которого с сердечным прискорбием вынужден был собственноручно зарезать, ибо таков уж *кисмет*; отец же его, Джахангир, сын Акбара, посадил на кол не менее 800 родственников из дома Тимура, прежде чем спокойно уселся на родительском троне.

По смерти узника-отца Аурунгзеб как истый магометанин и почтительный сын отдал всякую честь переставшему быть опасным родителю. Он похоронил его возле «Венца Сераля» и окончил

[1355] Даровой заезжий дом, где за ночлег ничего не платится, но, конечно, взимается плата за содержание по весьма дешевым ценам, в случае если проезжие не имеют с собою повара и слуг. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1356] *Gordon Cumming C.* From the Hebrides to the Himalayas. Vol. II. London, 1876. P. 7.

[1357] Там же. С. 3–4

[1358] Шахзаде Султан Шахрияр Мирза (1605–1628) – могольский правитель, принц из династии Бабуридов, пятый и самый младший сын могольского императора Джахангира. Де-факто император империи Великих Моголов с 28 октября 1627 по 23 января 1628 года. Был казнен по приказу своего старшего брата, нового могольского императора Шах-Джахана.

мавзолей на деньги перерезанных для этого случая богатых вельмож. Он даже пошел далее отца в бешеных издержках: соорудил пред настоящими воротами в сад другие ворота из *чистого серебра* с целыми главами Корана, вычеканенными на них и украшенными, как кубок Бенвенуто Челлини. Летописи португальских миссионеров из Гоа в своих описаниях этих ворот уверяют, будто бы над ними работал черт, окончив их в одну ночь, но в этом благочестивые отцы, быть может, и ошибаются… Также была приделана по приказанию императора внутренняя, ныне исчезнувшая калитка из *цельного куска агата*, такой красоты и ценности, что, по словам тех же правдивых историков, «она явилась из фабрик преисподней». Но если так, то судьба этих двух драгоценностей только послужила к оправданию пословицы, гласящей, что «черт ничего не дарит, а лишь занимает». Едва четверть столетия спустя торжествующие махраты увезли ворота и переплавили их на рупии, а из калитки сделали ширму для Шивы в храме Гвалиорского махараджи. Куда эта калитка девалась – теперь никто не знает. Полагают, что ее, в свою очередь, увез махараджа Бертпурский[1359] и зарыл[1360] где-то в волшебных садах Дига[1361]. Но он умер скоропостижно, и тайна о местонахождении калитки умерла вместе с ним.

До сих пор в Агре ходят в народе мрачные предания и сказания о «тайном» (еще более, нежели о явном) могуществе Акбара. Император был не только великим государственным мужем и полководцем, но и посвящен в темную науку некромантии и магии. Умирая, он предсказал, что величие рода его падет в четвертом от него поколении в лице его правнука, обещал явиться пред тем царствующему императору… и сдержал слово. Вот как это случилось.

Великий халиф явился Аурунгзебу «Великолепному» в построенной им самим и ныне, как и во времена оные, знаменитой крепости Агра, известной под именем Акбаровского форта. То было в 1680-х годах. «Великолепный» восседал в одно прекрасное утро на троне в «зале аудиенций», где некогда предок его судил и правого, и виноватого помимо всякого свода законов. История умалчивает о том, в каком он находился настроении духа и в каком состоянии находились вообще все его придворные. Вероятнее всего, что, подобно другому правоверному хану, халиф «сидел потупя взор, янтарь в устах его дымился»[1362]… За последнее десятилетие могулов крепко колотили махраты, и бедные правоверные очень этим огорчались, тем более что махраты действовали под предводительством непобедимого Сиваджи – деканского Ильи Муромца. Аджáнубаху II, по пророчеству пандита Васишти, угрожал захватить в свои «длинные руки» все дотоле покоренные императором государства Индии[1363] и отмстить за *родину* Аджáнубаху I. Вдруг Аурунгзеб (буквально «Краса престола») затрясся как осиновый лист и, вскочив, молча и с полными ужаса глазами указал придворным в угол. Придворные ничего в углу не увидали, но все слышали, как раздался чей-то дряхлый, но громкий голос и слова: «Горе… горе великому дому Тимура! Пришел конец его величию!..» Император повалился без чувств. Он клялся, что видел тень своего предка Акбара, который и повторил это ужасное пророчество, уже раз произнесенное им, по преданию, на смертном одре…

С той минуты все царство пошло вверх дном и разорилось в прах. Аурунгзеб умер в 1707, а с «Красою престола» исчезло и все величие его династии.

Мы не верили в это происшествие, но посетив «залу аудиенций» и увидав тот самый угол, в котором Акбар являлся своему правнуку, принуждены были сдаться пред очевидностью.

В городе Агра, в Акбаровской крепости, находилась оружейная, которою сипаи воспользовались в 1857, дабы перерезать всех англичан. Теперь оружейную перенесли в «залу аудиенций» и сделали из нее крепость в крепости, держа оружие под 77 замками. В моем скромном мнении, лучше бы англичане не плясали на мавзолеях халифов и вообще бы менее безобразничали, чтò и оказалось бы наипрочнейшею предосторожностью.

[1359] Сурадж Мал (1707–1763) – правитель Бхаратпура (с 1755 г.).

[1360] См.: *Gordon Cumming C.* From the Hebrides to the Himalayas. Vol. II. London, 1876. P. 6.

[1361] Диг – бывшая столица княжества Бхаратпур.

[1362] Слова из поэмы А.С.Пушкина «Бахчисарайский фонтан».

[1363] Аурунгзеб, называя себя горделивым прозвищем «Покорителя вселенной», всегда приказывал носить пред собою золотой глобус в виде символа… Но дабы смиренно показать миру, что он пока завоевал еще всего три четверти вселенной, он имел обыкновение отрывать угол от всякого листа, употребляемого им для корреспонденции. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Крепость тянется на целую милю по берегу реки, и ее стены в 85 футов[1364] высоты и необычайной толщины способны вселить страх в души, осаждающих оную… Но только тех, кто явился бы без новейшей усовершенствованной артиллерии. С помощью последней эта цитадель, хотя и укрепленная еще более за последнее двадцатилетие, также оказалась бы неспособною выдержать штурм, как и в 1803, когда лорд Лэк с небольшим количеством древних пушек принудил к капитуляции в первый же день осады засевших в ней 6000 махратов. Между сокровищами «оружейной», куда нас, впрочем, на этот раз не пустили, находятся две половины великолепных резных ворот в 12 футов[1365] вышины с богатейшею мозаичною выкладкой и украшенные гербами из чистого серебра. С этими воротами, у которых своя история, произошла необычайная и никем еще не разгаданная метаморфоза. Они были из сандального дерева, наполняли ароматом окрестности и когда-то составляли, по истории, часть украшений браманской великой пагоды в Сумнафе[1366], но в 997 году были унесены оттуда афганским султаном Махмудом, который в том же году разорил, предав мечу и огню, весь Гуджерат с целью наказать язычников и вместе с тем наградить самого себя добычей. Эти сандальные ворота считались *chef d'oeuvre*[1367] туземной резьбы; они были до того драгоценны и почитаемы народами Индии, что Махмуд приказал их с большими издержками перевезти в Газни, где им впоследствии сделали честь, поставив их у входа в мавзолей самого султана. Это присутствие столь священного в глазах индусов предмета на мусульманском кладбище, рассчитанное на то, чтобы напоминать народу о верховной власти могулов, стояло клином в горле у браманов. Много раз порывались они отнять силой, а не то так и украсть священные ворота, но все было напрасно. Много жизней уже стоили они и все-таки оставались на прежнем месте. Так прошло 800 лет, когда лорд Элленборо[1368], явясь победителем в Газни, увидал знаменитое яблоко раздора. Услыхав же историю ворот, он захотел, в свою очередь, показать могулам, что уже более не они, а англичане хозяева в Индии, и с этою целью приказал перевезти их в Агру. Эта перевозка совершилась с величайшими затруднениями и стоила много денег и проклятий со стороны английских солдат. Но зато индусы торжествовали. «Ворота Сумнафского храма сделались вдвойне историческими, – говорит *Руководитель к достопримечательностям Агры*, – они служат памятником победы лорда Элленборо и его прокламации в конце Кабульской войны[1369] и вместе с тем составляют еще одно редкое произведение искусства, прибавленное нами (то есть англичанами) к стольким другим сокровищам»[1370].

Но вот является вслед за другими ахающими от восхищения посетителями полюбоваться воротами и мистер Симпсон, о котором упоминалось выше, аккуратный и весьма прозорливый шотландец. Критически осмотрев их, к великому ужасу англичан он вдруг положительно объявляет, что ворота – подменены!.. На воротах, взятых султаном Махмудом, по всем древним описаниям, представлены чуть ли не все 33 миллиона богов Индии: на этих же резьба чисто в магометанском вкусе. Бросаются, мечутся во все стороны и, наконец, получается из Калькутты приказ осмотреть их в микроскоп. Увы! Последний анализ доказывает самым положительным образом, что эти доставленные с такими издержками ворота, взглянуть на которые приезжали из-за тридевять земель, даже не сандальные, а просто сосновые[1371]!.. Случись это открытие

[1364] 26 м.

[1365] 3,7 м.

[1366] Храм Сомна́тх (*санскр.* somanātha-mandira, «храм Владыки Луны», так как Сома – это бог Луны и священного напитка в индийской мифологии) – храм Шивы, святое место паломничества индуизма в Прабхас-кшетре около селения Веравал в регионе Саураштра на западном побережье индийского штата Гуджарат. Здесь находится наиболее священный из 12 джьотирлингамов Шивы. Храм Сомнатха называют «вечным святилищем» – его шесть раз разрушали мусульмане во время вторжений в Индию, начиная с Махмуда Газневи в 1024 г., но каждый раз отстраивался заново. Существующий в настоящее время храм был построен в 1947 г.

[1367] шедевром (*фр.*).

[1368] Эдвард Лоу (1-й граф Элленборо, 1790–1871) – британский политик, генерал-губернатор Индии (1842–1844).

[1369] Речь идет о первой англо-афганской войне 1838–1842 гг.

[1370] *Gordon Cumming C.* From the Hebrides to the Himalayas. Vol. II. London, 1876. P. 13.

[1371] См.: *Keene H.G.* A Handbook for Visitors to Agra and Its Neighbourhood. Calcutta, 1878. P. 124–125.

несколькими годами позже, можно было бы побиться об заклад, что английская печать обвинила бы в покраже Россию!.. Теперь бедные ворота стоят в углу, в пыли и забытые.

«Великий храм» Сумнафа, индийского Озириса, бога, пред судом коего являются души умерших и от которого зависит их будущий образ по закону метемпсихоза, один из огромнейших и богатейших в Индии. Он находится в Гуджерате на берегу Индийского океана. Во времена Махмуда при этой пагоде состояло 2000 жрецов, 500 танцовщиц (нотчей), 300 священных свирельщиков и 300 брадобреев. Узнав о его богатстве, султан решился заглянуть в него и поделиться добычей с богом. Войдя в храм, он увидел себя в пространной зале со сводом, поддерживаемым 56 серебряными колоннами и с золотыми богами по стенам. Приказав солдатам уложить божков в обоз, Махмуд подошел к великому идолу Сумнафа и без разговоров отбил ему нос. Тогда браманы попадали ему в ноги и молили пощадить их великое божество, предлагая ему за милость столь громадную сумму денег, что его визирь советовал ему принять предложение. Но султан был строгим магометанином и отверг предложение, за что̀ и был вознагражден Пророком. Когда Сумнафа разбили на куски, то внутри его нашли несметное сокровище, состоящее из жемчуга и бриллиантов, на сумму вдесятеро бóльшую той, что̀ предлагали браманы. Таким образом, добродетель еще раз восторжествовала на земле[1372].

Самый дворец, где был заключен Шах-Джеган, уже в развалинах, но от него мы прошли в *зенану* (гарем) через двор, где Тавернье[1373] видел в свое время ванну в 40 футов[1374] длины и 25[1375] ширины из серого мрамора. Все стены бессчетных комнат покрыты тысячами выпуклых зеркал на персидский манер; и здесь опять все из белого мрамора – крыши, колонны, столбы, стены[1376]… Отдельные прелестные павильоны висят, словно кружевные звезды, на своих красных пьедесталах, окруженные сквозными балкончиками, покрытые вьющимися растениями. Все эти чудеса архитектуры, где люди жили, любили и страдали, – все это ныне пусто, заброшено и словно заснуло непробудным сном… Одни зеленые попугаи прерывают торжественное молчание этой нежилой части крепости, пробуждая ленивое эхо, да голубокрылые пташки вьют гнезда в углублении панелей, каждый отдельный кусок коих может служить образцом резчику. Ночью при лунном свете это место представляет нечто волшебное. Словно воевода-мороз пролетел над королевством спящей царевны и покрыл все здания узорчатым инеем… Эта волшебная ажурная работа скорее походит на миниатюрную резьбу по слоновой кости, нежели на что-либо знакомое нам в произведениях европейских мраморщиков.

Тут же, в крепости, через стену от Тадж-Махала, «Моти-Масжид», мечеть, выстроенная Шах-Джеганом во время его семилетнего заключения. Прежде всего другого осмотренный мавзолей помешал нам отдать должную справедливость «Жемчужной мечети». Но она, поистине, драгоценнейшая жемчужина меж всеми мечетями. Совершенная по архитектурной форме, в высшей степени поэтическая по обстановке, белая как вновь выпавший снег, без малейшей примеси другого цвета, она к тому же останавливает внимание и заслуживает симпатию посетителей уже вследствие своей печальной легенды. Говорят, будто идея построить эту прелестную мечеть принадлежит Джаханаре, любимой дочери султана-узника. Видя страдание отца и его безутешную печаль, принцесса, которая настояла, чтобы разделять с ним его заключение, придумала и уговорила его заняться этою работой, которая одна могла, по ее мнению, рассеять его меланхолию. Уверяют, будто соглашаясь, свергнутый султан воскликнул в глубокой сердечной горести своей: «Да будет по твоему, дочь моя, и да назовется будущая святая мечеть “Жемчужиной”… Ибо как настоящая жемчужина, обязанная своим зародышем, развитием и красотой внутри раковины страданиям и мукам жилицы оной, так и Моти-Масжид да будет обязана своим существованием неисходному горю, испытываемому злосчастным отцом жестокого Аурунгзеба!» И вот задуманная мечеть, дитя горьких часов заключения, вдруг появилась, канув у

[1372] *Gordon Cumming C.* From the Hebrides to the Himalayas. Vol. II. London, 1876. P. 14–15.

[1373] Жан-Батист Тавернье́ (1605–1689) – французский купец, который держал в своих руках европейскую торговлю бриллиантами с Индией, по торговым делам совершил пять путешествий в Индию, автор мемуаров.

[1374] 12 м.

[1375] 7,6 м.

[1376] См.: Agra // *Thornton E.* A Gazetteer of the Territories Under the Government of the East-India Company, and of the Native States on the Continent of India. London, 1862. P. 9–10.

подножия Тадж-Махала, словно застывшая слеза «ангела судеб», обязанного вносить в книгу раскаяния все земное горе и страдание.

Впоследствии мы видели в Дельи последнее жилище, могилу преданной дочери султана – Джаханары: по внешнему своему виду – горделивый белый мраморный саркофаг со скульптурными украшениями и мозаикой, как и все прочее, но внутри мавзолея – зеленый, свежий садик с незатейливым партером и цветами, которые ежедневно и с величайшим тщанием поливает старый сгорбленный могул, ставший полуидиотом после пережитых им ужасов Дельи. Живая развалина среди мертвых руин, этот старик – воплощение неизменной любви и преданности к угасшему дому падишахов – единственный и последний потомок длинного ряда доверенных слуг султанов, избежавший общей участи только вследствие своей дряхлости и ничтожества. Ему лет под сто. Дрожа и шатаясь на костлявых ногах, он нас повел вовнутрь, указав на стене погребальной залы эпитафию, сочиненную самою Джаханарой пред раннею смертью и вырезанную по ее желанию на ее гробнице. Принцесса просит, чтоб одни цветы и трава указывали место, где будет лежать ее прах… «Пусть одни цветы, сотворенные рукой Аллаха, смешиваются с тлеющим остовом смертного пилигрима – Джаханарой… Они – лучшее украшение последней обители освобожденного из земных оков духа…»[1377] – говорит, между прочим, надпись. Мы дали несколько монет могульскому Кащею, и верный до гроба слуга, спрятав их в высокой траве и поглаживая дрожащею рукой мрамор саркофага, тут же стал шептать, как бы обращаясь к самой покойнице: «Я куплю тебе, Бегум-ханум, новые цветочки… Я посажу тебе взамен погибших, увядших роз свежие!..» В Тадж-Махале во время назойливых попрошайничеств жирного и час за часом богатеющего муллы, который не отставал от нас, прося для своего халифа «еще одну, только одну рупию», мне вспомнилась эта сцена. Бедный, дряхлый Кащей, вся догорающая жизнь коего сосредоточилась на могиле умершей за два века до того принцессы только потому, что она была прабабкой его любимых убитых господ, возник предо мною как последнее проявление в нашем веке горячей любви и преданности к нам нашей «меньшей братии»…

В этой пространной крепости в отделении гарема на каждом шагу натыкаешься на замурованные комнаты, тайники и подземные ходы, заделанные века тому назад и нечаянно найденные англичанами. Сколько кровавых, страшных сцен произошло внутри этой крепостной ограды! Сколько жертв, долгих мук и роковых, навеки погребенных тайн!.. Английские солдаты находятся здесь, говорят, в состоянии хронического суеверного страха, невзирая на строгие наказания. Как выразился в разговоре с У*** один сержант, ирландец, «кому же приятно ночевать изо дня в день среди *язычников* с того света… поумиравших некрещенными и покумившихся со “старым Гарри” (чертом)[1378]. Тут и благословенный Св. Патрик[1379] ничего не поможет!». Пройдя длинный ряд коридоров, нам показали место, где английские инженеры, пробив глухую стену, нашли в ней расположенную над рекой келью; в келье – три широко ухмыляющиеся скелета: молодого человека и двух женщин, одной старой, другой молодой. Последняя была богато одета и вся покрыта дорогими каменьями. Здесь их замуровали, оставив погибнуть голодною смертью; как бы из желания довести их предсмертные муки до *nec plus ultra*[1380] утонченной жестокости, посреди комнаты чернело отверстие глубокого колодца с журчащею внизу водой, заделанное толстою железною решеткой… В одном из подземных проходов была найдена почти бездонная пропасть, поперек жерла коей было вделано толстое бревно. На этом бревне, словно пучки сухой травы на веревке, висело около дюжины женских скелетов!.. Сколько таких молодых жизней попадало с этого бревна в ужасную, черную пропасть, никто не знает, разве один ангел смерти. Но Азраил[1381] не выдает тайн своих, особенно нам, неверным, ибо по просьбе Магомета он более не является в видимой оболочке[1382]… Таким образом, гаремная жизнь представляется чрезвычайно привлекательною и нам остается лишь позавидовать счастливым Зюлейкам[1383]…

[1377] *Gordon Cumming C.* From the Hebrides to the Himalayas. Vol. II. London, 1876. P. 16–17.

[1378] Old Harry.

[1379] Святой Патрик (кон. IV–V в.) – христианский святой, покровитель Ирландии.

[1380] крайней степени (*лат.*).

[1381] Азраил – ангел смерти в исламе и иудаизме, который помогает людям перейти в иной мир.

[1382] До Пророка, уверяет нас Коран, он являлся за жертвами в плоти, и только по просьбе Магомета, пожелавшего освободить человечество от ужасного зрелища, ангел является теперь невидимо и неслышно. –

В другом квартале Агры рабочие, рывшие в саду бассейн, недавно напали на следы обширного дворца и, наконец, нашли ход в одну из подземных комнат, известных под именем *тикхана* (прохладного покоя), где хозяева проводят самые жаркие часы дня. Здесь заинтересовала их двойная стена; они проломали ее и нашли в ней узкий коридор, где прикованные к стене стояли пять скелетов в великолепных одеждах. Трое из них, как пишут, по-видимому, принадлежали к высшей знати: молодой человек и по обеим сторонам две женщины с длинными черными косами. Их платья и вуали были вышиты золотом, на руках и щиколках золотые браслеты, а на шеях драгоценные цепи, нитки жемчуга и колье с талисманами. Последние, как видно, доказали свою чудотворную предохраняющую от беды силу… Все эти драгоценности были проданы правительством за две тысячи фунтов стерлингов. Другие два скелета принадлежали старухам, вероятно, прислужницам[1384].

Милях в девяти от городских ворот на поляне в саду деревни Секундра[1385] похоронен сам великий Акбар. Его мавзолей – второе издание его крепости, только в уменьшенном виде. Он занимает сорок десятин земли, стоит в саду или, скорее, в загороженном парке, разбитом на несколько верст в квадрате. Мавзолей находится на четырех постепенно уменьшающихся кверху террасах с обычными минаретами, увенчанными куполами, по углам. Все купола покрыты черепицами из мозаичной работы – зеленой и голубой с золотом. Непостижимо, как ни краски, ни накладная работа не изменились ни на одну полутень в продолжение целых трех веков в климате, где сырость и жара губят в один год самые прочные работы европейских мастеров.

На саркофаге выложены золотом и персидскими буквами девяносто девять качеств Аллаха. Кругом нижней террасы мавзолея – с трех сторон колоннада с бесчисленным множеством арок и колонн, покрытых, как веленевая страница, изречениями из Корана и позднейшими проклятиями неверным; изречения, как и проклятия, выложены черным мрамором. В каждой амбразуре промеж колонн окно, тоже столь обыкновенное в архитектуре Индии – окаменелое кружево. Как весьма справедливо выражается сестра Гордон-Камминга[1386], шотландского Нимрода[1387] современной Англии, эта кружевная работа из мрамора начинает под конец казаться самым пустым делом. «И однако же, – добавляет она, – если бы мы только могли перенести одно из таких окон в любой христианский собор, какая давка, сколько восклицаний восторга и удивления вызвало бы оно у знатоков! Но здесь, в Индии, ведь это только работа этих *презренных негров*, а наш истый британец даже и не потрудится взглянуть на нее!»[1388]

Таково мнение англичанки и – патриотки.

На другое утро мы расстались с Агрой рано; так рано, что даже еще заря не успела зарумянить белоснежные купола Тадж-Махала... Нам предстояло сделать двадцать четыре мили до завтрака, приготовленного для нас в Футхепур-Сикри[1389] – знаменитейших развалинах Северо-Западных провинций, где нас ожидал наш друг и покровитель – Такур. Гулаб-Лал-Синг даже и не заглянул в Агру – место, которое он почему-то ненавидел, хотя он полуобещал встретить нас там. Но мы давно уже привыкли к его своеобразным действиям, к его неожиданным появлениям и таким же исчезновениям и никогда ни о чем его не расспрашивали.

В это утро мы оставляли чисто британскую территорию и вступали на классическую землю Раджистана – хотя не совершенно свободную и независимую, но страну, с которой англичанам приходится считаться. В Бертпуре, например, туземном владении, которое граничит с Агрой, нет не только политического резидента, но даже ни одного англичанина ни в самом городе, ни в окрестностях. Англо-индийское правительство и Бертпур сносятся лишь политически. Раджистан – родина Такура, которою он так гордится и история коей прослежена английскими

Примечание Е.П.Блаватской.

[1383] Возможно, отсылка к поэме «Абидосская невеста» английского поэта Дж. Байрона (1788–1824), главной героиней которой является Зюлейка.

[1384] См.: *Gordon Cumming C.* From the Hebrides to the Himalayas. Vol. II. London, 1876. P. 17–18.

[1385] Сикандра (*англ.* Sikandra).

[1386] Роэлин Джордж Гордон-Камминг (1820–1866) – шотландский охотник и путешественник по Африке.

[1387] Нимрод – в Пятикнижии, преданиях и легендах Ближнего Востока герой, воитель-охотник и царь.

[1388] *Gordon Cumming C.* From the Hebrides to the Himalayas. Vol. II. London, 1876. P. 19.

[1389] Фатехпур-Сикри (*англ.* Fatehpur Sikri).

ориенталистами за 600 лет до Ксеркса, а Тодом за 3000 до Р.Х.; то земля сказочных и исторических героев, бешеной удали и рыцарских чувств к женскому полу, столь мало ценимому, презираемому и даже угнетенному во всей остальной Индии… Здесь Гулаб-Синг был у себя и готовился принимать нас хозяином. Нам словно легче дышалось… Еле дребезжащие, полуразваленные вагоны поезда, идущего до Джейпура, остановились у Футхепурской станции, как у всех нас, за исключением двух англичан, вырвался крик облегчения. В одну секунду как бы выросшие из-под земли щитоносцы Такура перенесли наш багаж в кареты, присланные деваном (министром) махараджи Бертпурского[1390]. «Его высочество в Хардваре на богомолье, но деван к нашим услугам и приказал простереться пред американскими братьями-саибами, – проговорил высокий юный раджпут с длинными волосами и в белом тюрбане. – Кареты к вашим услугам».

А вот и Такур-саиб… Верхом и с полудюжиной плечистых, бородастых, длинно-кудрявых оруженосцев, которых мы еще не видали… Черный силуэт всадника ярко обрисовывается на безоблачном темно-синем горизонте, и громадная фигура напоминает мне конную статую Петра Великого[1391]. Мы все довольны… Одна мисс Б*** с обычным тактом и обернувшись не то к посланнику девана, не то к лошадиным хвостам восклицает плачевным голосом:

– Великое небо!.. Какие мрачные, дикие окрестности!.. Говорят, раджпуты ужасные разбойники… Не опасно ли нам будет ехать вовнутрь страны… одним?..

Я чувствую непреодолимое желание задушить бестактную дуру, но воздерживаюсь и, сгорая от стыда пред раджпутами, взглядываю на подъехавшего к нам Такура.

Гулаб-Лал-Синг спокойно поглаживает усы. Но в рассеянно устремленном на англичанку взоре я улавливаю ту же быстро сверкнувшую молнию сдержанного гнева, скажу более, ненависти, как и в Дельи. И этот гнев, и ненависть разом отражаются в позеленевшем лице Нараяна Кришнарао.

– Успокойтесь! – раздается ровный, насмешливый голос нашего друга. – Вы забываете, что Раджпутана имеет честь быть под протекторатом Великобритании… А ее прозорливость и отеческая бдительность безграничны, как и ее горячая заботливость о нас, бедных… разбойниках. Оглянитесь… ваше правительство ни на минуту не потеряет ни вас, ни нас из виду… Так боится оно, как бы мы не попали в дурные руки!..

И он кивает по направлению железнодорожной станции. Там на платформе суетится возле своего багажа, ящика с содовой и водкой, златоусый шпион в белом кителе.

[1390] Джасвант Сингх (Jashwant Singh, 1851–1893) – правитель Бхаратпура (с 1853 г.).

[1391] Пётр I Алексеевич, прозванный Великим (1672–1725) – последний царь всея Руси (с 1682 г.) и первый император Всероссийский (с 1721 г.).

XXIX

Быстро проходили дни и недели и еще быстрее передвигались мы с места на место, но, несмотря на то, что не теряли времени, мы не видали и двадцатой доли тех исторически знаменитых мест, которыми славится Индия. А жары становились, между тем, с каждым днем ужаснее. В начале мая они достигают – вообще по всему Индостану – своей высшей точки, но Раджистан является в этом смертельном месяце даже в Индии пеклом, в сравнении с которым сам Аллахабад способен обворожить своею прохладой. В то время как в Петербурге и Москве поля еле начинают одеваться молодою зеленью, а кусты сирени еще стоят обнаженные, на палящих равнинах Раджпутаны все уже испеклось, пережарилось и поверхность земной коры, как сухарь, слишком долго оставленный в духовой печи, пересохнув, начинает рассыпаться прахом. Ее огромные поляны, выгорелые, печальные, желто-бурого цвета, в местах, где они не столь густо заселены, напоминают русские степи: тот же сухой ковыль, то же частое марево на раскаленном горизонте…

Словно высохшая до мозга костей старица, дремлет вокруг нас усталая, угасающая природа Индии, доживая под палящими стрелами свирепого солнца «сезон жаров». Весна, лето, зима и осень для туземца один лишь звук без всякого значения. У индуса всего три времени года и, говоря о них, он различает «сезон жаркий», «холодный» и «сезон дождей». Через три-четыре недели на ярко-яхонтовом, девять месяцев в году безоблачном небе покажутся первые дождевые облака… Загремит гром, подымутся на бенгальских берегах циклоны и опустошительные бури. Погибнет несколько человек, разрушится несколько зданий, но зато, прилетев с юга, ураган принесет на мощных крыльях своих столь желанный *муссон*, весь пропитанный ароматами Цейлона и Южной Индии. И вот снова в два-три дня под проливным дождем зацветет вся Индия от Гималая до Коморина. Затопленные равнины Раджистана превратятся в моря, из глубины коих будут торчать лишь скалы такуров с их полуразрушенными крепостями и за́мками. Эти скалы, рассеянные теперь словно безобразные бородавки по лицу *Сурьяванзы*, «земли Солнца», обмоются и зацветут, и снова все заликует в природе… Закукует кукушка – певец любви Индостана, птица, посвященная Каме, божку любви. Подымется пар от земли – благоуханнейший из всех ароматов природы, в понятиях индуса – пар от первого дождя, и начнутся свадьбы, пиры и веселье…

Но пока до дождя, «возлюбленного земли», по словам греческого поэта, Раджпутана могла нам предложить не более того, что̀ сама имела. Кругом все выжжено и нечему уж более выгорать. Мисс Б*** права, первый взгляд на окрестности не располагает к стране. Все мертво и безмолвно, и на голых полях не видно даже обычной фигуры земледельца, бедного черного скелета, копающегося на них, словно крот, во все остальные времена года... До первых дождей ему нечего делать в поле. В подобный зной даже выносливый верблюд покорно ложится где попало; жвачка теряет для него всю прелесть, и по целым дням он либо непробудно спит, либо тут же издыхает. Все словно вымерло, застыло в природе и деятельность ее проявляется теперь в одной смерти да тлении… В такие дни птицы падают десятками мертвыми на сухую землю. Общее безмолвие прерывается лишь длинною, жалобною трелью ястреба, где-то недвижно висящего на воздушных горячих струях, да где-нибудь на бугорке стая коршунов, окружив падаль, стоит, не двигаясь, понуря голову и не трогая лакомой пищи, и довольствуется одними грезами. Смерть в разнообразнейших видах парит над головой европейца. Она мигает на него из дрожащих световых волн, угрожая солнечным ударом; тихо подкрадывается к нему в вагоне, суля «апоплексию от жары»[1392], причиняемую на железной дороге рассекаемым быстротой движения раскаленным воздухом, до́ма – удушливою температурой. Она ждет жертву в каждом затемненном, сравнительно прохладном уголке, куда сырость поливаемых ставень и дверей привлекает ядовитых тысяченожек, скорпионов, даже змей.

Смерть в Индии не пропустит ни одного случая: она лучший союзник туземца и одна часто избавляет его от тирана. Она сторожит англо-индийца из-за каждого угла; все средства для нее

[1392] В Индии врачи зовут этот род смерти *heat apoplexy*[*]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] тепловым ударом (*англ.*).

хороши. Вечно потеющий англичанин находит ее всюду: в искусственной прохладе *панки*, осуществляющей в Индии *perpetuum mobile*[1393], – под колыханием коей он ест, спит, пьет, ругается, дерется и отправляет служебные обязанности, – как и в каждом стакане питья со льдом. Воспаление легких и холера прекращают его карьеру в несколько часов…

Все это нам было известно, и мы были предупреждены о раджпутанском зное. Но до тех пор все нам сходило с рук, и безнаказанность сделала нас дерзкими. В Дельи Такур нам сказал: «Не бойтесь; за вас двух *я ручаюсь*, и если оба наши англичанина послушают моего совета, то поручусь и за них»… И мы были совершенно спокойны.

Все более и более – я говорю о полковнике и о себе – овладевал Такур нашею волей, всеми нашими помыслами. А заручившись всем нашим умом и душой, раздражив наше любопытство до крайних пределов, заставив нас чувствовать, что по одному мановению руки его мы готовы последовать за ним, без колебания и метафоры, в огонь и воду, овладев, наконец, окончательно нашею волей, он, видимо, не пожелал воспользоваться своими преимуществами… Всегда ровный и приветливый со всеми, он был с нами, быть может, минутами ласковее, но также непроницаемо замкнут насчет своих таинственных несомненных познаний в «тайной науке», как и с прочими. Что он знал о нашем страстном желании поучиться у него, получить объяснение его необычайной, а для нас *абсолютно* доказанной психологической силы – это также для меня несомненно, как и то, что он, находясь в эту минуту в Тибете, знает, если только желает знать, каждое слово из того, что̀ я пишу. Но зная это, он молчал.[1394] Минутами мне казалось, что он будто изучает нас, желает убедиться, насколько он может довериться нам, и я боялась говорить о нем даже с полковником. Принадлежа к нашему Обществу, он оставался простым членом, отказавшись даже от не раз предлагаемого ему звания «почетного члена общего совета». Один из таких главных советников Теософического Общества в Лондоне, лорд и граф и, главное, человек признанный одним из ученейших членов Королевского общества[1395], зная о нем, писал в прошлом году другому члену совета нашего Общества, редактору главного журнала правительства[1396]: «Ради Бога, просите Такура ответить мне, есть ли для меня надежда достичь результатов, которых я тщетно ожидаю вот уже пятнадцать лет… Спиритизм изменнически предал меня. Феномены его – факт, объяснения – *чушь*. Как возобновить прежние сношения с тем, с кем я когда-то разговаривал так свободно за три тысячи миль, каждый из нас в своей комнате?.. Теперь все исчезло, он не слышит меня более, даже *не чувствует*… Почему?!!» Когда я передала Такуру письмо по просьбе редактора, Гулаб-Синг просил меня написать под его диктовку следующее: «Милорд, Вы англичанин и ваша вседневная жизнь вся проходит по английскому шаблону. Честолюбие и парламент начали дело разрушения, мясная пища и вино окончили оное... Для ассимиляции духа человека с всемирною душой Парабрамы существует лишь одна узкая и тернистая тропа, по которой вы не пойдете. Материальный человек убил в вас духовного. Вы один можете воскресить последнего и никто другой на это не способен…»[1397]

[1393] вечный двигатель (*лат.*).

[1394] В «Московских ведомостях» фрагмент текста «Что он знал о нашем… он молчал» отсутствует.

[1395] Джеймс Линдси (26-й граф Кроуфорд, 9-й граф Балкаррес, 1847–1913) – английский астроном, член Лондонского королевского общества, президент Британского королевского астрономического общества (1878–1880), член Генерального совета Теософского общества.

[1396] А.П.Синнетт.

[1397] См.: «…Не обвиняйте меня в том, что я не показываюсь вам в более осязаемом для вас виде, как хотели бы вы, да и я сам хотел бы показаться. Если мне не разрешено это выполнить для Олькотта, который уже пять лет трудится для нас, как я могу сделать это для тех, кто еще не прошел такой тренинг, как он? Это относится и к лорду Кроуфорду и Балкарресу, прекрасному джентльмену, плененному миром. У него искренняя и благородная натура, возможно, слегка сдержанная. Он спрашивает, какую надежду он может питать? Я говорю: *любую*, ибо он обладает тем, что имеют очень немногие, – неисчерпаемым источником *магнетического флюида*, который, будь у него только время, он мог бы вызывать целыми потоками, и ему не нужен никакой другой учитель, кроме него самого. Его собственные силы совершали бы нужную работу, и его великий собственный опыт был бы ему верным руководителем. Но он должен быть настороже и избегать всяких *посторонних влияний*, особенно тех, которые антагонистичны величественному учению о человеке как интегральном *Браме*, микрокосме, свободном и совершенно независимом как от помощи, так и от контроля незримых сил, которые в “новом домостроительстве” (напыщенное слово!) называются “духами”*. Его лордство поймет без дальнейших объяснений, что я хочу этим сказать; он может прочесть эти строки, если захочет и если заинтересуется мнением о нем неизвестного индуса. Если бы он был бедным

Конечно, скептики и материалисты, – как те, которые приписывают явления спиритизма *нечистой силе*, так и другие, убежденные, что после смерти от нас ничего не останется, а будет, по выражению Базарова[1398], «лопух расти», – ничему этому не поверят, а одни станут нас с такурами и лордами подымать на смех, другие открещиваться от нас. Но к этому нам не привыкать стать[1399]. Зато люди серьезные, ученые, опытные в *медиумических* явлениях, как профессора Бутлеров, Вагнер[1400], Цёльнер[1401], Уоллес и другие, которых факты победили и принудили признать за факты, – эти ученые, убедившиеся в существовании силы, способной завязывать узлы на бесконечной веревке[1402], поверят *реальности* странных и необъяснимых феноменов, виденных нами в Индии. В одном мы разойдемся с ними: они верят, что невидимая сила, работающая над превращениями материи на спиритических сеансах, принадлежит *духам*; мы не верим в активное вмешательство усопших и приписываем эту силу лишь духу *живого человека*. Кто из нас прав, кто ошибается, может решить только время. Прежде всего, люди должны убедиться в объективности этих спорных явлений, а затем уже приниматься за объяснение их. Спиритизму более всего повредила теория верующих в него.

Все вышесказанное не отступление от моего рассказа, а необходимое объяснение тому, что̀ следует. *Письма из пещер и дебрей Индостана* – не одно географическое и этнографическое описание Индии с вплетенными в оное фиктивными героями и героинями, а скорее дневник главных членов Теософического Общества, с которыми начали уже считаться и спиритизм, и материализм в Европе, а главное, неряшливые ориенталисты.

Оконфуженные выходкой мисс Б*** и садясь в экипаж махараджи Бертпурского, мы ужаснулись, еле коснувшись до него. То было огромное открытое ландо времен царя Гороха, довольно удобное, впрочем, и способное легко вмещать шесть и даже восемь человек. Но сиденье оного в ожидании нашего приезда успело превратиться в кресло, на котором поджаривались

человеком, он мог бы стать английским Дюпоте[**] с прибавлением великих научных достижений в точных науках. Но, увы! Что пэрство приобрело, то психология потеряла... Однако и теперь еще не слишком поздно. Но видите ли, даже после овладения магнетической наукой и посвящения своего могущественного ума изучению благороднейших отраслей точных наук, даже ему удалось приподнять не более как маленький уголок завесы над тайною. О, крутящийся, нарядный, блистающий мир, полный ненасытного честолюбия, где семья и государство делят между собой благороднейшую натуру человека, как два тигра свою добычу, оставляя его без надежды и света! Сколько рекрутов мы могли бы иметь оттуда, если бы не требовалось никаких жертв! Письмо его лордства к вам дышит искренностью, окрашенной сожалением. Это хороший человек в сердце своем со спящей способностью быть значительно лучше и счастливее. Если бы жребий его был брошен не так и если бы все свои интеллектуальные способности он обратил на культуру души, он достиг бы гораздо большего, чем ему когда-либо снилось. Из такого материала делались адепты в дни арийской славы» (Письмо К.Х. – А.П.Синнетту. Ок. 20 февраля 1881 г. // Письма Махатм. М., 2012. С. 154–155).

[*] Речь идет о спиритизме.

[**] Жюль Дени Дюпоте (1796–1881) – французский гомеопат, месмерист, писатель.

[1398] Базаров – персонаж романа И.С.Тургенева «Отцы и дети».

[1399] Не привыкать стать (*устар.*) – о чем-либо таком, что стало привычным, обычным, чем нельзя уже удивить, обидеть и т.п.

[1400] Николай Петрович Вагнер (1829–1907) – зоолог, профессор Санкт-Петербургского университета, писатель, один из лидеров российского движения экспериментального спиритизма.

[1401] Иоганн Карл Фридрих Цёльнер (1834–1882) – немецкий астрофизик; провел ряд спиритических сеансов, с помощью которых предполагал получить доказательства существования четвертого измерения.

[1402] См.: «Итак, факты вкратце таковы. Цёльнер начал со следующего предположения: если допустить, в рамках гипотезы, существование четырехмерного пространства с его четырехмерными обитателями, то эти последние, вероятно, могли бы проделать простой эксперимент – завязать тугие узлы на веревочном кольце. Ибо четвертым измерением пространства – или, лучше сказать, четвертым свойством материи – должна быть всепроницаемость. Итак, когда он узнал, что медиум Слейд[*] приезжает в Лейпциг, он взял веревку, соединил ее концы, запечатал их воском и поставил на нем собственную печать. Когда пришел Слейд, профессор, при ярком дневном освещении, сел вместе с ним за стол; их четыре руки лежали на столе, ноги Слейда были видны; большими пальцами профессор придерживал веревку с запечатанными концами, а петля ее свисала вниз, покоясь на его коленях. Медиум Слейд впервые слышал о такого рода эксперименте – никто еще не проводил его ни с одним медиумом. Через несколько секунд профессор почувствовал слабое движение веревки, до которой никто не дотрагивался, и, взглянув на нее, к своему удивлению и радости обнаружил, что его желание исполнено. Только вместо одного узла на его веревке было завязано целых четыре» (*Блаватская Е.П.* Трансцедентальная физика // *Блаватская Е.П.* Терра инкогнита. М., 1997. С. 99–100).

[*] Генри Слейд (1835–1905) – американский медиум.

когда-то жертвы инквизиции… На подножках и железной обшивке ландо можно было готовить яичницу, а от прикосновения голой руки к его стенке у меня слезла кожа на ладони. В ужасе отдернув руку, я не решалась садиться; и даже бравый полковник остановился в смущении… В такой колеснице разъезжает, вероятно, только Вельзевул, князь ада!

– Вам нельзя будет ехать до вечера в этой коляске, – заметил Такур, хмурясь. – Придется провести день здесь поблизости. Войдите в буфет, пока я пошлю за крытою каретой…

Последовало совещание. До волшебных садов Дига, поливаемых 600 фонтанами (исторически известное наследие бертпурских махараджей), было 18 миль; до столицы штата 5; до места завтрака 15. Поезд опоздал, и было уже десять часов. Ехать в самый полуденный жар, когда и теперь у нас кружилась голова и темнело в глазах, было бы безумием. Все, кроме Такура, даже индусы, побледнели, то есть сделались земляного цвета и обвевались шарфами... Один бабу́, казалось, блаженствовал. Простоволосый, как и всегда, и подпрыгивая на переднем сиденье, на котором уже уселся с ногами, он нырял в волнах раскаленного воздуха, как другой ныряет в прохладных струях реки, уверяя, что вовсе еще не так жарко и что в Бенгалии такой день считался бы многими прохладным.

Пока Такур отдавал приказания и два оруженосца поскакали куда-то за каретой, мисс Б***, совершенно изнемогая от жары и придираясь ко всему и всем, сочла своим долгом оскорбиться словами бабу́:

– C'est du persiflage, cela[1403]!.. – повторила она, обмахиваясь в волнении. – Ему прохладно, когда мы все умираем от жары!..

– Ну, а вам-то чтò до этого?.. Разве вы можете запретить человеку чувствовать себя иначе, нежели вы себя чувствуете? – уговаривала я ее, предчувствуя новую между ними ссору.

– Но ведь это он нарочно!.. Он смеется над нами, – громко ворчала старая дева. – Он, как и все индусы, ненавидит нас, англичан! Он радуется нашим страданиям!..

– Совершенно напрасно так думаете, – поддразнивал ее бабу́ из коляски. – Я вовсе не ненавижу наших *добрых* повелителей. Только когда им жарко, мне всегда бывает прохладно и – *vice verca*[1404]. Садитесь возле меня, и я вас стану обмахивать вашим веером… Вы знаете, как я вас… уважаю!..

– Благодарю! – вспыхнула она. – Сидите на солнце, которое бессильно против одних подобных вам… амфибий! – обмолвилась она в своей ярости.

– То есть *саламандр*, вы желали сказать? – оскалил зубы бабу́. – Не ошибайтесь, *чанд ка тукра*[1405] сааб!..

– Прошу вас не учить меня, если я даже и ошиблась! – взвизгнула она, бледнея от бешенства. – Не вашей… расе учить нас, англичан!

– Я вам серьезно советую быть осторожнее… при такой жаре, – вмешался Такур, слезая с лошади и многозначительно подчеркивая последние слова. – Малейшее волнение может оказаться гибельным в нашем климате, которого даже и английская власть не сумела еще поработить.

И снова та же острая молния сверкнула в полузакрытых глазах раджпута и ноздри слегка дрогнули при тоне презрения, с каким она произнесла слова «ваша раса». Но рассвирепевшая островитянка уже закусила удила, и остановить ее не было возможности. Она стала жаловаться, что ее завезли обманом в страну, где нет ни одного англичанина, чтобы заступиться за нее, где туземцы насмехаются над нею и оскорбляют в ее лице величие всей нации, самой королевы. Она понесла такую чушь, что озадаченные мы молча смотрели на нее как помешанную. У*** взял ее под руку и старался увести в буфет. Он был страшно сконфужен, но как англичанин он, вероятно, считал ниже своего достоинства вразумлять ее и, таким образом, хотя бы и косвенно оправдывать туземца в ссоре с дочерью «высшей расы».

Этой потасовке суждено было сделаться последнею, и результаты ее явились самые неожиданные. Злополучный бабу́, невинная причина бури, желая примириться с мисс Б*** «ради

[1403] Он над нами издевается (*фр.*).

[1404] наоборот (*лат.*).

[1405] В переводе выйдет – *мадам кусок луны*, а на языке хинди почтительное и лестное выражение. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

спокойствия всего общества», как он объяснил нам позже, вместо того, чтобы поправить, испортил все дело.

Увлекаемая У***, мисс Б*** уже направлялась к станции, а я, стоя под огромным зонтом-балдахином, который был распущен над полковником и мною, ожидала лишь получить оставленный в карете бинокль и сак[1406], как вдруг Нараян Кришнарао, Мульджи и бабу́, словно сговорясь, подошли к полковнику и стали просить позволения вернуться с этим же поездом в Агру, а затем домой. Наш почтенный президент замахал и руками, и ногами. Он не расстанется с ними… Эта ссора пустяки и забудется чрез час.

– Ни за что̀! Я скорее сам вернусь с вами! – громко отвечал он.

При первых словах разговора англичанка остановилась и навострила уши. Услыхав в чем дело, она вырвала руку из-под руки У*** и, подбежав, затараторила о том, что гг. индусы – *those gentlemen Hindus* (насмешливо напирая на слово *gentlemen*)[1407] – предупреждают ее в том, о чем она сама желала просить.

– Мы не можем долее пребывать в гармонии, необходимой для приятного путешествия, – объявила она. – Пусть господин президент выбирает теперь между членами европейцами и *азиатами*!..

Я вся закипела злостью при этой новой дерзости и только что собиралась открыть рот, чтобы дать ей заслуженный отпор, как вдруг почувствовала на себе взгляд Такура. Президент откашливался и поправлял очки – знак того, что он собирался официально объявлять резолюцию. Пока он говорил, я не имела права вмешиваться…

– Тут никакого не может быть выбора, – медленно начал он, сильно разгневанный и выколачивая в своем смущении горячую золу из трубки на подушки ландо его светлости. – Все члены вверенного мне в Нью-Йорке Общества, *к какой бы они расе или религии не принадлежали*, равно уважаемы мною и дороги Центральному Обществу. От выбора поэтому я отказываюсь, а о праве своем решать споры и недоразумения между членами заявляю. Я слышал каждое слово вашего… немного крупного разговора и должен сознаться, что не нахожу в нем ничего похожего на ссору!.. Почтенная мисс Б*** вспылила и наговорила дерзостей (напирая на слово *дерзость*) бабу́. Он промолчал и поступил как джентльмен. Надеюсь, что мисс Б*** теперь поймет, что оскорблен *он*, а не *она*, а в его лице и прочие члены-туземцы; надеюсь, что она присоединит к моей и свою просьбу, чтоб они забыли эту пустую вспышку и попросит наших добрых, уважаемых друзей не уезжать от нас…

Мисс Б*** вся затряслась от бешенства.

Стоя в двух шагах от меня и облокотясь на седло, Такур не спускал с нее широко открытых зрачков, блестевших в эту минуту каким-то зловещим фосфорическим сиянием. Нараян, опустив глаза и голову, молчал, но на сильно закушенной губе его выступила крупная капля крови…

– Как! Мне… *мне* просить у *него* извинения?.. – прошипела англичанка. – Мне… когда он…

– Не извинения, а протянуть руку примирения… вас просят, – перебил ее У***.

Он был бледен и говорил с видимым усилием. Природная честность боролась в нем с врожденным национальным чванством и, к сожалению, последнее победило. На разгневанный взгляд, которым метнула в его сторону соотечественница, он спохватился и добавил:

– Извиняясь за вмешательство, позволяю себе объяснить только что высказанное желание г. президента *не иначе*, как в переданном мною смысле… Потому что… согласитесь… со всем тем, что американские идеи о приличии диаметрально противоположны нашим (английским), не могу же я предположить ни на одну минуту такого абсурда, чтобы даже г. президенту могла придти в голову мысль предложить даме… *английской леди…* извиняться пред… пред… пред мужчиной!.. – докончил он, заикаясь и, очевидно, заменив последним словом термин, который ему счастливо удалось проглотить.

«Вот тебе и *“Братство человечества”*», – подумалось мне.

– Почему же? – возразил уже хладнокровно полковник. – Предполагайте… потому что именно такой «абсурд» я и предложил.

[1406] Сак – дорожный мешок, сумка из плотной ткани для вещей.

[1407] эти индусы-джентльмены (*англ.*).

– Да я-то и не думаю требовать, ни даже надеяться на извинение!.. – вставил добродушно бабу́. – Я даже и до сей поры не понимаю, чем я провинился пред почтенною мисс Б***, которую я всегда уважал как мать…

Если бы к ногам сорокапятилетней девы упала в эту минуту молния, то она не произвела бы такого страшного эффекта, как это невинное, произнесенное в полном простосердечии двадцатилетним мальчиком слово «мать». Зная ее сильнейшую слабость, я положительно перепугалась, ожидая, что она вцепится в бабу́, как дикая кошка. Такур молча бросил повод конюху и, сделав шаг вперед, вперил еще более пристально-внимательный взор в беснующуюся англичанку.

Она вся побагровела. Жилы на шее вздулись, как бечевки, и она взвизгнула почти с пеной у рта:

– Как?.. *Мать!..* Мать... Вы… меня… Вы!.. Знайте, сэр, – вдруг добавила она, величественно выпрямляя стан, – что не как *мать* обязаны вы меня уважать, а как члена той *великой* нации, которая держит… ваше пре… презренное пле…

Такур вдруг быстро протянул к ней руку… Захлебываясь и бормоча несвязные звуки, она неожиданно грохнулась, как скошенный сноп, хрипя и в судорогах, прямо в объятия У***, на руки которого Гулаб-Синг ловко перебросил ее падающее тело…

– Так и есть, как я ее предупреждал, – тихо и спокойно произнес Такур, наклонясь над сильно вздрагивавшим телом. – Солнечный удар; несите ее в дамскую уборную!

Во всем Бертпуре, да, кажется, и во всем королевстве джатов, состоящем из 100000 человек, нет ни одного европейского доктора, а есть одни туземные «хакимы» (лекаря)[1408]. Ехать куда-либо в тот день было немыслимо; и вот, отправив экипажи до другого утра, мы перенесли несчастную англичанку в крошечную комнатку телеграфиста на столь же крошечной железнодорожной станции и старались привести ее в чувство домашними средствами. Но на станции не оказалось даже и льда – первого лекарства против солнечного удара. Вспомнив о ящике с водкой и льдом следовавшего по нашим пятам розового шпиона, мы командировали У*** к его соотечественнику изложить пред ним наше затруднение и покорнейше просить, не уступит ли он для умирающей дамы-англичанки малую толику из его запаса, пока нам привезут из Агры. Шпион выслушал очень учтиво и – отказал! Малый-де кусок не поможет, и он сам может заболеть здесь от жары… Тогда оскорбленный мисс Б*** бабу́ пошел на отчаянное средство и – явился ее и нашим спасителем. Он побежал с Нараяном в поле и принес целую охапку травы под названием *кузимах*. Эта трава, имеющая свойство крапивы, покрывает тело вследствие одного легкого прикосновения к ней сыпью и ужасными волдырями. Не говоря ни слова, он попросил меня надеть перчатки и растирать ноги больной кузимахом. У самого у него лицо и руки мгновенно вздулись как пузырь, но он не обратил на это внимания. Признаюсь, я исполнила возложенное на меня поручение со злобным рвением. Я почему-то надеялась… *чувствовала*, что Такур не допустит до такого трагического конца, каким явилась бы смерть англичанки во время нашего путешествия, а доставить ей неприятный, но благодетельный зуд в продолжение нескольких дней мне было весьма с руки. Чрез пять минут втирания ноги англичанки превратились в кровавые волдыри, но зато сама она открыла глаза и имела удовольствие заметить (по крайней мере, я надеялась), как за ней ухаживает «сын презренной расы». Но бабу́ не ограничился этим; тогда как с девяти часов вечера У***, ее соотечественник, под предлогом нездоровья и усталости залег спать в соседней комнате, маленький бенгалец не оставлял ее ни на минуту. Один он переменял ей головные примочки изо льда, который, наконец, под вечер и вследствие нашей телеграммы был прислан из Агры, и ушел от нее лишь на другое утро, когда с первым поездом приехал вслед за льдом и врач-англичанин.

Узнав о странном лекарстве бабу́, доктор фыркнул себе что-то под нос, но объявил, что и *кузимах* хорош, как и всякое другое отвлекающее кровь от головы средство. Приказав везти пациентку назад в Агру, а по выздоровлении тотчас же назад в Бомбей, он взял 50 рупий и отправился в ожидании обратного поезда завтракать, попросив У*** en passant[1409], чтоб эти

[1408] Hakīma (*хинди*).

[1409] между прочим (*ит.*).

«негры» ему не мешали. У***, чувствуя, что я гляжу на него, сильно покраснел, но обещал – не сделав ни малейшего замечания. Он ехал с нею, так как нельзя же было отпустить ее в таком состоянии одну, а нам невозможно было уехать, не повидавшись с суами Дайанандом.

Но вернемся на несколько часов назад. Накануне, под вечер после катастрофы и когда больная уснула, четверо нас: Такур, полковник, Нараян и я, собрались вместе за маленьким садиком станции у разбитых для нас палаток. Палатки принадлежали Такуру, появились в несколько минут, словно вызванные волшебством из-под земли, и были весьма курьезны. В другое время их внутреннее устройство, где находился кругом и коридорчик, и спальная, и гостиная, и даже комнатка для ванны, привлекли бы все внимание нашего любознательного президента, особенно их вполне восточная меблировка. Но в настоящую минуту нашего рассказа он был слишком взволнован. Его занимала лишь одна мысль – об ответственности его положения как президента Общества; мысль, что компания наша расстраивается и один из членов ее, как бы ни был он виноват, находится в опасности. Неизвестность будущего и искреннее огорчение в виду фактической невозможности помирить два столь противоположных элемента в управляемом им и доверенном ему Обществе, как чванные англичане и туземцы, которые как огонь и вода лишь шипели при малейшем соприкосновении, – все это не давало ему покоя. И он шагал, бедный полковник, в величайшем смущении прогуливаясь взад и вперед пред навесом средней палатки, где Такур, спокойный и безмятежный, как и всегда, курил у дверей на ковре. Наконец, он предался отчаянному монологу.

– Бесспорно, – рассуждал он, – мисс Б*** ужасная, ужасная женщина! Эгоистка и вспыльчивая, как… как… мексиканская кобыла!.. – срезал он, не находя лучшего сравнения. – Все это так. К тому же она англичанка, напыщенная и накрахмаленная, как ее собственные юбки, и готовая, как та лягушка в басне, ежеминутно лопнуть от чувств собственного своего и национального величия!.. Она совсем дура, словом!.. Но все же она член нашего Общества!.. Не так ли? – обратился он ко мне.

– Только пока она останется «членом», не будет толку в этом Обществе, – отвечала я. – Она и сама не исполняет уставов, да и других сбивает с панталыка.[1410]

– Но все-таки она полезный член Общества, – возразил он. – Полезный именно потому, что она и англичанка, и патриотка. У*** и она – оба служат нам как бы оплотом… живым протестом, так сказать, ну хоть бы вон против того идиота в белом кителе, что̀ пьет теперь на веранде свой чуть ли не двадцатый *пег*[1411] сегодня и принимает нас за таких же шпионов, как и он сам… А теперь, умри она, ну что̀ мы будем делать?..

– Не волнуйтесь, полковник, она не умрет, – равнодушно заметил Такур.

– Нет!.. Вы даете мне в том слово, мой дорогой Такур? – воскликнул обрадованный американец.

– Давать слово в жизни или смерти больной особы, не будучи врачом, было бы слишком дерзким с моей стороны, – возразил раджпут, смеясь. – Но судя по долголетнему опыту, если она пережила первые полчаса и к солнечному удару не присоединятся симптомы другой какой болезни, то, конечно, главная опасность миновала…

– А… а вы… извините меня, мой дорогой, мой высокоуважаемый друг, вы *не нашлете на нее других таких симптомов*?.. – таинственно озираясь кругом и низко наклоняясь над ковром Такура, переспросил полковник.

Я сидела наискось, прислонясь к столбу навеса, и молча слушала. При словах президента меня передернуло; они были эхом собственных моих невыраженных и глубоко затаенных в груди чувств, но, тем не менее, верным эхом. Нараян с потухшею *бири*[1412] в зубах стоял возле Гулаб-Синга. По лицу Нараяна тоже пробежала черная тень, и он быстро вскинул глазами на полковника. В этом взгляде ясно читался и гнев, и немой укор дерзости вопрошающего.

В глубоких и темных, как бездна, загадочных глазах Такура я не подметила на этот раз того жгучего, молниеподобного света, озарявшего их, как зарница озаряет далекое небо, при

[1410] В «Московских ведомостях» далее: Полковник только задумчиво поглядел на меня. Не найдя желанного сочувствия, он снова зашагал.

[1411] *Peg* – водка с содовой и льдом. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1412] *Бири* – туземная сигарка из зеленых листьев дерева *манго*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

нестерпимо глупых и оскорбительных выходках мисс Б*** против всего туземного; я не нашла в них той острой искры, которая, признаюсь, всегда пугала, будя во мне смутное чувство какого-то сверхъестественного страха, чего я стыдилась, но победить не могла. В эту минуту взор его оставался спокойным и равнодушным; только слегка насмешливая улыбка приподняла угол рта…

– Выраженный иначе ваш вопрос заключает в себе прямое обвинение в том, что «наслал на нее первоначальную болезнь я»?.. – спросил он, смотря О*** в глаза.

Полковник покраснел до ушей, но не унизился до бесполезного отрицания. Он прямо и смело взглянул своими подслеповатыми, честными глазами в лицо Такура и, запинаясь, сознался:

– Да, я так понял это несчастное обстоятельство… Но вы напрасно называете это «обвинением»…

– Гм!.. Нельзя, однако, сказать, чтобы такое подозрение было из весьма лестных, – помолчав, но все улыбаясь, промолвил раджпут, глядя вдаль. – Мстить женщине за невоздержность ее глупого языка почти смертью еще менее в нравах *разбойничьего* племени Раджистана, нежели оно во вкусе образованных европейцев[1413]. Но я не вправе винить вас за такую мысль, коль скоро зная, что вы составили себе какое-то утрированно-высокое понятие о моем… психологическом могуществе, я, тем не менее, предоставлял вас собственным вашим выводам и заключениям… По-своему вы правы…

Американец поднял на него свои ясные, голубые глаза и, задумчиво пощипывая бороду, покорно заметил:

– Мы приехали в Индию за 10000 миль изучать психологию и все касающееся *духовного* человека… и… по вашему зову. Мы вас выбрали нашим *гуру*[1414], а теперь, когда мы нашли в вас одном воплощение «тайной науки», неужели теперь вы отвернетесь от нас?

В голосе нашего президента зазвучала очень грустная нотка. Такур быстро взглянул на него и, помолчав, отвечал уже совершенно спокойно и даже ласково:

– Я действительно посвящен в то, что̀ у нас называют *гупта-видьей* – тайными науками…

– Вам известны эти науки? Вы, наконец, решаетесь сознаться в этом хоть пред нами – вашими невежественными, но всею душой вам преданными учениками?

– Я никогда этого не скрывал и не мог бы, даже если бы хотел скрыть… Я *брамачариа*[1415]. Но ведь под названием «брамачарии» и словом «тайные науки» разумеется иногда очень многое и смысл их весьма эластичен. Со славных времен *риши* прошли тысячелетия, Индия пала и выродилась, – печально добавил он. – Теперь вы найдете во всех больших городах «брамачарий», которые заменяют недозволенную им кастой законную жену тайным гаремом, *зенаной*, и отдают в рост деньги; часто встретите шарлатанов, составляющих и продающих во имя «тайных наук» любовные зелья! Неужели и за такими вы станете гоняться и отдавать им почести из-за одного имени?..

Я невольно взглянула на полковника, и мы оба сконфузились. До отъезда нашего из Бомбея к нам привели с большими предосторожностями и вследствие неотступных просьб некоего *великого*, по словам Мульджи и других, *«садду»* (святого) и алхимика. «Святой» анахорет издавал весьма неприятный запах и самые разнохарактерные звуки носом и ртом, но все это было отнесено полковником на счет его полного отрешения от всего земного и его святости. Забрав от нас, с включением «молчаливого генерала», несколько сот рупий деньгами с обещанием превратить их в «жизненный эликсир» и порошок от всевозможных зол и публично получив от полковника всевозможные знаки раболепного благоговения (последнее, впрочем, к великому и на этот раз справедливому негодованию англичанки), наш святой старец удалился назад в свою никому неизвестную обитель, en nous disant: «Je reviendrai!..»[1416], как в *Фаворитке*[1417]. Мы еще ждем его…

[1413] В «Московских ведомостях» далее примечание Е.П.Блаватской: Раджпуты, по свидетельству даже всех долго проживших в их стране англичан, не только истории, всегда славились и славятся своим рыцарским уважением к женщинам. Особенно полковник Тод, проживший с ними более 25 лет, восторгается этою чертой.

[1414] *Гуру* – учитель. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1415] Род светского монаха, от рождения посвященного безбрачию и обязанного изучать *сидд*[*] – науку *теургии*, или белой магии, и чудотворство. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] сиддхи.

[1416] говоря нам: «Я вернусь!..» (*фр.*).

– Чтò такое «тайные науки»? – продолжал Такур, отклоняя наше внимание от неприятного воспоминания. – Для меня эти тайные науки, как и для всякого, кто им посвятил всю жизнь, содержат в себе ключ ко всем тайникам природы и миров, как видимого, так и невидимого. Но этот ключ достается дороже, нежели вы думаете. *Гупта-видья* обоюдоострое оружие и к нему нельзя приступать, не пожертвовав заранее жизнию, хуже, разумом, так как она одолевает и убивает каждого, кто не успеет одолеть ее самое. Басни древности основаны не на одной фантазии. И в нашей допотопной Ариаварте найдется сфинкс, как и в Египте, и на одного Эдипа в итоге получаются тысячи жертв. Особенно она опасна для вас, европейцев и белых. Вот почему я колеблюсь пред вашим страстным, но… неразумным желанием дозволить вам даже начать период испытания…

– Такур! Ради всего для вас дорогого!.. – воскликнул наш президент умоляющим голосом. – Прошу вас во имя всего нашего Общества, во имя науки и человечества!.. Вы знаете, я не трус. Я не дорожу жизнию, и если хотя в конце ее не блеснет для меня луч истины, то чем… скорее этот конец… тем лучше!.. Только наставьте меня раз на путь истины – и клянусь никогда ей не изменить.

Такур отвечал не сейчас.

– Хорошо, – вдруг обрадовал он полковника. – Теперь, когда вы завтра, вероятно, будете освобождены от ваших двух англичан, я могу вас пригласить к себе, в Д***, поместье. До вашей поездки к суами Дайананду остается еще две недели… Раз у меня, полковник, я вас подвергну одному предварительному и небольшому испытанию. Останетесь вы победителем – хорошо, быть вам моим *челлой*[1418] на семь лет. А нет – ну, тогда все останется по-прежнему. Согласны?..

– С радостью, с радостью!.. – суетился наш развеселившийся президент. – И вы увидите, Такур, что я не ударю лицом в грязь ни пред каким испытанием!..

По окончании разговора Такур попросил меня отправиться к мисс Б*** узнать о ее состоянии. Все трое, то есть Гулаб-Синг, полковник и Нараян, заперлись затем одни в палатке. Когда я вернулась часа через полтора, двое щитоносцев тихо шагали пред запертым входом, а трое других лежали неподвижно поперек входа. Проходя в мою собственную палатку, я столкнулась в темноте почти нос к носу с розовым шпионом, узнав его скорее по распространяемому им запаху водки, нежели по платью и фигуре. Он, очевидно, подслушивал, и при моем появлении быстро исчез в темноте…

Около часа спустя ко мне кто-то постучался о перекладину входа. Я еще не ложилась, намереваясь зайти еще раз к злополучной мисс Б***. Услышав стук, я было по привычке уже открыла рот, чтобы произнести обычное: «Come in!»[1419], как вдруг появились, будто из-под земли выросли, два рослых, мохнатых раджпута у входа, где они и остановились как вкопанные, оба опираясь на винтовку и вопросительно смотря мне в глаза. Признаюсь, это внезапное появление меня и сконфузило, и озадачило. Ни они меня, ни я их не понимала, и объяснения обоих могли бы продлиться до утра, если бы не разгневанный голос нашего почтенного полковника, раздавшийся уже с другой стороны палатки.

– Чтò за черт! – кричал он. – За леопарда они меня, что ли, принимают здесь, что не подпускают и на три ярда[1420] к палатке!.. Выйдите-ка на минуту, – заголосил он еще громче с явным намерением быть услышанным мною. – Посмотрите, чтò они творят!.. Да что они это держат вас под арестом, или чтò?..

Быстрее молнии промелькнуло у меня в голове опасение, не замешан ли в этом англичанин-шпион, которого я еще за час до того встретила почти у порога палатки. Идея была глупая, но не невероятная. Она, впрочем, тотчас же рассеялась, когда на зов полковника я быстро направилась к входной и единственной двери. Не только меня пропустили совершенно беспрепятственно мои мохнатые раджпуты, но даже при приближении моем оба распластались наподобие каракатиц на песке в знак покорности и благоговения, так что мне пришлось пройти чуть не по головам воинов.

[1417] «Фаворитка» – опера итальянского композитора Г.Доницетти (1797–1848).

[1418] «Чела (санскр.). Ученик, воспитанник гуру или мудреца, последователь определенного адепта какой-либо школы философии (буквально, *дитя*)» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 454).

[1419] «Войдите!» (*англ.*).

[1420] 2,7 м.

По выходе глазам моим предстала картина, напомнившая мне характерные балеты на американских сценах, представляющие «пляску воинов» (*war dance*[1421]) краснокожих индейцев[1422] на «походе». Три других раджпута, таких же мохнатых и вооруженных, как и два первых, скрестив три сабли правою рукой, левою противопоставляли свои три огромных носороговых щита наступательным движениям моего уважаемого президента. И все это в глубочайшем молчании и с выражением самого смиренного подобострастия на лицах, как и в энергической мимике. Сделает ли мр[1423] О*** шаг налево – и они прыгнут в такт, подставляя щиты; скачок с его стороны направо – и они пред ним с непроходимою стеной щитов. Увидя меня, они мгновенно опустили свои доспехи и остановились как вкопанные.

Чрезвычайно обрадовавшись моему появлению, полковник заметил, что он имеет сказать мне нечто весьма важное, а уж затем приступить к разъяснению странного поведения раджпутов, и собирался уже войти в палатку, как вдруг его окликнул Нараян.

– Полковник-сааб! – тихо позвал он его, – погодите!.. Меня к вам послал Такур-сааб…

– Чтò такое!.. Чтò случилось? – вопрошал мр О***, недоумевая.

– *Маха-сааб* (великий господин, *monseigneur*) велит вам сказать, чтобы вы лучше не заходили к *бай-сааб*… Мы здесь в Раджистане, и у них… совершенно другие понятия об… этикете, нежели в Европе и даже у нас – в Центральной Индии… Не ходите, иначе вы их шокируете более, нежели я в состоянии выразить…

– Но почему же и кого это может шокировать?.. Затем, кто эти странные люди?..

– Эти люди – присланные деваном махараджи Бертпурского телохранители, почетная гвардия мадам-сааб, – отвечал Нараян. – А шокированною почувствует себя целая страна. Как можно входить в *зенану*[1424] после заката солнечного?..

– В *зенану*? Да где же тут зенана?..

– На женскую половину… к мадам-сааб!

Полковник громко и продолжительно свистнул.

– *Гей-дей!* Да разве в ее года женщины сидят еще в *зенанах*!.. – воскликнул он, вытаращив глаза и непочтительно расхохотавшись. Засмеялась и я такому откровенному замечанию.

– Дело не в годах, сааб, – серьезно заметил Нараян, – а в уважении к женскому полу. У раджпутов: чем старее женщина, тем почтительнее с нею обходятся…

– Ну коль нельзя, так и не войдем, – добродушно согласился полковник. – А я было положительно заподозрил их в желании ограбить меня и совершенно не понимал, чего это они пляшут передо мною!.. Так пройдемтесь к станции, я вам расскажу дорогой… Да, кстати, узнаем и что наша старая Б*** поделывает… Знаете, – добавил он радостным шепотом, как скоро ушел Нараян, – что Такур допускает меня к «первому *искусу*»…

– Знаю; ведь это он еще при мне вам обещал, если счастливо пройдете предварительное испытание…

– Нет, это совсем другое… Он позволяет мне попробовать *кхумбаки*[1425] и *пураки*[1426]… когда бы я ни пожелал!

– Господи!.. – в ужасе всплеснула я руками. – Да ведь это вы, значит, будете висеть вниз головой и не дыша по целым часам?.. Да с вами будет непременно удар!.. В своем ли вы уме!..

– Почему же непременно удар? Все зависит от силы воли, а в ней у меня недостатка никогда не было, – немного обидевшись, отвечал О***.

– Ну, как знаете… Только смотрите, не смеется ли он над вами... Он только желает вам доказать, как совершенно неспособен европеец к подвигам индийского аскетизма…

[1421] пляска войны (*англ.*).

[1422] В тексте: индийцев.

[1423] мистер.

[1424] *Зенана* – «гарем», женская половина дома. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1425] «Кумбхака (санскр.). Задержка дыхания, согласно предписаниям хатха-йоги» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 221).

[1426] «Пурака (санскр.). Вдох; способ дыхания, согласно предписаниям хатха-йоги» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 330).

В первый раз со времен нашего знакомства достойный американец чуть не разбранился со мною за это замечание. «Вам как будто завидно», – повторял он, невзирая на мое заявление, что решительно не вижу, чему бы можно было завидовать в подобном висячем положении летучей мыши; что повиснуть ведь всякий может, была бы на то охота, а что он только наживет себе этим беду и все над ним станут смеяться. Ничего не помогло и мои доводы не убедили его. Он приехал-де изучать «тайные науки» и – изучит их.

– Да вы на что̀ же решились?.. – рассердилась я, наконец. – Факиром, разрисованным коровьим навозом, желаете быть или радж-йогом? Так ведь вы или забыли, или не знаете, что первым настоящая *гупта-видья* столько же знакома, как и вам, а настоящие *радж-йоги*, такие как Такур, вниз головой и вверх ногами не висят и мозгов себе вверх дном не перетряхивают.

Последний аргумент, видимо, поразил его.

– Как?.. Разве Такур не практиковался в 86 позициях, предписанных «Йогой»[1427] Патанджали[1428]?..

– Очень это похоже на него, который всегда говорит с таким презрением о юродствах «хатти-йогов», то есть тех, которые, следуя мертвой букве учения Патанджали, стоят по целым дням на голове, врастают ногтями ног в землю или же висят, продев за бедро и кожу спины железный крюк, прикрепленный к *чакре*[1429], – отвечала я, окончательно разозлясь.

– Но как же он дозволяет мне?

– Дозволяет, чтоб отвязаться от вас, потому что вы пристаете к нему слишком, и он желает вас проучить, вероятно… Не сердитесь, полковник, но где же вы когда-нибудь встречали факира или даже простого *байрага-госсейна* (странствующего монаха) с таким, как у вас, брюшком?

О*** снова обиделся, даже огорчился.

– Но я могу похудеть; я только желаю ему показать *силу воли моей*, доказать, что не одни индусы достойны посвящения в высшие «тайные науки».

– Не этими фокусами докажете вы это ему! Я его лучше вас знаю… Полноте, не морочьте себя напрасными надеждами! Благодарите судьбу и за то, что, принадлежа оба к ненавидимой и презираемой им «белой расе», видя лучше всякого другого нашу безусловную горячую к нему преданность, а быть может, еще более за нашу искреннюю симпатию к его народу и уважение к родине его, нежели за первое, он делает такое неслыханное для нас исключение. Не требуйте от него того, чего он не может, не смеет нам дать, и довольствуйтесь крохами, которые он нам бросает по дороге.

– Но почему же, – не отставал от меня полковник, – скажите, почему! Ведь есть же у него ученики?

– Есть, да не такие, как мы с вами, дети гнилой цивилизации, наследники всех пороков Запада. Вот посмотрите на Нараяна; бедный малый – мистик и фанатик по природе; он живет и дышит им одним и готов по одному мановению пальца его положить за Такура десять тысяч жизней, когда б имел их. А он никогда не будет у него принят *челлой*, хотя он и природный индус.

– Но как же вы можете знать! Разве он говорил?..

[1427] «Йога-сутры» – сборник из 196 сутр (афоризмов), написанных на санскрите, в которых изложена теория и практика йоги; базовый текст индийской философской школы йоги.

[1428] Эта система философии аскетизма самая трудно понимаемая в Индии. Как халдейская каббала, по которой Симеон бан Иохай* составил в первом веке еврейскую, или же некоторые трактаты алхимиков, каждое существительное имя в ней означает по условленному ключу что-нибудь другое. Этот ключ, по общепринятым понятиям, находится у одних *радж-йогов* и браманы не имеют и понятия о настоящем значении ее учения. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Симеон бен Йохай (Шимон бар Иохай, Simeon bar Yochai, II в.) – один из виднейших еврейских законоучителей, основоположник каббалы.

[1429] «Чакра» – толстый шест с четырьмя подвижными горизонтальными крыльями или перекладинами. На ней крутятся, повиснув на *чакре* за спину, иногда до дюжины факиров, часто истекая кровью. Правительство запретило публичную выставку *чакр* на религиозных собраниях народа, но *чакры* все-таки находятся внутри жертвенных дворов храмов, куда англичане не имеют доступа. Факиры крутятся, повиснув на *чакре*, как кусок сырой говядины на безмене, пока не сорвутся!.. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

В «Московских ведомостях» последнее предложение этого примечания отсутствует.

– Ничего не говорил, а знаю, хотя бы потому, что лучше вас понимаю Патанджали и что я не в первый раз в Индии. Несчастный Нараян *не может сделаться радж-йогом, потому что он женат*.

– Да ведь он женат еще пока номинально: его жене всего одиннадцать лет. Это только обручение.

– А разве Такур имеет право разбить всю жизнь молодого, ни в чем неповинного существа? Разве он такой человек? Вы забываете, что брось теперь Нараян жену, она будет обесчещена до дня смерти. Не только она, но и все ее родные и родственники до седьмого колена лишатся касты… Ей обреют голову как вдове, и одно прикосновение ее будет *нечистым*. Ее несчастие тотчас же отнесется к тяжким грехам в одной из предыдущих ее жизней и после смерти ее даже не сожгут, а бросят на съедение шакалам…

– Несчастный молодой человек!.. – с сердечным соболезнованием воскликнул полковник, забывая на минуту свою досаду и насколько я уменьшила таким напоминанием его собственные шансы к успеху.

– Но… ему, быть может, еще улыбнется счастие… Она, быть может, еще… умрет? – наивно добавил он.

– Бедная, маленькая *Авани-бай*[1430]! Как вам не стыдно надеяться на ее смерть!..

– Да я вовсе и не надеюсь этого… Но ведь все может случиться… И я ведь только из желания ему добра…

Не успел он еще договорить последнего слова, как произошло нечто необыкновенное. Мы стояли на заднем дворе станции под деревом и говорили почти шепотом, а палатка Такура находилась, по крайней мере, за двести шагов оттуда. Вдруг, словно из густой листвы мангового дерева, над нашими головами раздался чистый, звучный голос Гулаб-Синга в ответ на эгоистическое замечание нашего президента, который так и замер на месте…

– *Тому, кто строит собственное свое счастие на несчастии другого, – не быть никогда радж-йогом!..* – явственно произнес *голос*.

Начатые почти над нашим ухом последние слова фразы, как бы постепенно удаляясь, прозвучали где-то далеко и, наконец, слились с жалобным завыванием и хохотом голодных шакалов в поле.

Полковник побежал во всю прыть своих толстых, коротеньких ножек назад в палатку Такура, где и нашел его за ужином с Нараяном и двумя другими нашими индусами. Такур допивал свою вечернюю порцию молока – единственная его пища (сколько мы успели заметить за все долгие недели его пребывания с нами), и на вопрос, не выходил ли он пред тем из палатки, полковник получил отрицательный ответ от всех присутствующих. Такур не сходил со своего ковра с того самого времени, как мистер О*** перестал ломиться в палатку «бай-сааб»…

– Я глядел на него как под влиянием минутного безумия, – рассказывал мне затем полковник, – а он сидел такой же, как и всегда, равнодушный и спокойный, вперив в меня свои удивительные глаза, которыми он словно перебирает и пощипывает вам душу до самого ее дна!.. И знаете, что̀ он отвечал мне на мое невольное восклицание, что я *кажется* слышал его голос на дворе станции? «Очень может быть, мой дорогой полковник. Невидимые коридоры вечности и безграничного пространства *аказы*[1431] наполнены всеми голосами природы – прошлого и настоящего. Весьма естественно, если вы и наткнулись нечаянно на застывшую волну моего голоса и, приведя ее в движение, пробудили в одном из таких коридоров эхо… Помните, ничто не исчезает бесследно в природе; поэтому никогда не произносите, *даже не думайте* того, чего бы вы не желали впоследствии найти запечатленным на таблицах вечности»… Черт меня побери, если я понимаю эту ходячую загадку, которую мы все зовем Такуром! Кто и что̀ он такое?!

На другой день мы уложили мисс Б***, слабую, но уже снова бранчивую, в вагон и отправили ее на попечении У*** и врача назад в Агру. На прощальный привет бабу́, который провозился с нею и ухаживал за нею до утра, она отвечала милостивым, но величавым и довольно

[1430] *Авани* – «океан»; *бай* – «сестра», следует после каждого женского имени у парсов, как и у индусов. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[1431] *Аказа* – эфир наших ученых и сверх того еще нечто непередаваемое на нашем языке и чему метафизика Запада не нашла еще подходящего названия. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

холодным наклонением головы. Из индусов она никому не подала руки, но У***, устыдясь нашего присутствия, торопливо и будто прячась за спины зрителей, пожал им всем руки, кроме Такура, который не присутствовал при проводах. Врач, приподняв пред нами слегка шляпу и с потухшею сигарой в зубах, обратился было к «молчаливому генералу» с *приказанием* достать ему огня. Но он был тут же огорошен полковником, который, взяв Мульджи под руку, крикнул во всю станцию: «Гей! Кто там! Пришлите сюда *лакея*!», смело глядя в глаза и врачу, и появившемуся уже на платформе «шпиону». Ко мне мисс Б*** упала со слезами в весьма холодные объятия и в продолжение двух минут утирала у меня на груди свой нос.

Наконец, последний звонок освободил нас от этого несимпатичного элемента, и мы все вздохнули, как будто у нас свалилась тяжелая гора с плеч. Мы остались одни с глазу на глаз с нашими индусами и англо-индийским шпионом. Но он в тот же день куда-то таинственно исчез, и его заменили до нашего возвращения на британскую территорию, как мы узнали от Такура, шпионы-мусульмане.

Под вечер того же дня мы отправлялись в столицу махараджи, где и ночевали впервые во дворце независимого принца Индии. Но об этом и о дальнейших наших приключениях сказка впереди.